

**МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАОЧНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

**ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ
ЮРИСПРУДЕНЦИИ**

Новосибирск, 2012 г.

УДК 34
ББК 67
В 74

Рецензент — кандидат юридических наук, доцент кафедры экономико-управленческих и правовых дисциплин, филиал Российского государственного гуманитарного университета, действительный государственный советник Российской Федерации 3 класса, Андреева Любовь Александровна.

В 74 «Вопросы современной юриспруденции»: материалы международной заочной научно-практической конференции. (Об февралю 2012 г.) — Новосибирск: Изд. «ЭКОР-книга», 2012. — 154 с.

ISBN 978-5-8561-8259-9

Сборник трудов международной заочной научно-практической конференции «Вопросы современной юриспруденции» отражает результаты научных исследований, проведенных представителями различных школ и направлений современной юриспруденции.

Данное издание будет полезно аспирантам, студентам, исследователям в области практической юриспруденции и всем интересующимся актуальным состоянием и тенденциями развития юриспруденции.

ББК 67

ISBN 978-5-8561-8259-9

Оглавление

Секция 1. Административное право и процесс	7
АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРИОСТАНОВЛЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ ИЛИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ Андреева Любовь Александровна Богданов Анатолий Геннадьевич	7
РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОБЛАСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ Позднякова Радмила Борисовна Ахмадова Марьям Абдурахмановна	16
Секция 2. Актуальные вопросы противодействия общуголовной преступности	21
РАССЛЕДОВАНИЕ НЕЗАКОННОЙ ОХОТЫ Нецветова Елизавета Викторовна	21
ДИАГНОСТИКА ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ ПО СРЕДСТВАМ ИННОВАЦИОННЫХ МЕТОДИК. Р 300 Трунов Никита Игоревич	26
Секция 3. Гражданский и арбитражный процесс	30
О ЗНАЧЕНИИ МОТИВИРОВОЧНОЙ ЧАСТИ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ Николайченко Ольга Викторовна	30
Секция 4. Гражданское, жилищное и семейное право	36
ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОХРАНЫ ОБЪЕКТОВ ИЗОБРЕТАТЕЛЬСТВА И ПАТЕНТНЫХ ПРАВ В ПРОЕКТЕ ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Андреева Любовь Александровна	36
ИННОВАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ Баранова Юлия Александровна	41

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ НОРМА» И «ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЕ ПРЕДПИСАНИЕ» Васильев Владимир Валерьевич	49
ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОВОГО РЕЖИМА ИМУЩЕСТВА АВТОНОМНОГО И БЮДЖЕТНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ Полотовская Елена Юрьевна	53
ФОРМЫ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКИМИ ПРАВАМИ Шабанов Вадим Васильевич	57
АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ ЗАЩИТЫ КОММЕРЧЕСКОЙ ТАЙНЫ Щербачева Любовь Владимировна	63
Секция 5. История государства и права России и зарубежных стран	70
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОСЛОВНЫХ СУДОВ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1781—1874 ГОДАХ Мхитарян Людмила Юрьевна	70
ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРЕВА ДВОРА В XV ВЕКЕ Савинова Екатерина Анатольевна	77
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РЕЖИМА СОДЕРЖАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ Якушина Евгения Сергеевна	82
Секция 6. Конституционное право	86
НАЦИОНАЛЬНОЕ ДОСТОЯНИЕ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ ФОРМА ПУБЛИЧНОЙ СОБСТВЕННОСТИ Захаров Александр Вячеславович Бибаров-Государев Антон Петрович	86
ГОРИЗОНТЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ В КОНТЕКСТЕ АКСИОЛОГИЧЕСКОГО СТАТУСА ПРАВА НА БЛАГОПРИЯТНУЮ ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ Пермиловский Михаил Сергеевич	90

Секция 7. Правоохранительные органы	98
МЕРЫ ПРОКУРОРСКОГО РЕАГИРОВАНИЯ НАПРАВЛЕННЫЕ НА УСТРАНЕНИЕ НАРУШЕНИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГУЛИРУЮЩЕГО УПРАВЛЕНИЕ И РАСПОРЯЖЕНИЕ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТЬЮ	98
Маслова Светлана Васильевна	
О МЕСТЕ ОПРОСА В СИСТЕМЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИТИЙ ОСУЩЕСТВЛЯЕМЫХ ТАМОЖЕННЫМИ ОРГАНАМИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	102
Урлис Михаил Юрьевич	
Секция 8. Сравнительное конституционное право	108
ОГРАНИЧЕНИЯ ЛИЧНЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА В СТРАНАХ СНГ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ	108
Вечканова Наталья Валерьевна	
Секция 9. Теория государства и права	113
ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАДАЧ ДАЛЬНЕЙШЕГО ХОДА ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ РЕФОРМ	113
Вологина Жанна Юрьевна	
Мингазов Сирил Салаватович	
Секция 10. Трудовое право и право социального обеспечения	118
ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛНОМОЧИЙ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ИНСПЕКЦИЕЙ ТРУДА	118
Карпизенкова Ольга Анатольевна	
Подзолков Владимир Григорьевич	
ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА НАУЧНОГО РАБОТНИКА	124
Ковалева Мария Александровна	
Секция 11. Уголовное право	129
К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	129
Полянская Елена Петровна	
ОСНОВНЫЕ МЕРЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОМПЬЮТЕРНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ	133
Салиева Талайгул Камчыбековна	

Секция 12. Финансовое право и финансовая политика	137
ПОНЯТИЕ БЮДЖЕТНОГО КОНТРОЛЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Блиндюк Ирина Владимировна	137
О ПРИМЕНЕНИИ СИСТЕМЫ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ В ВИДЕ ЕНВД В ОТНОШЕНИИ РЕАЛИЗАЦИИ ТОВАРОВ БЮДЖЕТНЫМ УЧРЕЖДЕНИЯМ Горяинова Екатерина Михайловна	141
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ БЮДЖЕТНОГО КОНТРОЛЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Карпов Эдуард Сергеевич	146

СЕКЦИЯ 1

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРИОСТАНОВЛЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ ИЛИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Андреева Любовь Александровна

*канд. юрид. наук, доцент филиала Российского государственного
гуманитарного университета, г. Великий Новгород*

Богданов Анатолий Геннадьевич

*Адвокат коллегии адвокатов «Защитник»
г. Великий Новгород*

E-mail: andreeva56@mail.ru

Административно-правовая политика в области административной ответственности индивидуальных предпринимателей и юридических лиц направлена на упорядочение деятельности этих лиц. Согласно нормам Гражданского кодекса РФ предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность [1]. Вместе с тем самостоятельность не означает, что предприниматель вправе не соблюдать и игнорировать нормы действующего законодательства. Деятельность нарушителей установленного порядка подлежит принудительному приостановлению. В связи с чем возникает вопрос, который требует уточнения понятия приостановления деятельности индивидуального предпринимателя и юридического лица, в том числе, по-сути является ли приостановление деятельности мерой наказания либо является мерой пресечения правонарушения.

Административное наказание — это установленная государством мера ответственности за совершение административного правонарушения, которая применяется в целях предупреждения совершения новых правонарушений, как самим правонарушителем, так и другими лицами (ч. 1 ст. 3.1 КоАП РФ [2]). Если это административное наказание, следовательно, необходимо определить

субъекты, которые подвергаются этому наказанию. В соответствии со статьей 3.2 КоАП РФ [2] административное приостановление деятельности является видом административного наказания за совершение административных правонарушений, и назначать его вправе только суд и применяет к индивидуальному предпринимателю либо юридическому лицу. Представляется, что понятие наказуемого более чем «размытое», и следует уточнить, а кто именно наказан и виновен в совершенном правонарушении. Юридическое лицо — сложное понятие и включает в себя несколько субъектов, которые взаимосвязаны и взаимозависимы в составе юридического лица, в том числе учредители, директор и администрация и, наконец, трудовой коллектив данного предприятия.

Законодатель в статье 3.12 КоАП РФ [2] указал, что административное приостановление деятельности заключается во временном прекращении: деятельности индивидуальных предпринимателей, юридических лиц, их филиалов, представительств, структурных подразделений, производственных участков; эксплуатации агрегатов, объектов, зданий или сооружений; осуществления отдельных видов деятельности (работ), оказания услуг. Максимальный срок, на который может быть установлено административное приостановление деятельности, составляет 90 суток (ч. 2 ст. 3.12 КоАП РФ [2]). Фактически приостановление (фактическое прекращение деятельности на какой-то период), когда предприятие не работает, наступают негативные последствия: не выплачивается заработная плата работникам, не будут выплачиваться налоги, платежи в различные фонды. Таким образом, подвергаются наказанию субъекты, которые невиновны в совершении данного правонарушения, и даже не подозревали, что такая ситуация может произойти, причем не могли повлиять на данную ситуацию. Ответственность учредителя также минимизируется, так как он, в основном, напрямую не связан с производственной деятельностью, не признает себя виновным. Административное приостановление деятельности применяется при угрозе: жизни или здоровью людей; возникновения эпидемии, эпизоотии, заражения (засорения) подкарантинных объектов карантинными объектами; наступления радиационной аварии или техногенной катастрофы; причинения существенного вреда состоянию или качеству окружающей среды, однако административный орган оценивает угрозу и устанавливает сроки для устранения нарушений.

Вместе с тем, законодатель распространил применение данного наказания и на другие правонарушения, в значительной степени отличные по составу, в частности по квалификации объективной

стороны нарушения. В частности, деятельность организации может быть приостановлена в случае совершения административного правонарушения в области: оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров; противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма; установленных в соответствии с федеральным законом в отношении иностранных граждан, лиц без гражданства и иностранных организаций ограничений на осуществление отдельных видов деятельности; правил привлечения иностранных граждан и лиц без гражданства к трудовой деятельности, осуществляемой на торговых объектах (в том числе в торговых комплексах); порядка управления; общественного порядка и общественной безопасности; градостроительной деятельности. В целом, перечисленные составы административных правонарушений могут быть сформулированы в отдельных статьях КоАП РФ. Совмещение разных по составу правонарушений приводит в «неточному» смыслу квалификации понятия «угрозы жизни или здоровью людей», которая не охватывает нарушения правил привлечения иностранных граждан к трудовой деятельности либо нарушения иностранными организациями ограничений на осуществление отдельных видов деятельности.

Постановление о временном прекращении деятельности организации выносится судьями районных судов на основании протоколов об административных правонарушениях, составленных уполномоченным должностным лицом в соответствии с нормами статьи 28.3 КоАП РФ [2] (ч. 3ст. 23.1 КоАП РФ [2]). Причем меры устанавливаются одновременно с обращением в суд о наказании в виде приостановления деятельности. Например, в ситуации, когда до рассмотрения дело нарушение уже устранено, а суд наказывает юридическое лицо, приостановив деятельность, либо прекращает дело, или все-таки наказывает штрафом, так как на определенное время нарушение было совершено повторно, либо рассматривает как новое правонарушение и отказывает в приостановлении деятельности. Эта ситуация дает возможность при совершении одного и того же административного правонарушения, применять широкий спектр мер, практически подменяя законодателя, и толковать нормы практически самостоятельно, без учета основного квалифицирующего признака — угрозы жизни и здоровью, в том числе и работникам предприятия. Однако угроза жизни и здоровья работникам предприятия не рассматривается вообще, наоборот работники предприятия терпят материальные и моральные наказания, им не выплачивается

заработная плата, а срок 90 дней представляет собой значительный срок в календарном году. Это, зачастую, приводит к социальной напряженности и иным тяжким последствиям. Таким образом, терпят наказание невинные лица, как непосредственно, так и опосредованно, отсутствуют трудовые гарантии и компенсации.

Следует отметить, что орган, установивший нарушение сам решает вопрос — направлять или нет материалы в суд. В тоже время в статье 29.10 КоАП РФ [2] указывается, что суд самостоятельно определяет мероприятия, обеспечивающие исполнение судебного постановления. Таким образом, первый самостоятельно решает вопрос о направлении материалов в суд, суд самостоятельно принимает решение о приостановлении деятельности, а затем самостоятельно определяет мероприятия о приостановлении. Это представляет последовательность нескольких не связанных решений, что в целом, противоречит принципам административного права и целям наказания. В соответствии с частью 2 статьи 32.12 КоАП РФ [2] при административном приостановлении деятельности могут производиться следующие действия: опечатывание помещений, мест хранения товаров и иных материальных ценностей, касс; наложение пломб; иные действия, обеспечивающие исполнение административного приостановления деятельности. На практике суд принимает единственное решение — приостанавливает деятельность юридического лица, тем самым устанавливая причины и вину юридического лица, не вдаваясь в сам состав правонарушения, не установив в основном офисе, либо филиале совершено правонарушение, либо опасно для жизни и здоровья населения использование отдельных средств, механизмов, оборудования. Нередко действия приставов-исполнителей, опечатавших помещения, препятствуют работе бухгалтерии, отделов кадров и других подразделений, тем самым лишая юридическое лицо выполнить требования закона в отношении работников предприятия. Руководителю предприятия необходимо издать соответствующие распорядительные документы, в которых указываются дата, с которой деятельность компании административно приостанавливается; мероприятия, направленные на исправление нарушений, и их сроки; лица, ответственные как за исполнение предусмотренных мер, так контроль за их выполнением. Из данной ситуации следует, что имеются многочисленные пробелы в законодательстве, которые требуют восполнения и толкования.

При административном приостановлении деятельности не допускается применение мер, которые могут повлечь необратимые

последствия для производственного процесса, а также для функционирования и сохранности объектов жизнеобеспечения. Вместе с тем, это положение не нашло четкого отражения в нормах закона, а Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении № 5 от 24 марта 2005 г. «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (в ред. Постановлений Пленума Верховного Суда РФ от 25.05.2006 № 12, от 11.11.2008 № 23, от 10.06.2010 № 13) дает толкование с точки зрения суда, не вдаваясь в суть цели наказания в виде приостановления деятельности.

Судом может быть принято решение о возобновлении деятельности компании, ее филиала, представительства, структурного подразделения, производственного участка, указывается в постановлении о досрочном прекращении исполнения административного наказания в виде административного приостановления деятельности, устанавливается дата. В данном постановлении также указывается дата возобновления эксплуатации агрегатов, объектов, зданий или сооружений, осуществления отдельных видов деятельности (работ), оказания услуг.

Одной из распространенных причин административного приостановления деятельности предприятия является несоблюдение норм и правил пожарной безопасности (ч. 1 ст. 20.4 КоАП РФ [2]). Требование соблюдения правил пожарной безопасности распространяется на все предприятия и не имеет отраслевой принадлежности. В то время как, например, нарушение санитарно-эпидемиологических требований к организации питания населения относится к организациям общественного питания (ст. 6.6 КоАП РФ [2]).

Судебное производство требует времени. Поэтому до того момента, когда будет вынесено судебное постановление о приостановлении деятельности, применяется особая мера обеспечения производства по делу об административном правонарушении, а именно временный запрет деятельности (ч. 1 ст. 27.1 КоАП РФ [2]). Срок временного запрета деятельности не должен превышать пять суток (ч. 1 ст. 27.17 и ч. 5 ст. 29.6 КоАП РФ [2]). При этом срок временного запрета деятельности засчитывается в срок административного приостановления деятельности (ч. 5 ст. 29.6 КоАП РФ [2]). Следовательно, мера пресечения о приостановлении деятельности и наказание в виде приостановления деятельности, практически, идентичны. Применение приостановления деятельности и по другим поводам, указанным в данной статье также сомнительны,

а для предпринимательства такой вид наказания неэффективен и может привести к состоянию банкротства.

Статья 3.12. КоАП РФ указывает, что административное приостановление деятельности применимо, если менее строгие виды административного наказания не могут обеспечить достижение цели административного наказания [2]. Применение административного приостановления деятельности при рассмотрении дел об административных правонарушениях законодатель возложил на судей федеральных районных судов и арбитражных судей. Однако, исследовав применение данной нормы, авторы полагают целесообразным исключение ее из КоАП РФ.

Рассматривая административное приостановление деятельности, необходимо обратить особое внимание на установленный максимальный срок административного приостановления деятельности индивидуального предпринимателя или юридического лица, но не указан минимальный срок. В связи с этим, представляется, что максимальный срок в 90 суток и отсутствие минимального срока, способствует применению данного наказания без учета вины и конкретных обстоятельств дела. Безусловно, административное приостановление деятельности как наказание является наиболее строгим и его назначением применяется в случаях угрозы жизни или здоровью людей, возникновения эпидемии, эпизоотии, заражения (засорения) подкарантинных объектов карантинными объектами, наступления радиационной аварии или техногенной катастрофы, причинения существенного вреда состоянию или качеству окружающей среды, однако, отсутствие низшего предела приводит к необъективной оценке деяния. Соответствующие дополнения и изменения, внесенные в отдельные статьи Особенной части КоАП РФ, существенно ужесточили санкции. Однако законодатель оставил без ответа вопрос о последствиях такого сурового наказания, если и после установленного 90-суточного срока приостановления деятельности индивидуального предпринимателя или юридического лица обстоятельства, послужившие основанием, предусмотренным для назначения наказания, не будут устранены. В этой ситуации налагается новое административное наказание, и административный процесс начинается вновь.

Следует учитывать, что существует несколько оснований исключающих применение мер административной ответственности, указанных в статье 227 КоАП РФ [2], которые исключают производство по делам административных правонарушений. Такими обстоятельствами являются: отсутствие события правонарушения, отсутствие состава

правонарушения, издание акта, устраняющего применение административного взыскания, истечение сроков наложения административного взыскания либо привлечение по тому же факту к административной ответственности (постановление о наложении административного взыскания, неотменное постановление о прекращении дела об административном правонарушении либо наличие по факту уголовного дела). В частности Пленум Верховного суда РФ [3] указал, что наказание в виде административного приостановления деятельности индивидуального предпринимателя или юридического лица может быть назначено судьей районного суда лишь в случаях, предусмотренных статьями Особенной части КоАП РФ, если менее строгий вид наказания не сможет обеспечить достижение цели административного наказания, что должно быть мотивировано в постановлении по делу об административном правонарушении (абзац второй части 1 статьи 3.12, пункт 6 части 1 статьи 29.10 КоАП РФ). При назначении этого наказания надлежит учитывать характер деятельности индивидуального предпринимателя или юридического лица, характер совершенных ими действий (бездействия), а также другие обстоятельства, влияющие на создание условий для реальной возможности наступления негативных последствий для жизни или здоровья людей, обстоятельства угрозы причинения вреда, должны быть указаны судьей в постановлении по делу об административном правонарушении [3]. В постановлении по делу судья обязан решить вопрос о мероприятиях, необходимых для обеспечения его исполнения, которые в зависимости от обстоятельств каждого дела могут заключаться во временном прекращении эксплуатации тех агрегатов, объектов, зданий или сооружений, принадлежащих индивидуальному предпринимателю или юридическому лицу, либо во временном прекращении осуществления индивидуальным предпринимателем или юридическим лицом, его филиалами, представительствами, структурными подразделениями, производственными участками тех видов деятельности (работ), оказания услуг, от которых исходит угроза причинения вреда охраняемым общественным отношениям (абзац второй части 2 статьи 29.10 КоАП РФ [2]).

Иными обстоятельствами являются отсутствие состава административного правонарушения, т. е. отсутствуют признаки, которые образуют в своей совокупности состав правонарушения, отграничивающее правонарушение от деяния, которое им не является.

Административное приостановление деятельности осуществляется по решению суда в том случае, если создается угроза жизни и безопасности людей. Доказывание наличия на объекте реальной угрозы жизни и безопасности людей, в соответствии с

требованиями КоАП РФ, лежит на органах, установивших наличие административного правонарушения. Само по себе перечисление в административном протоколе допущенных нарушений не является доказательством наличия реальной угрозы жизни и безопасности людей. Без проведения, например, пожарно-технической экспертизы установить величину риска не представляется возможным [4, 5] При рассмотрении дел об административных правонарушениях, а также по жалобам на постановления или решения по делам об административных правонарушениях судья должен исходить из закрепленного в ст. 1.5 КоАП РФ [2] принципа административной ответственности — презумпции невиновности лица, в отношении которого осуществляется производство по делу. Реализация этого принципа заключается в том, что лицо, привлекаемое к административной ответственности, не обязано доказывать свою невиновность, вина в совершении административного правонарушения устанавливается судьями, органами, должностными лицами, уполномоченными рассматривать дела об административных правонарушениях. Неустрашимые сомнения в виновности лица, привлекаемого к административной ответственности, должны толковаться в пользу этого лица.

Субъективную сторону административного правонарушения составляет отношение лица к совершенному им деянию, то есть наличие вины в форме умысла или неосторожности. При этом административное приостановление деятельности возможно только при повторном совершении хотя бы одного из подобных правонарушений, то есть при установлении умысла. При внесении изменений в ст. 20.4 КоАП РФ [2] дело может стать неподведомственным и неподсудным районному суду, т. к. приостановление деятельности, как исключительный вид наказания возможно исключительно судом и только при повторном совершении хотя бы одного из перечисленных в статье 20.4 КоАП РФ нарушений [2]. Требование о назначении наказания в виде административного приостановления деятельности зачастую неопределенно и направлено на прекращение деятельности юридического лица в целом. При назначении дела к слушанию судья должен выяснить, правильно ли составлен протокол об административном правонарушении и оформлены иные материалы дела. В случае применения временного запрета деятельности, дело должно быть рассмотрено судьей не позднее пяти суток с момента фактического прекращения деятельности по эксплуатации и в остальных случаях дело об административном правонарушении рассматривается в пятнадцатидневный срок со дня получения судьей

протокола об административном правонарушении и других материалов дела [2]. Зачастую требование закона судом не выполняется, дела назначаются с заведомо нарушенным сроком в 1 месяц.

Таким образом, можно сделать вывод, что сущность административной ответственности индивидуальных предпринимателей и юридических лиц в виде приостановления деятельности, требует исключения данного наказания из состава административных наказаний, сохранив административное приостановление деятельности индивидуальных предпринимателей и юридических лиц в исключительных случаях, только при установлении факта угрозы жизни и здоровью людей, в том числе работников предприятия, только судом, и только в качестве меры пресечения. Этот срок должен определяться временем необходимым для устранения допущенного нарушения. Необходимо восполнить пробел в системе наказаний по данной категории административных правонарушений. Таким образом, система административной ответственности требует дальнейшего совершенствования, как мер административного пресечения, так и мер административного наказания, замены одних, изживших себя форм административной ответственности другими, имеющими предупредительное значение.

Список литературы:

1. Гражданский Кодекс Российской Федерации по состоянию на 01.05.2011 — [Электронный ресурс] Режим доступа — КонсультантПлюс — 2011
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // [Электронный ресурс]. Режим доступа. — КонсультантПлюс. ВерсияПроф — М., 2011
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 13 «О внесении изменений и дополнений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда РФ» — Режим доступа. — URL: <http://www.supcourt.ru/>
4. Федеральный закон РФ от 03.06.2011 № 120-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях по вопросам пожарной безопасности» — Режим доступа. — URL: <http://base.consultant.ru/>
5. Федеральный закон РФ от 21.12.1994 № 69-ФЗ «О пожарной безопасности» — Режим доступа. — URL: <http://www.mchs.gov.ru/law/index>.

РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОБЛАСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Позднякова Радмила Борисовна

канд. юрид. наук, доцент РУДН, г. Москва

Ахмадова Марьям Абдурахмановна

студент, 3 курс юридического факультета РУДН, г. Москва

E-mail: 4ernijkvadrat95@gmail.com

*«Легче угадать путь птиц в небесах,
чем уловки хитроумных чиновников»*

Артхашиатсра

Сегодня о коррупции задумываются практически все. Это явление стало столь распространенным, масштабы коррупции столь велики, что борьба с ней стала одним из главных направлений государственной политики, о чем свидетельствует решения, принятые в последнее время руководством страны.

Институт противодействия коррупции представляет собой активно формирующийся преимущественно в рамках отрасли административного права межотраслевой правовой институт, возникший в связи с ратификацией РФ в 2006 году международных антикоррупционных конвенций, осуществлением мероприятий административной реформы [8], а также обострением проблемы коррупции. Если до 2005 г. вопросы противодействия коррупции регулировались разрозненно-отдельными статьями законов о государственной службе, а также на подзаконном уровне, то в настоящее время правовая основа отношений в данной области представляет собой внушительный массив нормативных правовых актов.

Присоединение России к международным антикоррупционным конвенциям [2], а также вступление в Группу государств против коррупции (ГРЕКО) с 1 января 2007 г. продолжает оказывать существенное влияние на развитие законодательства в рассматриваемой области. Особое внимание уделяется реализации 26 рекомендации ГРЕКО, данных её экспертами в отношении Российской Федерации. Реализацией первой рекомендации ГРЕКО явилось установление национальной антикоррупционной стратегии, выразившееся в утверждении 31 июля 2008 г. Президентом РФ Национального плана противодействия коррупции [9], а впоследствии Указом Президента РФ от 13 апреля 2010 г. №460 [10] —

Национальной стратегии противодействия коррупции и Национального плана противодействия коррупции на 2010—2011 гг.

Для зарубежных стран сравнимых по численности государственного аппарата с Российской Федерацией, характерно развитое законодательство о противодействии коррупции (Великобритания, Германия, США, Франция и др.). Эталонным считается новый закон Республики Корея «О борьбе с коррупцией», вступивший в силу 1 января 2002 г. и получивший широкое международное признание. В соответствии с ним право начинать расследование о коррупции фактически предоставлено любому совершеннолетнему гражданину страны. Комитету по аудиту и инспекции (так называется в стране главный антикоррупционный орган) вменено в обязанность начинать расследования соответствующих обвинений по любому заявлению граждан [1]. Если обратиться к опыту зарубежных государств, например, Великобритания является одной из первых стран, которая приняла Закон «О предотвращении коррупции» [4]. Принятие специализированных законов противодействия коррупции является общей тенденцией для государств — участников СНГ, основанной на международных рекомендациях [6]. Практика реализации антикоррупционных стратегий зарубежных государств свидетельствует о необходимости применения наряду с уголовно правовыми и административно-правовыми способами противодействия коррупции мер, направленных на предоставление конкурентной оплаты труда публичным служащим. Об этом в частности свидетельствует опыт Сингапура и Японии, в которых социальное обеспечение указанной категории граждан находится на достаточно высоком уровне.

Со дня вступления в законную силу Конституции РФ был принят Федеральный закон «О противодействии коррупции» [11], призванный, в свою очередь, стать ядром антикоррупционного законодательства. Данный закон содержит легальное определение коррупции, устанавливает основные принципы противодействия коррупции и борьбы с ней, минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений. Его принятие обусловлено необходимостью модификации других нормативных правовых актов. Федеральный закон о противодействии коррупции предусматривает развитие институтов общественного и парламентского контроля за соблюдением законодательства РФ о противодействии коррупции. При развитии данных институтов целесообразно будет учитывать эффективные практики регламентации

социально-правового контроля в зарубежных странах, в частности в Японии и США [3].

Доклад группы государств по борьбе с коррупцией (ГРЕКО) по России отмечает, что российские власти серьезно относятся к очевидным признакам широкого распространения коррупции; борьба с организованной преступностью, коррупцией и другими серьезными преступлениями указана как один из приоритетов еще в президентской Концепции национальной безопасности 1997 г. Более того, создан Совет при Президенте РФ по противодействию коррупции, который укрепляет политическое намерение власти решительно бороться с коррупцией и подобные шаги нужно приветствовать [12].

В докладе ГРЕКО существенное внимание уделяется вопросу об административном правосудии, а именно, отсутствие судов, специализирующихся только на рассмотрении административных дел. В нашей стране предложения об учреждении административных судов является ареной серьезных «политических и теоретических полемик» уже несколько лет, а различными учреждениями были подготовлены два законопроекта. В своих рекомендациях группа государств ГРЕКО отметила, что существующая система, в которой административные вопросы рассматриваются судами общей юрисдикции и коммерческими судами, имеющими некоторую степень специализации, недостаточна. Более того, усовершенствование административного законодательства и процедур, а также создание структур государственного управления, призванных обеспечить более эффективное управление, вероятнее всего, приведет к появлению более сложных дел, требующих от судей специальных знаний в области права. Таким образом, России рекомендуется продолжить усилия по усовершенствованию процедуры обжалования в административном и судебном порядке действий и решений органов государственного управления и рассмотреть в качестве долгосрочной цели вопрос о создании специализированной системы административных судов [12].

Подводя итоги, следует считать, что основные направления совершенствования антикоррупционного законодательства должны быть связаны с:

- подготовкой законодательного акта, предусматривающего сокращение категорий лиц, обладающих иммунитетом от судебного преследования;
- подготовкой проекта законодательного акта, восполняющего правовой пробел в обеспечении мер государственной защиты лиц,

добровольно сообщающих о коррупции в сфере государственного управления;

- создание специализированной системы административных судов;
- совершенствования типовых документов в области противодействия коррупции (планов, программ, положений);
- разработка федерального закона об общественном контроле;
- учет требований международных требований, путем имплементации данных норм в национальное законодательство.

В настоящее время коррупция в России представляет собой социальную угрозу и препятствует эффективному развитию государства.

Исторический анализ коррупционных проявлений свидетельствует о многочисленных попытках государства покончить с коррупцией. Как отмечал известный историк В. О. Ключевский: «История это фонарь в будущее, который светит нам из прошлого» [5]. Прошлое нашей страны свидетельствует о многочисленных причинах неудач в борьбе с коррупцией, среди которых можно назвать неизменность и односторонность используемых подходов — репрессии не могут принести долговременных положительных результатов. Кроме того, с коррупцией внутри государственного аппарата боролись исключительно представители самого аппарата. Это приводило к двум последствиям, боровшиеся были не в состоянии искоренять причины, порождающие коррупцию, поскольку они восходили к важнейшим условиям существования системы; борьба против коррупционеров нередко перерастала в борьбу против конкурентов на рынке коррупционных услуг [7].

В настоящее время, по-прежнему основной упор делается на борьбу с последствиями коррупции, а её причины остаются практически без внимания. Нужны целенаправленные усилия со стороны государства и гражданского общества, соответствующая антикоррупционная политика с учетом национальных особенностей. Очевидно, что она должна строиться на административной реформе: если не реформировать систему управления, не будут устранены основные причины коррупции. Целесообразно упростить бюрократические процедуры, избавить государство от избыточных функций, передав их другим субъектам, например, общественным организациям, обеспечить соблюдение принципов гласности, открытости и публичности в деятельности органов государственной власти.

Список литературы:

1. Бочарников И. В. Зарубежный опыт противодействия коррупции// Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. 2008. № 6 (351).
2. Конвенция ООН против коррупции от 31 октября 2003 г.; Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г. // <http://www.korupcii.net/index.php?s=4>
3. Концепции развития российского законодательства — под. ред. Т. Я. Хабриевой, Ю. А. Тихомирова. М., 2010. С. 177
4. Курагин А. В. Международные и зарубежные стандарты административно-правовых средств предупреждения и пресечения коррупции в системе государственной службы// Росс. Юстиция. 2009. № 3.
5. Ключевский В. О. Курс русской истории. СПб, 1904. 54
6. Международное право и национальное законодательство/ Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. М., 2009. С. 582.
7. Наследие юридической науки и современность. Под ред. М. Я. Булошников, Л. С. Колобова. М., 2011. С. 332
8. Распоряжение Правительства РФ от 25 октября 2005 г. № 1789-р «О конвенции административной реформы в Российской Федерации в 2006—2010 годах»// СЗ РФ. 2005. № 46. Ст. 472.
9. Национальный план противодействия коррупции, утв. 31 июля 2008 г. // Российская газета 2008. № 266.
10. Указ Президента РФ от 13 апреля 2010 г. № 460 //Российская газета 2008. № 4721.
11. Федеральный закон «О противодействии коррупции» //Российская газета 2008. № 266.
12. <http://anti-corruption.ru/node/99>

СЕКЦИЯ 2.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОБЩЕУГОЛОВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

РАССЛЕДОВАНИЕ НЕЗАКОННОЙ ОХОТЫ

Нецветова Елизавета Викторовна

*аспирант кафедры методологии криминалистики ФГБОУ ВПО
«Саратовская государственная юридическая академия», г. Саратов
E-mail: alliska83@mail.ru*

Незаконная охота является одним из самых распространенных экологических преступлений в настоящее время, и в тоже время одним из самых неисследованных, особенно в части методики расследования анализируемых преступлений. В основном она рассматривается в рамках экологических преступлений, а не самостоятельно. Это правильно, т. к. животный мир не может рассматриваться в отрыве от окружающей среды, является ее составной частью [12, с. 4] Нерациональное использование животного мира влечет нарушение экологического баланса в природе и истощению экосистемы. Значение экосистем бесценно для человека, т.к. они предоставляют нам пищу, регулируют климат, поддерживают круговорот питательных веществ, перерабатывают отходы и т. п. [13, с. 211] Статья 42 Конституции РФ гарантирует право каждого человека на благоприятную окружающую среду [1]. Жизнь потребовала рассматривать незаконную охоту, как самостоятельный институт, в том числе как сложную криминалистическую проблему. Проблемы борьбы с незаконной охотой пытались решить такие исследователи как, С. А. Данилюк, В. В. Егшин, А. С. Курманов, И. И. Пиндюк, В. Н. Суханов, С. П. Щерба, однако многие ее аспекты до настоящего времени остались не решенными. Статистика раскрываемости данного вида преступления выглядит удручающе, да и судить по имеющимся данным о реальном положении дел трудно. Это связано с высоким уровнем латентности, т. к. правонарушители принимают все возможные меры по сокрытию самого факта правонарушения. Так, в Саратовской области в 2011 году было зарегистрировано 22 факта производства незаконной охоты. Из них по ст. 258 УК РФ было возбуждено всего семь уголовных дел. Все они приостановлены по ч. 1 п. 1 ст. 208 УПК РФ. В

двенадцати случаях отказано в возбуждении уголовного дела, лица привлечены к ответственности по ч. 1. ст. 8.37 КоАП РФ. В трех случаях причина смерти животных не установлена, в связи с чем были вынесены постановления об отказе в возбуждении уголовных дел [19]. Такое положение объясняется проблемами доказывания, слабым оперативным обеспечением расследования. Кроме проблем связанных с расследование можно говорить и о иных причинах как субъективного так и объективного характера это несовершенство действующего законодательства в области охраны животного мира; частые изменения в структуре органов, осуществляющих государственный контроль и надзор в области охраны и использования животного мира с перераспределением хозяйственно-распорядительных и иных полномочий (Облхотуправление → Россельхоз → Комитет охотничьего хозяйства и рыболовства); слабая материально-техническая база для быстрого, своевременного реагирования после сообщения о факте производства незаконной охоты. Особо следует выделить недостаточное количество государственных охотничьих инспекторов: так на 38 районов Саратовской области приходится по штатному расписанию Комитета охотничьего хозяйства и рыболовства всего 27 инспекторов. Совершенно понятно, что это не может положительно отразиться на качестве сбора первичных материалов, в проведении дознания [19].

При производстве уголовного дела по ст. 258 УК РФ подлежат установлению и доказыванию следующие обстоятельства: факт нарушения правил охоты; характер и обстоятельства нарушения; время и место нарушения; характер и размер вреда, причиненный преступлением (количество отстрелянных животных, крупный ущерб); обстоятельства, исключющие преступность и наказуемость деяния, а также смягчающие и отягчающие наказание; обстоятельства, способствовавшие совершению данного преступления. При доказывании, как показывает анализ следственной практики, наиболее часто возникает проблема оценки ущерба. На это указывал и Пленум Верховного суда. Например отстрел лося, зубра, оленя, животных, занесенных в Красную книгу согласно п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда от 05.11.1998 года № 14 «О практике применения судами законодательства об ответственности за экологические правонарушения» [8] является причинением крупного ущерба, а следовательно основанием для возбуждения уголовного дела по ч. 1 ст. 258 УК РФ, но дела не возбуждаются по причине «невозможности установить сумму материального ущерба». При оценке ущерба следует четко руководствоваться Приказом Минсельхозпрода РФ от 25.05.1999 года № 339 «Об утверждении такс для исчисления размера взыскания за ущерб, причиненный юридическими и физическими лицами незаконным

добыванием или уничтожением объектов животного мира, отнесенных к объектам охоты» [10], которым определены порядок и форма ущерба.

При доказывании дознаватели не всегда учитывают положения, что охота — это только деятельность, связанная с поиском, выслеживанием, преследованием охотничьих ресурсов (объектов животного мира), их добычей, первичной переработкой и транспортировкой, что также к охоте приравнивается нахождение в охотничьих угодьях физических лиц с орудиями охоты и (или) продукцией охоты, собаками охотничьих пород, ловчими птицами (ст. 1 Федерального закона «Об охоте и сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 24.07.2009 года № 209-ФЗ (далее ФЗ «Об охоте») [5]). Охота с нарушением установленных правил признается незаконной и влечет уголовную (ст. 258 УК РФ) или административную (ч. 1 ст. 8.37 КоАП РФ) ответственность (ст. 55 ФЗ «О животном мире» от 24.04.1995 года № 52-ФЗ [6]). Также правонарушитель несет гражданско-правовую ответственность в виде обязанности возместить причиненный вред в соответствии с таксами и методиками исчисления ущерба животному миру или (при их отсутствии) по фактическим затратам на компенсацию ущерба (ст. 56 Федерального закона «О животном мире» от 24.04.1995 года № 52-ФЗ [6]).

Производство охоты на территории РФ осуществляется согласно Федеральному закону «Об охоте» [5], Правилами охоты, утверждаемыми органами власти каждого субъекта РФ, устанавливаемыми на основании Приказа от 04.01. 1988 года № 1 «Об утверждении новых типовых правил охоты в РСФСР» [9], а также Правилами добывания объектов животного мира, отнесенных к объектам охоты утвержденными Постановлением Правительства РФ от 10.01.2009 года № 18 [7].

Уголовные дела по ст. 258 УК РФ возбуждаются при непосредственном обнаружении признаков состава преступления, по сообщению общественных организаций, СМИ, отдельных граждан. Предварительное расследование по делам о незаконной охоте производится в форме дознания (ст. 150 УПК РФ). Выбор необходимых следственных действий определяется сложившейся на момент возбуждения уголовного дела типичной ситуацией. На первоначальном этапе расследования складываются следующие типичные следственные ситуации:

1. лицо, подозреваемое в производстве незаконной охоты, задержано во время ее производства, разделки, перевозки добытой дичи;
2. лицо, подозреваемое в производстве незаконной охоты, известно, но не задержано;

3. лицо, подозреваемое в производстве незаконной охоты, неизвестно, но на месте преступления найдена шкура убитого животного или его части.

В первой следственной ситуации необходим такой комплекс следственных действий: допрос нарушителя, осмотр места происшествия, фиксация и изъятие следов преступления. Здесь следует иметь в виду, что лица, задержанные по подозрению в совершении незаконной охоты, активно противодействуют следствию и отрицают свою вину.

Во второй следственной ситуации необходимо опросить заявителя, сообщившего о нарушении правил охоты и свидетелей, осмотреть место происшествия с целью обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления, принимаются меры по розыску казанного лица.

В третьем случае: опросить заявителя, сообщившего о нарушении правил охоты, осмотреть место происшествия с целью обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления.

Должностные лица органов государственного надзора, являющиеся государственными охотничьими инспекторами (ст. 40 ФЗ «Об охоте» [5]) сообщают, что браконьеры (люди, нарушающие правила охоты, предусматривающие уголовную ответственность [1, с. 4]) после отстрела животных делятся на две группы, одна из которых увозит оружие (в последствии их можно привлечь только за нарушении правил перевозки, транспортирования оружия по ч. 2 ст. 20.12 КоАП РФ), вторая — забирает добытое (при задержании эти лица ссылаются на то, что нашли тушу животного в лесу, а за транспортировку туш животных или их частей никакой ответственности в нормативных актах не содержится).

Как подчеркивает Курманов А. С., «общеизвестно, что осознание неотвратимости строгого наказания за совершенные правонарушения является сдерживающим, предупреждающим фактором, а уверенность в безнаказанности либо мягкости наказания — одно из обстоятельств, способствующих совершению преступлений» [18].

На основании вышеизложенного можно сделать выводы: эффективность пресечения и выявления данного вида преступлений невысока; правоохранительные органы недооценивают степень общественной опасности незаконной охоты; к участию в проведении неотложных следственных действий редко привлекаются специалисты в области охоты, а следовательно дознаватели в ряде случаев не знают, какой круг вопросов необходимо выяснить; недостаточно используются возможности экспертных исследований; не уделяется должное внимание выявлению и устранению причин и условий, способствующих совершению преступлений.

Если такое положение с уголовно-правовой охраной животного мира и борьбой с браконьерством будет сохраняться и дальше, не исключено, что человечество может потерять некоторые виды представителей царства природы.

Список литературы:

1. Конституция РФ от 12.12.1993 года.
2. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 года с изм. от 07.12.2011 года.
3. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 22.11.2001 года с изм. от 07.12.2011 года.
4. Кодекс об административных правонарушениях РФ от 20.12. 2001 года с изм. от 31.01.2012 года.
5. Федеральный закон «Об охоте и сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 24.07.2009 года № 209-ФЗ.
6. Федеральный закон «О животном мире» от 24. 04. 1995 года № 52-ФЗ.
7. Постановление Правительства РФ от 10.01.2009 года № 18 «О добычании объектов животного мира, отнесенных к объектам охоты».
8. Постановления Пленума Верховного Суда от 05.11.1998 года № 14 «О практике применения судами законодательства об ответственности за экологические правонарушения».
9. Приказ Главного управления охотничьего хозяйства и заповедников при Совете министров РСФСР от 04.01.1988 года № 1 «Об утверждении новых типовых правил охоты в РСФСР»
10. Приказ Минсельхозпрода РФ от 25.05.1999 года № 339 «Об утверждении такс для исчисления размера взыскания за ущерб, причиненный юридическими и физическими лицами незаконным добыванием или уничтожением объектов животного мира, отнесенных к объектам охоты».
11. Егошин В. В. Методика расследования незаконной охоты: дис. на соискание ученой степени к. ю. н. / В. В. Егошин. — М., 2002. — 222 с.
12. Курманов А. С. Незаконная охота: Уголовно-правовые и криминологические аспекты: Автореф. дис. на соискание ученой степени к. ю. н. / А. С. Курманов; Науч. рук. Р. А. Сабитов. — Казань, 2002. — 24 с.
13. Митчелл Пол. 101 ключевая идея: Экология — Пер. с англ. О. Перфильева. — М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001. — 224 с.
14. Ожегов С. И. Словарь русского языка./ Под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. — 20-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1989. — 750 с.
15. Все об охоте./ Сост. С. Ф. Бледнов. Донецк: ПКФ «БАО», 1996. — 496 с.
16. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный)/ А. В. Бриллиантов, Г. Д. Долженкова, Я. Е. Иванова и др.; под ред. А. В. Бриллиантова. М.: Проспект, 2010. — 1031 с.

17. Красная книга Саратовской области: Грибы. Лишайники. Растения. Животные./Комитет охраны окружающей среды и природопользования Саратов. обл. — Саратов: Изд-во Торгово-промышленной палаты Саратов. Обл., 2006. — 528 с.: ил.; 16 с. ил. (вкладка).
18. Причины совершения незаконной охоты. URL: http://www.lib.csu.ru/vch/9/2005_01/025.pdf
19. Сведения Комитета охотничьего хозяйства и рыболовства за 2011 год.
20. Справочник охотника./Под ред. д. б. н. М. С. Долбина — Мн. Ураджай, 1979. — 288 с.

ДИАГНОСТИКА ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ ПО СРЕДСТВАМ ИННОВАЦИОННЫХ МЕТОДИК. Р 300

Трунов Никита Игоревич
аспирант СГЮА г. Саратов
E-mail: truenov@gmail.com

*«В науках мы ищем причин не столько того,
что было, сколько того, что могло бы быть».*
Томас Гоббс

Менее 200 лет назад человечество не знало что такое бензин и дизельное топливо. Весь транспорт передвигался на угле и дровах. В начале XX века люди знали только об Альфа, Бета лучах и не догадывались о существовании Гамма лучей. Чуть позже Французским исследователем Полем Виллардом было выявлено опасное Гамма излучение. Наука никогда не стояла на месте все, что кажется сейчас не реальным, через какое то время воплощается в жизнь.

В современном мире появляться всё новые методики и техники расследования и раскрытия преступлений. Так в 1965 такие учёные как В. Сьюттон, Н. Барен, А.В. Зубин, Г. Джон заметили о существовании в головном мозге человека волны Р300. Данная волна отвечает за определённый вид информации, передаваемый головным мозгом. Волна состоит из 2 компонентов Р3а и Р3б. Р3а возникает от стимулирования прифронтальных механизмов внимания, во время, обрабатывая информации. Р3б возникает от височно-париетальной деятельности связанной с вниманием [7]. Таким образом, сигналом Р300 будет агрегатная запись от большого количества нейронов.

Другими словами волна P300 это ответная реакция мозга человека на задаваемые ему вопросы. Казалось бы, речь идёт об обычном полиграфе, но нет. Форма волны P300 использует при передаче информации одну из сенсорных модальностей, которая есть у каждого человека в головном мозге. При определённых исследованиях данная волна может чётко ответить на вопрос «да» или «нет». Человеку не нужно, каким либо образом отвечать на вопрос, задаваемый экспертом. Весь процесс исследования осуществляется по средствам фиксации психических процессов протекающих в головном мозге человека. Как и все волны, которые возникают в головном мозге человека, P300 обладает определённым электрическим импульсом. Данный импульс возникает в нейронах головного мозга и передается по средствам нейромедиаторов, в результате этого осуществляется передача электрического импульса с нервной клетки через синаптическое пространство между нейронами. Нервный импульс, поступающий в пресинаптическое окончание, вызывает освобождение в синаптическую щель медиатора. Молекулы медиаторов реагируют со специфическими рецепторными белками клеточной мембраны, иницируя цепь биохимических реакций, вызывающих изменение трансмембранного тока ионов, что приводит к деполяризации мембраны и возникновению потенциала действия [3].

Данное исследование было опробовано на практике учёными Северо-Западного университета в Британии. Специалисты решили опробовать данный способ и выявить по средствам данной волны, людей которые готовятся совершить террористический акт.

Ими была разработана методика, которая контролировала, посылаемую мозгом ответную волну под названием P300. Электрический импульс, который возникает лишь спустя 300 и более миллисекунд после подачи посылаемого сигнала. Регистрируя ответную реакцию человека, исследователи смогли с высокой точностью определить «террориста».

Всего в эксперименте участвовало 29 студентов. Им предлагалось разработать план террористической операции, выбрать место и время. «Не обладая заранее какой-либо информацией о планируемом «преступлении», в результате исследования удалось выявить 10 из 12 «террористов», и узнать у них 20 из 30 деталей о планируемом теракте. Точность в предсказывании составила 83 %», — полагает профессор психологии Питер Розенфельд. Импульсы P300 измерялись с помощью электродов, закрепленных на голове испытуемого. Весь процесс «допроса» занимал около 30 минут [5].

Казалось бы, данный опыт многое разъясняет, но также многое остается и не понятным и возникают вопросы.

У людей считывается информация, которая находится в головном мозге. В процессе планирования теракта они активно обсуждают свой план и свои действия, в результате этого головной мозг начинает излучать волну P300, которую в последующем можно трактовать как определённый ответ на вопрос. В результате этого можно сделать вывод, что при мыслительной деятельности человека возникает данный вид волны. В итоге если один или несколько субъектов начнут фантазировать на тему разработки террористического акта по сути их тоже можно будет признать преступниками, так как в их сигнале головного мозга будет присутствовать данная информация. В результате этого можно предположить, что очень большое количество факторов может повлиять на конечный результат исследования. Британские учёные учли данный вопрос и провели исследования в результате, которых оказалось, что многие факторы влияют на модуляцию волны P300. Психологические расстройства показывают на уменьшение амплитуды волны P300. Например, наибольшее изменение амплитуды зафиксировано у больных шизофренией [4].

Вторым фактором, который изменяет амплитуду волны P300, является алкоголизм. Сравнения в характеристиках P300 можно сделать между людьми находящимися в состоянии алкогольного опьянения и трезвыми. В результате чего отмечается значительное ухудшение функций, которые отвечают за преобразование волны P300. Так же исследования показали, что значение волны изменяется, если человек находится в наркотическом опьянении.

Замечены изменения показаний волны у мужчин и женщин. В результате исследования выяснилось, что наибольшая амплитуда волны зафиксирована у женщин.

В результате этого можно сделать определённые выводы. Изменения нелинейных динамических режимов в альфа-полосе ЭЭГ находят отражение в особенностях организации структуры коркового поля волны P300. При высокоразмерных хаотических процессах поле характеризуется высокими значениями интегральных показателей своей активности, пространственной синхронизацией генераторного процесса и преобладанием генерации волн типа P3a. Разнообразие пространственных сочетаний источников P-волны отражает высокую степень организации их пространственной сложности. Основной вклад в активность вносят симметричные пункты передних и височных отделов коры. При низкоразмерной динамике структура пространственной организации позитивной волны упрощается, становится менее глобальной и более дифференцированной.

Преобладает генерация волны P3b. Уменьшаются значения интегральных показателей активности волнового поля коры. Изменяется топография фокусов позитивных волн и их источников. Хаотические системы волновых генераторов альфа-полосы демонстрируют при контингентной звуковой стимуляции хорошую управляемость и высокую пластичность. В результате биоадаптивного управления они изменяют свои динамические характеристики, определяя тем самым организацию поля P-волны [1].

Исследования учёных подтверждают высокую степень значимость волны P300, которая может быть использована в различных отраслях науки. В том числе и криминалистике на этапе предварительного расследования, для изобличения информации у подозреваемых.

Данный вопрос не до конца исследован и требует новых научных решений и объяснений. Возникает вопрос о том, каким образом будет осуществляться работа данной методики и применение её на практике. Для того чтобы делать определённые выводы нужно владеть специальными навыками, знаниями и соответствующим техническим обеспечением. Остается очень много спорных вопросов, которые требуют глубокого и всестороннего исследования.

Список литературы:

1. Могилевский А. Я. Хаотическая нелинейная динамика альфа-полосы ЭЭГ и организация активности волны P300 в коре больших полушарий. / А. Я. Могилевский [и др.] // Журнал высшей нервной деятельности им. И. П. Павлова. — 2008. — № 5.
2. Hansenne M, "The P300 event-related potential. II. Interindividual variability and clinical application in psychopathology." *Clin Neurophysiol*
3. Beynon A. J., Snik AFM, "Use of the event-related P300 potential in cochlear implant subjects for the study of strategy-dependent speech processing" *Intl J Of Audiology* 2004
4. Segalowitz S. J., Bernstein D. M., Lawson S., "P300 event-related potential decrements in well-functioning university students with mild head injury" *Brain and Cognition* Apr 2001
5. Hansenne M., "The P300 event-related potential: Theoretical and psychobiological perspectives." *Clin Neurophysiol* 2000
6. Polich J., "Updating P300: An integrative theory of P3a and P3b" *Clin Neurophysiol*, 2007
7. Sutton S., Braren M., Zubin J., & John E.R. (1965). Evoked-Potential Correlates of Stimulus Uncertainty. *Science*

СЕКЦИЯ 3.

ГРАЖДАНСКИЙ И АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

О ЗНАЧЕНИИ МОТИВИРОВОЧНОЙ ЧАСТИ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ

Николайченко Ольга Викторовна

*канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского процесса ФГБОУ
ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»,*

г. Саратов

E-mail: olga-nikolajchenko@yandex.ru

*«...Суть функционирования судебной ветви государственной власти
состоит в том, что в этом функционировании
логика силы заменена силой логики».*

Б. Зупанчич [7]

Судебная статистика последних лет наглядно свидетельствует о том, что роль правосудия в современных условиях значительно возросла. Количество обращений граждан с заявлениями (в т. ч. исковыми), жалобами неизменно растет. Этому способствовало принятие целого ряда правовых документов: Постановление Правительства РФ от 21 сентября 2006 г. № 583 «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России» на 2007—2012 г. [10], Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» [14], Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» [15] и др.

Сегодня рост обращений граждан в судебные органы уже стал проблемой для российского правосудия, на что обращают внимание ученые и практики на страницах юридической печати. Вследствие того, что количество судебных участков и судей осталось неизменным, а количество обращений то это прямо отражается на как продолжительности судебных процедур, так и на качестве отправления российского правосудия в целом. По справедливому замечанию Р. Хановой, «суды превратились в «фабрику» по изготовлению судебных решений» [16]. Сведение права доступа к суду только к праву

инициировать возбуждение судебного процесса по гражданскому делу справедливо критикуется в отечественной процессуальной литературе, поскольку факт принятия дела к производству сам по себе еще не означает доступности судебной защиты [6. С. 11].

Пути преодоления такого правового парадокса учеными и практиками предлагались различные: увеличение количественного состава судей, расширение подведомственности рассмотрения гражданско-правовых споров, увеличение государственной пошлины — вот лишь некоторые и наиболее популярные из них. Однако расходы на правосудие в нашем государстве и подчас пресекают желание граждан на обращение в суд. Анализ судебных расходов в других европейских странах, затрачиваемых на гражданское судопроизводство, показывает, что он сопоставим с теми, как и в нашей стране.

С предложением о разгрузке мировых судей выступил Президент РФ Д. А. Медведев [8]. Он предложил разгрузить мировых судей за счет освобождения их от обязанности выносить судебные решения с составлением мотивировочной части решения.

Требование мотивированности судебного решения было в свое время сформировано Пленумом Верховного суда СССР. Так, в своем постановлении от 9 июля 1982 г. «О судебном решении» Пленум ВС СССР указал, что мотивированность судебных решений означает обязательность наличия в нем исчерпывающе аргументированных выводов суда о результатах оценки доказательств и установленных на их основании фактах. В необходимых случаях в решении также должно содержаться обоснование выбора каждой из примененных судом норм права и их толкование [12].

Гражданское процессуальное законодательство России воздерживается от указания на то, что решение суда должно быть мотивированным. В норме ст. 195 ГПК РФ законодатель указывает лишь на два его признака: законности [2] и обоснованности. Тем не менее, большинство стран (например, Нидерланды, Бельгия и др.) устанавливает за судом обязанность суда мотивировать выносимые им постановления. Более того, мотивированность судебных актов в обозначенных странах возведена в принцип процесса.

В ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод Европейский суд по правам предписал странам-участницам установить в обязанность судей выносить мотивированные судебные акты [5].

Действующее гражданское процессуальное законодательство России прямо не содержит в своих нормах обязанности судьи выносить мотивированное судебное решение, а предписывает, что

решение суда должно состоять из вводной, описательной, мотивировочной и резолютивной частей.

Мотивировочная часть судебного решения находится в функциональном предназначении с судом как органом, осуществляющим правосудие. В отличие от других форм юрисдикционной деятельности и от других органов гражданской юрисдикции именно на суды возлагается обязанность подробно мотивировать свои решения. Так, в мотивировочной части решения суда должны быть указаны:

- *обстоятельства дела, установленные судом.* Указание на них имеют большое преюдициальное значение. Так, обстоятельства, которые были установлены вступившим в силу судебным постановлением по ранее рассмотренному делу, обязательны для суда, если в другом деле участвуют те же лица (п. 2 ст. 61 ГПК РФ, ч. 2 ст. 58 АПК РФ). Иными словами, эти обстоятельства не надо доказывать вновь. Они также не могут быть оспорены при рассмотрении другого дела, в котором участвуют те же лица. Так, при рассмотрении другого гражданского дела суд ограничивается истребованием копии соответствующего судебного акта. Действующий процессуальный закон нужно отметить, говорит не о судебном решении, а о судебных постановлениях. Это могут быть и судебные приказы, и определения, а также решения арбитражного суда или приговоры по уголовному делу. Конечно, определения суда, пусть и являющиеся судебными актами, как правило, не устанавливают фактов. Однако среди определений встречаются такие, которые могут помочь установлению фактов (например, определение суда о прекращении производства по делу).

- *доказательства, на которых основаны выводы суда об этих обстоятельствах.* Суд не может просто констатировать наличие или отсутствие тех либо иных обстоятельств по делу, он должен сделать это со ссылкой на достоверные доказательства. Некоторые примеры судебной практики также подтверждают неумолимое значение мотивировочной части судебных актов. Так, Президиум Нижегородского областного суда в своем Постановлении от 15 марта 2007 г. № 44-у-60 установил, что отсутствие в мотивировочной части приговора суда указаний на обстоятельства дела, установленные судом, а также доказательств, на которых основаны выводы суда об этих обстоятельствах, является основанием для отмены вынесенного приговора. Позже Верховный Суд РФ официально вменил в обязанность нижестоящих судов при вынесении судебных постановлений мотивировать их [9].

- *доводы, по которым суд отвергает те или иные доказательства.* По действующему гражданскому процессуальному законодательству основное бремя доказывания лежит на истце и ответчике, которые в соответствии с ч. 1 ст. 56 ГПК РФ должны доказать те обстоятельства, на которые они ссылаются в обоснование своих требований и возражений. Однако, не все доказательства, представленные сторонами в суд могут быть приняты последним. Суд оценивает доказательства по делу с точки зрения их относимости, допустимости, достоверности.

- *законы, которыми руководствовался суд.* Есть ничто иное как правовое обоснование выводов суда по делу. В мотивировочной части суд обязан ссылаться на нормы как материального, так и процессуального права, применяемые им к рассматриваемым правоотношениям при вынесении судебного решения. Кроме того, также суду следует учитывать: постановления Конституционного Суда РФ, постановления Пленума Верховного Суда РФ, постановления Европейского Суда по правам человека, в которых дано толкование положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод, подлежащих применению в данном деле (п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебном решении» [11]).

Следует отметить, что в некоторых случаях мотивировочная часть судебного решения является «спасением» как для самих судей, так и для лиц, которые обратились за судебной защитой. Согласно ч. 3 ст. 196 ГПК РФ суд принимает решение только по заявленным истцом требованиям. Выйти за пределы заявленных требований (разрешить требование, которое не заявлено, удовлетворить требование истца в большем размере, чем оно было заявлено) суд имеет право лишь в случаях, прямо предусмотренных федеральными законами. Например, суд вправе выйти за пределы заявленных требований и по своей инициативе на основании п. 2 ст. 166 Гражданского кодекса РФ применить последствия недействительности ничтожной сделки, при рассмотрении гражданский дел о лишении родительских прав, об ограничении в родительских правах, суд вправе по своей инициативе взыскать алименты с ответчика на содержание несовершеннолетних детей. При таком судебном решении следует прямо оговорить почему он вышел за пределы заявленных требований. Следовательно, тогда ни вводная, ни описательная, ни резолютивная части в этом — не помощники.

Для лиц, которые не согласны с вынесенным решением в суде первой инстанции мотивировочная часть судебного решения — это еще одна возможность найти свою правду. Так, мотивировочная

часть совершенно необходима для подачи апелляции на решение мирового судьи.

Однако, закон в некоторых случаях делает исключение и не требует подробного изложения мотивировочной части решения. Так, согласно ч. 4 ст. 198 ГПК РФ в случае признания иска ответчиком в мотивировочной части может быть указано лишь на признание иска и принятие его судом. В соответствии со ст. 23 Семейного кодекса РФ при наличии взаимного согласия на расторжение брака супругов, имеющих общих несовершеннолетних детей, а также супругов, один из которых, несмотря на отсутствие у него возражений, уклоняется от расторжения брака в органах записи актов гражданского состояния, суд расторгает брак без выяснения мотивов развода. Поэтому решение по делу о расторжении брака может состоять из вводной и резолютивной частей. Представляется, что вот это как раз правильный путь: указание в законе некоторых категорий дел, для которых мотивировочная часть не носит преюдициального значения.

Учитывая изложенные аргументы, а также высокий процент отмененных судебных решений, законодателю в настоящее время было бы неразумно принимать поправки в действующее гражданское процессуальное законодательство в части возможности вынесения судебных решений без их мотивированности.

Список литературы:

1. Арбитражно-процессуальный Кодекс Российской Федерации по состоянию на 01.11.2011 — [Электронный ресурс] Режим доступа — КонсультантПлюс — 2011.
2. Борисов М. С. Теоретические и практические проблемы законной силы судебного решения. Автореф. дис....канд.юрид.наук. Саратов, 2010.
3. Гражданский Кодекс Российской Федерации по состоянию на 01.01.2012 — [Электронный ресурс] Режим доступа — КонсультантПлюс — 2012.
4. Гражданско-процессуальный Кодекс Российской Федерации по состоянию на 01.01.2012 — [Электронный ресурс] Режим доступа — КонсультантПлюс — 2012.
5. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод [http://\[электронный ресурс\] — Режим доступа. — URL: www.echr.ru/documents/doc/2440800/2440800-001.htm](http://www.echr.ru/documents/doc/2440800/2440800-001.htm)
6. Ефремова Н. Н. Процессуальные средства обеспечения доступности правосудия в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности (в контексте международно-правовых стандартов). Автореф. дисс. канд. юрид. наук. Саратов, 2005.

7. Зупанчич Б., профессор, судья Европейского Суда по правам человека <http://> [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: www.echr.ru
8. Медведев Д. А. Выступление 07 декабря 2011 г. // [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: www.vesti.ru
9. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 15 февраля 2011 г. № 69-Д10-31 // [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: www.vsrfl.ru/vscourt_detale.php?id=7507
10. Постановление Правительства РФ от 21 сентября 2006 г. № 583 «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России» на 2007—2012 г <http://> [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: base.garant.ru/190031
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 23 «О судебном решении» // Российская газета. 2003. № 3374. 26 декабря.
12. Пономаренко В. А. Мотивированность судебного решения в гражданском и арбитражном процессе. Автореф. дис....канд.юрид. наук. М. 2007. С. 8.
13. Семейный Кодекс Российской Федерации по состоянию на 01.12.2011 — [Электронный ресурс] Режим доступа — КонсультантПлюс — 2011.
14. Федеральный Закон от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» // Российская газета. 2008. № 4822. 26 декабря.
15. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» // [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.legis.ru/misc/doc/7698>
16. Ханова Р. Почему суды превратились в «фабрику» по изготовлению судебных решений // Закон и бизнес. 2011. № 27 (1014).

СЕКЦИЯ 4.

ГРАЖДАНСКОЕ, ЖИЛИЩНОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОХРАНЫ ОБЪЕКТОВ ИЗОБРЕТАТЕЛЬСТВА И ПАТЕНТНЫХ ПРАВ В ПРОЕКТЕ ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Андреева Любовь Александровна

*канд. юрид. наук, доцент филиала Российского государственного
гуманитарного университета, г. Великий Новгород*

E-mail: andreeva56@mail.ru

В соответствии с Указом Президента РФ от 18 июля 2008 года № 1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации» [5] разработана Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации [3], Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства был подготовлен проект изменений в Гражданский Кодекс РФ [4]. В проекте новой редакции Гражданского Кодекса РФ вносятся изменения, которые повлекут существенные изменения в ряде понятий, процедур, объективных и субъективных сторон правоотношений в сфере изобретательства и патентных прав. Безусловно, совершенствование гражданского законодательства необходимо для развития экономики и рыночных отношений. Вместе с тем, проведенный автором анализ проекта Гражданского Кодекса РФ вызывает определенные опасения о возникновении новых коррупционных ситуаций и криминогенных рисков. Настоящая статья посвящена отдельным аспектам регулирования гражданских правоотношений, связанных с объектами изобретательства и патентных прав, в частности касающимся создания, реорганизации и прекращения юридических лиц, способа создания и оценки авторских прав в составе имущественного комплекса предприятия, средства индивидуализации и права на интеллектуальную деятельность, полномочий регистрирующих органов. В соответствии с п. 1, 2 ст. 51 проекта ГК РФ, государственная регистрация юридических лиц и включение данных о регистрации в единый государственный реестр

юридических лиц будет осуществляться уполномоченным государственным органом юстиции, который будет обязан [4]: в порядке и в срок, предусмотренные законом проверять законность оснований государственной регистрации и достоверности данных, включаемых в реестр, а также соответствия законодательству содержания устава, до государственной регистрации юридического лица; в случае и в порядке, предусмотренной законом о регистрации, заблаговременно сообщать заинтересованным лицам о предстоящей государственной регистрации. При этом такие заинтересованные лица будут вправе направить в уполномоченный государственный орган юстиции возражения относительно предстоящей государственной регистрации изменений устава или предстоящего включения данных в реестр, а орган юстиции будет обязан их рассмотреть и принять соответствующее решение. Такая процедура, с определенностью продлит сроки государственной регистрации до неразумных пределов, что позволит в условиях рейдерской атаки на бизнес, наоборот, ускорить противоправное завладение патентами, используемыми при создании высокотехнологического производства. В настоящее время расчет рентабельности и способы захвата бизнеса опосредованно зависят от материального комплекса, объектов недвижимости предприятия, в большинстве случаев — от продуктов интеллектуального труда, изобретений и новых технологий. Поэтому, приобретает определяющее значение гражданско-правовое определение прав на изобретение, патент, условия передачи прав и иные причины, способствующие захватам высокотехнологичного бизнеса и их стоимостного выражения.

Норма пункта 5 подпункта 6 ст. 51 проекта ГК РФ [4] представляется необоснованной, так как введение обязательной проверки наименования каждого вновь создаваемого юридического лица на несовпадение с фирменным наименованием иного юридического лица, зарегистрированного ранее и занимающегося аналогичной деятельностью на территории РФ, не оправдан. Только в случае полного совпадения фирменного наименования, предприятие, занимавшееся аналогичной деятельностью, может оказать существенное влияние только на территории отдельного субъекта РФ и даже муниципального образования, а не в Российской Федерации в целом. Вместе с тем, при регистрации предприятий со сходными наименованиями представляется необходимым исследовать материальные и иные составляющие его фондов, позволяющие выявить нарушения авторского права.

Таким образом, ужесточение требований к участникам гражданских правоотношений и их неопределенность может отрицательно сказаться на развитии экономики, предпринимательстве и рынке. К коррупционным

факторам, возможно, отнести новые сроки и последствия затягивания сроков регистрации юридических лиц, необоснованные требования к предоставляемым документам при регистрации, что приведет к новым бюрократическим, коррупционным проявлениям и преступлениям.

Проект изменений в Гражданский Кодекс РФ [4] предполагает внесение существенных изменений в организационно-правовые формы предпринимательской деятельности, порядок организации, преобразования и ликвидации хозяйствующих субъектов. Внесение изменений в гражданское законодательство неизбежно потребует дополнений в уголовное законодательство, так как недостаточно урегулировать правовые отношения, важно обеспечить защиту и надлежащее исполнение этих отношений.

Использование новых технологий влечет регулирование в проекте ГК РФ новых правовых отношений, а также установление ответственности за определенные действия. В частности, статья 1253' Проекта ГК РФ [4] устанавливает особенности ответственности лица, осуществляющего действия по передаче материала в сети Интернет или по размещению материала в этой сети (Интернет-провайдера), в том числе Интернет-провайдер, осуществляющий передачу материала в сети Интернет, не несет ответственности за нарушения интеллектуальных прав, произошедшие в результате такой передачи, при соблюдении следующих условий, если Интернет-провайдер не изменяет указанный материал после его получения, за исключением изменений, осуществляемых для обеспечения технологического процесса передачи материала; Интернет-провайдер не знал и не должен был знать о том, что использование соответствующего результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации лицом, инициировавшим передачу материала, содержащего такой результат или средство индивидуализации, является необоснованным и, вероятно, мало эффективным..

В статье 1349 Проекта ГК РФ [4] указывается новый объект патентных прав — результаты интеллектуальной деятельности в сфере дизайна, отвечающий требованиям к промышленным образцам. Некоторые рейдерские атаки берут начало именно с противоправных действий в отношении Интернет-провайдеров, а также с использованием копированных дизайнерских образцов (дизайнерских решений). Проект ГК РФ в статье 1352 [4] уточняет условия патентоспособности промышленного образца, признавая, что в качестве промышленного образца охраняется решение внешнего вида изделия промышленного или кустарно-ремесленного производства, а к существенным признакам образца относит признаки формы, конфигурации, орнамента, сочетания цветов, линий, контуров изделия, текстуры или фактуры материала

изделия, в тоже время признаки, обусловленные исключительно технической функцией изделия, не являются охраняемыми признаками промышленного образца. Вместе с тем, меры ответственности, предусмотренные статьями 1252 и 1253 Проекта ГК РФ [4] за нарушение интеллектуальных прав подлежат применению при наличии вины нарушителя. Меры ответственности за нарушение интеллектуальных прав, если такое нарушение допущено не при осуществлении предпринимательской деятельности, подлежат применению при наличии вины нарушителя, а отсутствие вины доказывается лицом, нарушившим интеллектуальные права.

В соответствии с частью 1 статьи 2 ГК РФ [2] в действующей редакции законодательство регулирует отношения между лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, или с их участием, исходя из того, что предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке [4]. Вместе с тем осуществление на свой риск предпринимательской деятельности регулируется государством в виде требования соблюдения организационно-правовых форм деятельности. Проект ГК РФ в значительной мере сузил способы организации предпринимательской деятельности, отграничил коммерческие и некоммерческие формы деятельности и определил основные организационно-правовые формы.

В соответствии с ч. 2 ст. 48 проекта ГК РФ [4], юридическое лицо должно быть зарегистрировано в едином государственном реестре юридических лиц в одной из организационно-правовых форм. В ч. 2 ст. 50 проекта ГК РФ [4] указаны основные организационно-правовые формы организации деятельности коммерческих организаций: юридические лица, являющиеся коммерческими организациями, могут создаваться в организационно-правовых формах хозяйственных товариществ и обществ, производственных кооперативов, государственных и муниципальных унитарных предприятий. Такой криминологический прием нормативного регулирования, возможно, получит положительный результат, как и положения статьи 50¹ проекта ГК РФ «Решение о создании юридического лица» определивший порядок принятия такого решения. В проекте предусматривается, что в случае учреждения юридического лица одним лицом, решение о его создании принимается этим лицом единолично, а в случае создания юридического лица двумя или более учредителями, указанное решение принимается всеми учредителями единогласно [4]. Из оснований образования и порядка

регистрации юридического лица, перечисленных в проекте ГК РФ, полагает автор, создается среда для упорядочения предпринимательской деятельности, обеспечивается прозрачность и последовательность действий по образованию юридического лица, исключив внутренний конфликт и риски рейдерского захвата. В статье 57 проекта ГК РФ [4] устанавливается запрет, имеющий криминологическое значение: реорганизация юридического лица (слияние, присоединение, разделение, выделение, преобразование) может быть осуществлено по решению его учредителей (участников) либо органа юридического лица, уполномоченного на то уставом. Проект не допускает преобразование коммерческих организаций в некоммерческие и некоммерческих организаций в коммерческие. Определенность статуса юридического лица обеспечивается и разделительным балансом (ст. 59 проекта ГК РФ [4]), необходимым для регистрации вновь возникающих юридических лиц. Согласно ст. 66 проекта ГК РФ [4] объем правомочий участников хозяйственного общества определяется пропорционально их долям в уставном капитале общества. Имеется запрет, заключающийся в том, что хозяйственное общество не может иметь в качестве единственного участника другое хозяйственное общество, состоящее из одного лица. Эти положения устранят криминологические риски в случаях, когда рейдерские атаки становятся основной деятельностью юридического лица.

Статья 67 проекта ГК РФ также содержит запретительную норму, требующую воздерживаться от конкуренции с товариществом или обществом, участником которого он является. Тем самым в определенной степени норма препятствует созданию параллельного бизнеса и перевода активов, использования доброго имени конкурирующей структурой. Создание одноименных фирм с частичным или полным смешением фирменного наименования, незаконное использование сайта фирмы, фирменного знака и доброго имени фирмы также рассматриваются, как действия по приготовлению к рейдерскому захвату бизнеса [1, с. 121]

Проект ГК РФ в целом и ряд отдельных норм, возможно не в полной мере обеспечат криминологической эффект, но вместе с тем, возможно правовое регулирование обеспечит защиту от рейдерских атак, правовое обеспечение деятельности хозяйствующих субъектов, уголовно-правовую защиту объектов изобретательства и патентных прав.

Список литературы:

1. Андреева Л. А. Безопасность предпринимательства в субъекте Российской Федерации (правовой аспект) — Социально-экономическое развитие регионов России: проблемы теории и практики: Материалы межрегиональной научно-практической конференции /редкол. Г. З. Тищенко, [и др.] — Смоленск: «Смоленский гуманитарный университет», 2010.

2. Гражданский Кодекс Российской Федерации по состоянию на 01.05.2011 — [Электронный ресурс] Режим доступа — КонсультантПлюс — 2011
3. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации, одобренная решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009 // [Электронный ресурс]. Режим доступа. — КонсультантПлюс. ВерсияПроф — М., 2011
4. Проект изменений в раздел I, УП Гражданского кодекса РФ по состоянию на 07.12.2010 // [Электронный ресурс]. Режим доступа. — КонсультантПлюс. ВерсияПроф — М., 2011
5. Указ Президента РФ от 18 июля 2008 года № 1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации» // [Электронный ресурс]. Режим доступа. — КонсультантПлюс. ВерсияПроф — М., 2011

ИННОВАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

Баранова Юлия Александровна

ассистент кафедры юриспруденции МГТУ им.Н.Э. Баумана, г. Москва

E-mail: baranova_jul@mail.ru

Многие полезные для общества идеи оказывались нереализованными только из-за того, что их потенциал не был раскрыт и представлен. Сделать это лучше могут лишь те, кто готов бороться за претворение идеи в жизнь, потому, что имеют самое непосредственное отношение к ней, являясь автором, соавтором или просто приобщенным к ее рождению и развитию.

В Послании Президента России Д. А. Медведева Федеральному Собранию основным приоритетом экономического развития страны определено производство, а в перспективе — и экспорт знаний и новых технологий. При этом Президентом поставлена задача ускоренного перевода страны на инновационный путь развития, на совершение опережающих действий по созданию основ национальной конкурентоспособности там, где можно получить будущие выгоды и преимущества, где возможно быстрое внедрение самых передовых технологий, создание новых и эффективных предприятий. Развитие экономики должно основываться на концепции пяти «И» — Институты, Инвестиции, Инфраструктура, Инновации и Интеллект [1].

Формирование и развитие национальной инновационной системы является необходимым условием реализации инновационного сценария развития страны. Эффективность национальной инновационной системы будет во многом определяться ее структурой, четкостью и согласованностью выполнения задач, поставленных государственной политикой перед ее элементами, а также сбалансированным развитием подсистем генерации и трансфера знаний, а также производства наукоемкой продукции. Однако до сих пор отсутствует законодательное закрепление понятия «национальная инновационная система» (НИС), не определено содержание этого понятия и в «Основах политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 года и дальнейшую перспективу», которые отнесли создание НИС к числу приоритетных государственных задач. Полагаю, что раскрытие и закрепление этого понятия в федеральном законодательстве, регулирующем научную и инновационную политику, является неотложной мерой.

В 2009 году законодатель внёс существенные изменения в регулирование инновационной деятельности в вузе принятием Федерального закона от 02.08.2009 № 217-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам создания бюджетными научными и образовательными учреждениями хозяйственных обществ в целях практического применения (внедрения) результатов интеллектуальной деятельности» (далее — Закон № 217-ФЗ) [4]. Данный Закон по отношению к закону Российской Федерации от 10.07.1992 № 3266-1 «Об образовании» (далее — Закон «Об образовании») [2] предоставляет вузам новые возможности в экономической деятельности.

Согласно Федеральному закону N 217-ФЗ высшие учебные заведения, являющиеся бюджетными образовательными учреждениями, и созданные государственными академиями наук имеют право без согласия собственника их имущества с уведомлением федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере научной и научно-технической деятельности, быть учредителями (в том числе совместно с другими лицами) хозяйственных обществ. Деятельность данных обществ заключается в практическом применении (внедрении) результатов интеллектуальной деятельности (программ для электронных вычислительных машин, баз данных, изобретений, полезных моделей, промышленных образцов, селекционных достижений, топологий интегральных микросхем, секретов производства (ноу-хау)), исключительные права на которые

принадлежат данным высшим учебным заведениям. При этом уведомление о создании хозяйственного общества должно быть направлено высшим учебным заведением, являющимся бюджетным образовательным учреждением, или созданным государственной академией наук высшим учебным заведением в течение семи дней с момента внесения в единый государственный реестр юридических лиц записи о государственной регистрации хозяйственного общества. Денежные средства, оборудование и иное имущество, находящиеся в оперативном управлении данных высших учебных заведений, могут быть внесены в качестве вклада в уставные капиталы создаваемых хозяйственных обществ в порядке, установленном Гражданским кодексом Российской Федерации [4].

Высшие учебные заведения, являющиеся бюджетными образовательными учреждениями, и созданные государственными академиями наук в качестве вклада в уставные капиталы таких хозяйственных обществ вносят право использования результатов интеллектуальной деятельности (программ для электронных вычислительных машин, баз данных, изобретений, полезных моделей, промышленных образцов, селекционных достижений, топологий интегральных микросхем, секретов производства (ноу-хау), исключительные права на которые сохраняются за данными высшими учебными заведениями. При этом внесенное в качестве вклада в уставные капиталы хозяйственных обществ право использования результатов интеллектуальной деятельности не может предоставляться хозяйственными обществами третьим лицам по договору, а также передаваться третьим лицам по иным основаниям, если иное не предусмотрено федеральным законом [4].

Проведенный анализ Закона № 217-ФЗ показал, что законодатель, установив возможность учреждения бюджетными научными и образовательными учреждениями хозяйственных обществ, в тоже время установил следующие ограничения:

- возможность образовательных учреждений быть учредителями (в том числе совместно с другими лицами) хозяйственных обществ, деятельность которых заключается в практическом применении (внедрении) результатов интеллектуальной деятельности (программ для электронных вычислительных машин, баз данных, изобретений, полезных моделей, промышленных образцов, селекционных достижений, топологий интегральных микросхем, секретов производства (ноу-хау), исключительные права на которые принадлежат данным научным учреждениям;

- возможность образовательных учреждений на получение прибыли, которая может направляться исключительно на правовую охрану результатов интеллектуальной деятельности, выплату вознаграждения их авторам, а также на осуществление уставной деятельности данных высших учебных заведений. При этом внесенное в качестве вклада в уставные капиталы хозяйственных обществ право использования результатов интеллектуальной деятельности не может предоставляться хозяйственными обществами третьим лицам по договору, а также передаваться третьим лицам по иным основаниям, если иное не предусмотрено федеральным законом;

- распоряжение долями (акциями) в уставных капиталах хозяйственных обществ, владельцами которых данные научные учреждения являются, только с предварительного согласия соответствующих собственников. При этом доходы от распоряжения долями (акциями) в уставных капиталах хозяйственных обществ, учредителями (участниками) которых являются бюджетные научные учреждения, часть прибыли хозяйственных обществ, полученная данными научными учреждениями (дивиденды), поступают в их самостоятельное распоряжение, учитываются на отдельном балансе и направляются только на правовую охрану результатов интеллектуальной деятельности, выплату вознаграждения их авторам, а также на осуществление уставной деятельности данных научных учреждений.

Проведенный анализ Закона «Об образовании», в частности ст. 47 Закона «Об образовании» [2] «Предпринимательская и иная приносящая доход деятельность образовательного учреждения», показал, что образовательное учреждение вправе вести предпринимательскую и иную приносящую доход деятельность, предусмотренную его уставом.

К предпринимательской деятельности образовательного учреждения относятся:

- торговля покупными товарами, оборудованием;
- оказание посреднических услуг;
- долевое участие в деятельности других учреждений (в том числе образовательных) и организаций;
- приобретение акций, облигаций, иных ценных бумаг и получение доходов (дивидендов, процентов) по ним;
- ведение приносящих доход иных внереализационных операций, непосредственно не связанных с собственным производством предусмотренных уставом продукции, работ, услуг и с их реализацией.

Таким образом, отличительными особенностями Закона «Об образовании» [2] и Закона № 217-ФЗ [4], в части вопроса учреждения образовательными организациями хозяйствующих субъектов и распределения прибыли, является следующее:

- в отличие от Закона № 217-ФЗ, Закон «Об образовании» устанавливает возможность лишь долевого участия образовательного учреждения в деятельности других учреждений и приобретение акций и облигаций.

- Закон «Об образовании» не устанавливает цель создания (учреждения) образовательным учреждением хозяйственных обществ, деятельность которых заключается исключительно в практическом применении (внедрении) результатов интеллектуальной деятельности (программ для электронных вычислительных машин, баз данных, изобретений, полезных моделей, промышленных образцов, селекционных достижений, топологий интегральных микросхем, секретов производства (ноу-хау), исключительные права на которые принадлежат данным высшим учебным заведениям.

- Закон № 217-ФЗ, в отличие от Закона «Об образовании» (предусматривающего вправо образовательного учреждения высшего профессионального образования, вести предпринимательскую деятельность, предусмотренную его уставом, перечень которой определен в ст. 47 Закон «Об образовании» [2]), устанавливает специальное ограничение возможности образовательных учреждений на получение прибыли, которая может направляться исключительно на правовую охрану результатов интеллектуальной деятельности, выплату вознаграждения их авторам, а также на осуществление уставной деятельности данных высших учебных заведений. При этом внесенное в качестве вклада в уставные капиталы хозяйственных обществ право использования результатов интеллектуальной деятельности не может предоставляться хозяйственными обществами третьим лицам по договору, а также передаваться третьим лицам по иным основаниям, если иное не предусмотрено федеральным законом.

В соответствии с протокольным поручением, принятым на 252-м заседании Совета Федерации, Комитет Совета Федерации по образованию и науке осуществляет оперативный мониторинг реализации Закона № 217-ФЗ [1].

В рамках реализации указанного мониторинга Комитетом Совета Федерации по образованию и науке в ноябре 2009 года был проведен опрос исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации с целью получения оперативной информации о практике применения проблемах реализации Закона № 217-ФЗ в

регионах России. Поступили ответы из 67 субъектов Российской Федерации [1].

Информация о реализации Закона № 217-ФЗ на территории представлена 60 субъектами Российской Федерации [1]:

- в 10 субъектах Российской Федерации не осуществлялось и не планируется создания бюджетными научными и образовательными учреждениями хозяйственных обществ в целях практического применения (внедрения) результатов интеллектуальной деятельности (в ряде случаев это связано с тем, что на территории региона нет вузов и государственных научных учреждений — Ненецкий автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ);

- в 7 субъектах Российской Федерации хозяйственные общества созданы в соответствии с Законом № 217-ФЗ и функционируют (всего 21 малое инновационное предприятие (далее — МИП));

- в 5 субъектах Российской Федерации работа по созданию хозяйственных обществ в соответствии с Законом № 217-ФЗ на момент подготовки ответа находилась на стадии согласования документов;

- в 38 субъектах Российской Федерации работа по созданию хозяйственных обществ в соответствии с Законом № 217-ФЗ — на стадии проработки.

В полученных ответах обозначен широкий спектр проблем, препятствующих эффективной реализации Закона № 217-ФЗ. Всего поступило 225 замечаний и предложений по совершенствованию процесса реализации Закона № 217-ФЗ от 45 субъектов Российской Федерации. Наиболее активное участие в выявлении перечня проблем реализации Закона № 217-ФЗ и разработке предложений по их решению приняли Самарская область, Ставропольский край, Томская область, г. Москва, Новосибирская область, Кабардино-Балкарская Республика, Пермский край, Республика Татарстан, Ярославская, Пензенская и Вологодская области [1].

Развитие инновационной инфраструктуры в регионах страны — это не менее важная задача, решение которой невозможно без соответствующего нормативно-правового обеспечения. Прежде всего — создание и организационное обеспечение деятельности особых экономических зон, технопарков, наукоградов, центров коллективного пользования, бизнес-инкубаторов и т. д. По сути своей особая экономическая зона есть не что иное, как гигантский бизнес-инкубатор, катализатор развития предпринимательской и, в частности, научно-внедренческой инфраструктуры. Законодательством в настоящее время обеспечивается предоставление предприятиям-резидентам особых зон таможенных преференций, освобождение от

уплаты налога на имущество организаций и земельного налога на пять лет с момента регистрации. Для резидентов технико-внедренческих зон предусмотрено также снижение базовой ставки единого социального налога. При всей своей важности с точки зрения стимулирования инвестиционной активности число особых экономических зон неизбежно будет ограниченным. Поэтому целесообразно обеспечить эффективную поддержку развития технопарков и наукоградов, которые в подавляющем большинстве базируются за пределами особых экономических зон. Создание подобных структур активно происходит в регионах России, как правило, в университетах и вокруг них.

Бизнес-идеи — как преподавателей, так и студентов — служат питательной основой для роста новых предприятий, которые впоследствии будут финансироваться венчурными фондами, привлекать прямые инвестиции крупных высокотехнологических компаний в региональные проекты. Мы все знаем, что государственная, в том числе законодательная, поддержка технопарков, других типов инновационных структур недостаточна. Масса препонов и проблем возникает при создании малых инновационных предприятий, так называемых стартапов.

Первым шагом должно стать законодательное закрепление самого понятия инновационной деятельности. Парадоксально, но его нет в законе, нет в основополагающих документах Правительства РФ. Оно должно быть, иначе система господдержки работать не сможет, а рыночные силы при наших высоких рисках будут влиять только негативно. Итак, следует ввести определение инновационной деятельности, причем сделать это комплексно — и в законодательстве о науке, и в Налоговом кодексе РФ, в других законодательных актах. В самое ближайшее время возникнет вопрос о разработке специального закона об инновациях, необходимость принятия которого широко обсуждалась и раньше.

Во-вторых, нужен пересмотр существующих сегодня в Налоговом кодексе РФ правовых норм — их явно недостаточно для адекватного стимулирования инновационной деятельности.

Этот процесс начался давно и проистекал из многих законодательных инициатив. Пока есть только первый результат. В 2007 году принят федеральный закон, который несколько расширил круг налоговых льгот в области внедренческой деятельности научных и иных организаций.

Послабления коснулись налога на добавленную стоимость, налога на прибыль организаций и упрощенной системы

налогообложения. Вместе с тем остался открытым вопрос о налоге на имущество организаций, земельном налоге и налоге на прибыль, которые в последние два года больно ударили по деятельности организаций науки и образования, а вместе с ними — и по их инновационным подразделениям.

Как показывает опыт зарубежных стран, несмотря на общие закономерности, становление национальной инновационной системы в каждой стране имеет свои особенности, обусловленные собственными социально-экономическими условиями и традициями. В любом случае этот процесс является достаточно тонким и требует детальной, «ручной» доводки, единства действий и консолидации всех участников процесса — власти, бизнеса, научной и технической общественности. Несмотря на трудности становления инновационной системы в России, есть уверенность в том, что этот процесс необратим, положительные сдвиги происходят, и это только начало.

Список литературы:

1. Доклад Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 2009 года «О состоянии законодательства в Российской Федерации»// под общ. ред. С. М. Миронова, Г. Э. Барбулиса. — М.: Совет Федерации, 2010 — 508 ст.
2. Закон Российской Федерации от 10.07.1992 № 3266-1 «Об образовании»// СЗ РФ, 15.01.1996, № 3, ст. 150.
3. Послание Президента РФ Д. А. Медведева Федеральному Собранию РФ от 30 ноября 2010 г.// офиц. сайт Президента Российской Федерации. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://события.президент.рф/14088>
4. Федеральный закон от 02.08.2009 N 217-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам создания бюджетными научными и образовательными учреждениями хозяйственных обществ в целях практического применения (внедрения) результатов интеллектуальной деятельности» // СЗ РФ, 03.08.2009, N 31, ст. 3923.

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ НОРМА» И «ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЕ ПРЕДПИСАНИЕ»

Васильев Владимир Валерьевич

канд. юрид. наук, доцент ТвГУ, г. Тверь

E-mail: pdvv@mail.ru

Исследование отраслевой системы гражданского права ставит вопрос о соотношении таких понятий как «гражданско-правовая норма» и «гражданско-правовое предписание». В теории права под правовой нормой чаще всего понимают правило поведения. Однако такое понимание нормы права носит дискуссионный характер, поскольку не учитывает сущности права как особого социального явления. Безусловно, общеизвестно и не оспаривается нами, что правовые нормы могут отражать правила поведения, и в этом случае следует говорить о нормах-правилах, используя эту дефиницию в практических целях. Однако сразу необходимо отметить, что сущность гражданско-правовой нормы значительно шире и её содержание не может быть полностью раскрыто, используя исключительно такую категорию как «правила поведения». Именно это обстоятельство послужило основанием для поиска в этом направлении с целью обогащения знаний о гражданско-правовой норме.

Правовое предписание имеет особую сущностную природу. Проявление этой сущности заложено уже в самом значении категории «предписания», которое с точки зрения этимологического содержания толкуется как приказ или распоряжение. Таким образом, предписание с точки зрения этимологии, характеризуется обязательностью соблюдения тех или иных правил или установлением определённого порядка. На первый взгляд в свете общей диспозитивности гражданско-правового регулирования вызывает некоторые сомнения использование такого понятия как «предписание». Более пристальное внимание на сущность гражданско-правового регулирования приводит автора к выводу, что даже диспозитивность должна быть ограничена определёнными рамками. Таким ограничителем должны выступать гражданско-правовые предписания, которые в силу общего характера должны стать базовой основой гражданского права.

Автор полагает, что к гражданско-правовым предписаниям следует отнести гражданско-правовые дефиниции, а также принципы и задачи гражданского права. Необходимо отметить, что не все правовые положения, содержащиеся в гражданском законодательстве, могут быть сформулированы в качестве запретов, обязываний и дозволений. Именно

к таким положениям относятся и гражданско-правовые предписания, регламентирующие цели и задачи гражданского права, гражданско-правовые положения информационного характера, а также гражданско-правовые дефиниции, содержащиеся в гражданском законодательстве. Такие гражданско-правовые предписания по общему правилу не оказывают непосредственного прямого воздействия на процесс правового регулирования общественных отношений, но, несмотря на это служат целям формирования фундамента эффективного гражданско-правового регулирования. Из этого следует, что гражданско-правовые предписания по своей сути имеют общий характер для всей сферы гражданско-правового регулирования, проявляя в этом качественном свойстве свою ценность и особую значимость.

В связи с этим, возникает обоснованный вопрос о месте гражданско-правового предписания в системе гражданского права. Позиция автора заключается в признании гражданско-правовых предписаний нормами гражданского права. Отстаивая этот тезис, следует отметить, что иной подход при решении этого вопроса был бы ошибочным. Как известно, исходя из теоретических воззрений, норма права является структурным элементом и состоит из гипотезы, диспозиции и санкции. Однако внимательный анализ общих гражданско-правовых предписаний, выраженных в форме норм-правил, норм-дефиниций, норм-функций и норм-описаний приводит к выводу, что все они могут быть рассмотрены в качестве особых самостоятельных гражданско-правовых норм. В цивилистической литературе этот вопрос был предметом исследований, но однозначный и бесспорный вывод, который удовлетворил бы всех исследователей в области цивилистики до настоящего времени не найден. Однако разрешение этого вопроса имеет не просто формальный характер, а связан с обоснованием теоретической возможности рассматривать общие положения гражданского права, закреплённых в гражданско-правовых предписаниях в качестве отраслевых норм. В научной литературе высказано мнение, что любая норма состоит из двух элементов — диспозиции и санкции [2, с. 184]. Предлагается и иная позиция, сторонники которой предлагают рассматривать гипотезу и диспозицию в качестве самостоятельных норм права [3, с. 17—21]. По мнению автора, в силу своей особой значимости гражданско-правовые предписания могут быть рассмотрены в качестве самостоятельных норм. Полагаем, что гражданско-правовые предписания имеют свою особую сущность, которая позволяет абстрагироваться от признанных теоретических воззрений на структуру правовой нормы. На взгляд автора, гражданско-правовое предписание является неделимой правовой конструкцией, и это обстоятельство не подрывает тезиса об отнесении

этих предписаний к гражданско-правовым нормам. Следует согласиться с В. К. Бабаевым в том, что «нет смысла искать в отправных (учредительных нормах) гипотезу, диспозицию и санкцию» [1, с. 96—97]. Исходя из общих теоретических знаний, следует, что гипотеза указывает на фактические обстоятельства для вступления нормы в действие, диспозиция устанавливает возможные и должные варианты поведения, а санкция определяет вид и меру юридической ответственности. Такое единение диспозиции, гипотезы и санкции в гражданско-правовом предписании невозможно, поскольку приведёт к его неэффективности, выраженной в утрате общего характера. В связи с этим, рассмотрение гражданско-правового предписания с точки зрения возможности её разделения на диспозицию, гипотезу и санкцию или только на гипотезу и санкцию, представляется не оправданным. Главной особенностью гражданско-правовых предписаний как раз является отсутствие внутренней структуры этой нормы, то есть её подразделения на гипотезу, диспозицию и санкцию. В. К. Бабаевым высказывалось предположение о том, что к структурным элементам отправной (учредительной) юридической нормы относятся «признаки правового понятия, явления, принципа, общественно-политической ситуации» [1, с. 96]. Такой вывод применительно к общим гражданско-правовым нормам был бы опасен, поскольку превратил бы их лишь в описание признаков правовых явлений. Однако признаки правовых явлений сами по себе не могут придать общей гражданско-правовой правовой норме особого сущностного значения, которое способствует формированию базовой основы для правового регулирования. Представляется, что гражданско-правовое предписание — это определённое целостное явление, которое не должно быть структурировано на какие-либо элементы, поскольку это подрывает эффективность общей правовой нормы и не препятствует реализации задач, которые возложены на неё. Такой вывод, по мнению автора, продиктован двумя взаимодополняющими положениями. Во-первых, «расчленение» гражданско-правового предписания не может повлечь за собой какого-либо позитивного эффекта, как для законодательной техники, так и для целей практического применения этих норм. Во-вторых, в силу базового содержания, гражданско-правовые предписания не требуют внутреннего структурирования, поскольку его отсутствие не является препятствием для применения общих положений гражданского права. В связи с этим, целесообразно придать гражданско-правовым предписаниям значение особых гражданско-правовых норм, которые носят общий характер.

Эти нормы в силу своей отличительной сущности должны быть выделены в определённую правовую общность, которую следует

обозначить как систему базовых гражданско-правовых норм. Эти нормы функционально осуществляют гражданско-правовую функцию созидания, то есть формирования основы гражданско-правового регулирования. Указание на их базовый характер, с одной стороны, свидетельствует о неразрывной связи с нормами, регулирующими правила повеления субъектов гражданского права, с другой — определяют их первичный характер по отношению к другим нормам. Базовые гражданско-правовые нормы и нормы-правила дополняют друг друга, находятся в постоянном взаимодействии и органическом единстве. Такое взаимодействие и органическое единство является одной из предпосылок создания и функционирования целостной системы гражданского права. Именно поэтому базовые нормы, отражающие принципы, задачи, дефиниции гражданского права имеют важное значение для системы гражданского права, поскольку непосредственно формируют правовую базу для регулирования прав и обязанностей субъектов гражданского оборота. Более того, базовые гражданско-правовые нормы создают «общий дух» гражданского права, определяют его сущность и направления перспективного развития. Базовые гражданско-правовые нормы не оказывают прямого правового регулирования общественных отношений, но участвуют в процессе такого регулирования опосредованно, определяя фарватер правового воздействия со стороны норм-правил. Следует сделать вывод о том, что гражданско-правовые предписания, а именно гражданско-правовые дефиниции, принципы, функции и общие описательные положения гражданского права является базовыми гражданско-правовыми нормами. Таким образом, гражданско-правовая норма как фундаментальный элемент системы гражданского права находит своё выражение как в правилах повеления (нормах-правилах), так и в гражданско-правовых предписаниях (базовых нормах).

Список литературы:

1. Бабаев В. К. Структура юридической нормы // Нормы советского права /под ред. М. И. Байтина, В. К. Бабаева. — Саратов, 1987.
2. Курылёв С. В. О структуре юридической нормы // Труды Иркутского университета. Сер. «Юридические науки». — Иркутск, 1957. Т. 27. Вып. 4.
3. Лейст О. Э. К вопросу о структуре правовой нормы // Ученые записки Всесоюзного института юридических наук. Вып. 15. — М., 1962.

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОВОГО РЕЖИМА ИМУЩЕСТВА АВТОНОМНОГО И БЮДЖЕТНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

Полотовская Елена Юрьевна

*аспирант кафедры «Финансовое и предпринимательское право»
ФГБОУ «Государственный университет — учебно-научно-
производственный комплекс», г. Орел
E-mail: elenapolotovskaya@yandex.ru*

Статья 9.2 Федерального закона «О некоммерческих организациях» [8, с. 13], ст. 3 Федерального закона «Об автономных учреждениях» [7, с. 2], ст. 296 Гражданского кодекса Российской Федерации [2, с. 93] содержат нормы, в соответствии с которыми имущество автономных, бюджетных и казённых учреждений закреплено за ними собственником на праве оперативного управления — это единственное право на имущество, установленное законодателем для всех государственных (муниципальных) учреждений.

Однако данное положение вызвало резонанс в научном сообществе, поскольку из законодательных предписаний не явствует, какое вещное право действует в отношении имущества, приобретенного учреждением за счет средств, полученных от осуществления деятельности, приносящей доход: право оперативного управления или иное вещное право.

Итак, законодатель распространил действие права оперативного управления на все имущество учреждений: закрепленное за ним собственником и приобретенное в ходе осуществления приносящей доход деятельности. Так, п. 2 ст. 299 Гражданского кодекса Российской Федерации устанавливает, что имущество, приобретенное учреждением по договору или иным основаниям, поступает в оперативное управление учреждения.

С указанным законодательным положением вступают в коллизию нормы п. 3 ст. 298 Гражданского кодекса Российской Федерации и п. 2 ст. 3 Федерального закона «Об автономных учреждениях» [7, с. 2], которые определяют, что средства и имущество, полученные бюджетным или автономным учреждением от осуществления приносящей доход деятельности, поступают в его самостоятельное распоряжение.

В отношении права распоряжения имуществом бюджетным учреждением п. 3 ст. 298 ГК РФ содержит следующую формулировку: «Бюджетное учреждение без согласия собственника не вправе распоряжаться особо ценным движимым имуществом, закрепленным за ним собственником или приобретенным бюджетным учреждением за счет

средств, выделенных ему собственником на приобретение такого имущества, а также недвижимым имуществом. Остальным имуществом, находящимся у него на праве оперативного управления, бюджетное учреждение вправе распоряжаться самостоятельно, если иное не установлено законом» («иное» установлено Федеральным законом «О некоммерческих организациях» [8, с. 13—14]: крупная сделка может быть совершена бюджетным учреждением только с предварительного согласия учредителя, а сделка с заинтересованностью — в результате ее одобрения органом, осуществляющим функции и полномочия учредителя; бюджетные учреждения не вправе размещать денежные средства на депозитах в кредитных организациях, а также совершать сделки с ценными бумагами).

Исходя из буквального толкования приведенной нормы, представляется справедливым мнение С. О. Лозовской, которая полагает, что бюджетное учреждение не вправе самостоятельно распоряжаться любым недвижимым имуществом, в том числе и тем, которое приобретено за счет средств, полученных от осуществления приносящей доход деятельности [5, с. 3].

Автономное учреждение, по сравнению с бюджетным, наделено более широкими полномочиями по самостоятельному распоряжению имуществом. Оно без согласия собственника не вправе распоряжаться недвижимым имуществом и особо ценным движимым имуществом, закреплённым за ним собственником или приобретённым автономным учреждением за счёт средств, выделенных ему собственником на приобретение такого имущества. Остальным имуществом, в том числе недвижимым (п. 2 ст. 3 Федерального закона «Об автономных учреждениях» [7, с. 2]), автономное учреждение вправе распоряжаться самостоятельно, если иное не установлено законом. То есть, всё имущество, которое приобретено автономным учреждением за счёт осуществления деятельности, приносящей доход, может свободно отчуждаться без согласия собственника имущества. Это означает, что правомочие по распоряжению таким имуществом законом не ограничено и учреждение в отношении данного имущества выступает как собственник [6, с. 10].

Таким образом, средства, полученные бюджетным и автономным учреждением от осуществления приносящей доход деятельности, поступают в его самостоятельное распоряжение и могут быть использованы для приобретения как движимого, так и недвижимого имущества. При этом п. 2 ст. 299 Гражданского кодекса Российской Федерации устанавливает, что «заработанное» имущество учреждения, независимо от его принадлежности к категории движимого или недвижимого, поступает в его оперативное управление.

Порождает обоснованные сомнения закрепление движимого имущества, приобретенного бюджетным учреждением за счет средств, полученных от приносящей доход деятельности, а также имущества, приобретенного автономным учреждением в процессе осуществления деятельности, приносящей доход, на праве оперативного управления. Так, п.п. 2, 3 ст. 298 ГК РФ относит такое имущество к сфере самостоятельного распоряжения учреждением, что не согласуется с самой идеей права оперативного управления, отраженной в Концепции развития гражданского законодательства, поскольку последнее не предусматривает самостоятельного распоряжения имуществом [4, с. 28].

Отдельные авторы полагают, что у учреждения на определенные виды имущества (доходы и приобретенное за счет них имущество) появляется особое ограниченное вещное право — право самостоятельного распоряжения, которое отличается при этом и от права собственности, и от права хозяйственного ведения, и от права оперативного управления [1, с. 3]. Другие авторы убеждены в том, что нет оснований выделять право учреждений на самостоятельное распоряжение в качестве отдельного вещного права [5, с. 5] и, следуя пути законодателя, распространяют на приобретенное учреждениями имущество право оперативного управления, но с дополнительными полномочиями по распоряжению.

С. А. Козлова обосновывает точку зрения, согласно которой, несмотря на то, что имущество учреждением приобретается за счет заработанных им от приносящей доход деятельности средств, основания приобретения и закрепления такого имущества за учреждением должны соответствовать правовому режиму, установленному п. 2 ст. 299 ГК РФ [3, с. 4] — праву оперативного управления.

Мы полагаем, что право, действующее в отношении движимого имущества бюджетного учреждения и имущества автономного учреждения, полученного ими в ходе осуществления приносящей доход деятельности, можно рассматривать как «усечённый вариант» права собственности, «почти собственность» [6, с. 11], так как законодатель передает его в самостоятельное распоряжение учреждений, не ограниченное необходимостью получения согласия собственника.

Вместе с тем, в соответствии с действующим гражданским законодательством Российской Федерации государственные (муниципальные) учреждения не могут выступать собственниками какого-либо имущества (п. 3 ст. 213 ГК РФ), в том числе приобретенного за счет средств, полученных от осуществления деятельности, приносящей доход.

По мнению автора, в отношении движимого имущества бюджетного учреждения и имущества автономного учреждения, приобретенного ими

за счет средств, полученных от осуществления приносящей доход деятельности, необходимо употреблять термин «собственные средства».

При этом под собственными средствами предлагается понимать правовую категорию, включающую в себя:

1. круг субъектов, обладающих собственными средствами — автономные и бюджетные учреждения;

2. типы имущества, признаваемого собственными средствами: а) движимое имущество, приобретенное бюджетным учреждением в результате осуществления приносящей доход деятельности; б) имущество автономного учреждения, как движимое, так и недвижимое, приобретенное им в процессе осуществления деятельности, приносящей доход;

3. права субъекта в отношении имущества, признаваемого собственными средствами, — владения, пользования и распоряжения, не ограниченные действиями или решениями учредителя автономного или бюджетного учреждения, но осуществляемые в соответствии с целями, ради достижения которых создано учреждение.

Список литературы:

1. Ахметьянова З. А. О правовом режиме имущества учреждений / З. А. Ахметьянова // Безопасность бизнеса, 2011. — № 3. — С. 14—17.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Российская газета. — 1994. — 08 дек.; Российская газета. — 2011. — 02 дек.
3. Козлова С. А. Имущественный режим государственных образовательных учреждений / С. А. Козлова // Право и экономика, 2011. — № 7. — С. 18—23.
4. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации // Вестник ВАС РФ, 2009. — № 11.
5. Лозовская С. О. Право оперативного управления учреждений / С. О. Лозовская // Законы России, 2011. — № 6. — С. 20—29.
6. Полотовская Е. Ю. Имущество государственных (муниципальных) учреждений: право оперативного управления или право собственности? / Е. Ю. Полотовская // Административное и муниципальное право, 2011. — № 5. — С. 9—11.
7. Федеральный закон от 03.11.2006 № 174-ФЗ «Об автономных учреждениях» // Российская газета. — 2006. — 08 нояб.; Российская газета. — 2011. — 09 нояб.
8. Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» // Российская газета. — 1996. — 24 янв.; Российская газета. — 2011. — 07 дек.

ФОРМЫ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКИМИ ПРАВАМИ

Шабанов Вадим Васильевич

*канд. юрид. наук, доцент МОФ МосУ МВД России, г. Руза
E-mail: Sh865918v@mail.ru*

В настоящее время с формированием рыночных механизмов и усложнением экономических отношений в обществе все более учащаются случаи злоупотреблений гражданскими правами и усложняются их формы. Практика показывает, что неправомерным может быть поведение, не только нарушающее конкретные нормы позитивного права, но и внешне законное, а по существу, нарушающее основополагающие системные связи и принципы гражданского права.

Определение и установление «внутренних» пределов осуществления субъективного гражданского права является одной из наиболее запутанных и сложных для понимания и разрешения правовых проблем. В этом механизме установления юридических границ ярко выражена цель права — предоставить обществу средство для цивилизованного разрешения возникающих противоречий и конфликтов. Определяя с помощью комплекса юридических средств для субъектов права «стандартные» внешние границы, переход за которые начинает затрагивать конкретные субъективные права других участников правоотношений, законодатели всегда пытались воплотить одну из основных правовых идей, лежащих в основе законотворчества: право само не должно быть орудием для бесправия.

Необходимо отметить, что вопросы злоупотреблений правами характерны для процессуальных, налоговых, трудовых, семейных, земельных, административных и других правоотношений и, в том числе, в деятельности лиц, обладающих властной юрисдикционной компетенцией. В силу этого, проблема злоупотребления носит межотраслевой характер, и ее рассмотрение имеет общетеоретическое значение для науки российского права [6, с. 177-178].

В настоящее время в науке гражданского права нет единства взглядов на юридическую природу феномена злоупотребления правом — например, действия субъекта злоупотребления признаются как правонарушением, так и особой формой реализацией права. Отсутствует унифицированное научное определение понятия «злоупотребление гражданским правом»; мало изучены формы и виды злоупотреблений правами; идут горячие дискуссии об условиях применения последствий за злоупотребительное поведение; не получен

ответ на вопрос о средстве злоупотребления гражданским правом; недостаточно изучены субъективные пределы осуществления гражданских прав через критерии добросовестности и разумности и т. д.

Особенно остро ведутся споры по поводу форм злоупотребления гражданскими правами. Некоторые современные авторы под формами злоупотребления правом понимают конкретные практические случаи, выявленные судебной практикой и составляющие бесконечное многообразие форм [5, с. 71]. Часть цивилистов, наоборот, только с шиканой отождествляет единственную форму злоупотребления правом, а все остальные случаи относит к коллизионным проблемам самих юридических норм [9, с. 157].

Однако, статья 10 ГК РФ, как известно, наряду с шиканой, т. е. действием субъекта исключительно с намерением причинить вред, содержит ссылку на злоупотребление правом «в иных формах» [2]. В связи с этим необходимо проанализировать возможное содержание «иных форм» злоупотребления правом. Поскольку отличительным неоспоримым признаком шиканы является наличие исключительной цели — причинение вреда другому лицу, то все иные, отличные от шиканы формы злоупотребления правом, будут в своем проявлении иметь еще как минимум одну, внешне вполне правомерную цель. Практически к формам злоупотребления правом, кроме всего, можно отнести действия, имеющие не конкретную цель — причинение вреда другому, а цель, направленную на удовлетворение собственного эгоистического интереса с равнодушным отношением к тому факту, причиняется ли этим вред другому лицу или нет.

Необходимые признаки злоупотребления правом включают в себя: а) наличие скрытой, запретной цели в недобросовестном поведении субъекта, что свидетельствует о четкости намерения, т. е. о прямом умысле; б) использование в качестве средства для злоупотребления само гражданское право (правомочие), либо обязанность; в) наличие ситуации правовой неопределенности и невозможность вследствие этого применить специальные гражданско-правовые нормы, непосредственно регулирующие спорное правоотношение, т. е. исключительность действия статьи 10 ГК РФ [8, с. 43—44].

Представляется что все многообразные «внутренние» формы злоупотреблений правами можно разделить на две большие группы: 1) исходя из средств злоупотребления правом; 2) исходя из цели злоупотребительных актов (действий).

Средство злоупотребления правом — это то или иное субъектное гражданское право (обязанность), на которое формально опирается субъект злоупотребления, а в технико-юридическом плане — это та

или иная норма, либо часть нормы, либо совокупность норм в гражданском праве, применяя которую, лицо осуществляет недобросовестные действия. Классификация этих средств путем их детализации, по мнению автора, образует следующие четыре формы злоупотребления правом: а) злоупотребление вещными правами; б) злоупотребление обязательственными правами (и, в особенности, злоупотребление правом на свободу заключения договоров и формирование их условий); в) злоупотребление гражданско-правовыми обязанностями; г) злоупотребление правом на защиту. Необходимость разделения злоупотребления правом на четыре формы объясняется, во-первых, теоретическим подразделением всех прав на вещные и обязательственные, а, во-вторых, особенностями самих злоупотребительных актов [3, с. 467—477].

Классификация форм злоупотребления правом по целям вызывает особый интерес, поскольку именно скрытая и незаконная цель образует один из важнейших признаков злоупотребительного поведения. В зависимости от цели злоупотребление правом предлагается подразделить на следующие формы: а) злоупотребление правом с единственным намерением, т.е. с исключительной целью — причинить вред другому лицу (шикана); б) злоупотребление правом с целью обогащения, т.е. с целью получения имущественной выгоды (наживы); в) злоупотребление правом с целью избегания (уклонения) от выполнения своих обязанностей; г) злоупотребление правом с целью воспрепятствования, блокировки реализации субъективных прав кредиторов на их защиту и восстановление.

Злоупотребление правом как действия с исключительным намерением причинить вред другому лицу, стало классическим примером злоупотребительного поведения. Однако это отнюдь не исключает проявления других форм злоупотребления правом, поскольку причинение вреда другому лицу использованием права исключительно ради своего удовольствия — это удел психически нездоровых людей и представляет собой хотя и яркие, но редкие случаи.

Злоупотребление правом с целью собственного обогащения образует самостоятельную классификационную форму, при которой нарушителю безразлично по большому счету материальное, либо психическое положение пострадавшего; он увлечен своей целью — обогатиться, в том числе, с помощью имеющихся у него правовых средств.

Наиболее распространенной формой злоупотребления правом можно выделить действия лица с конкретной целью — избегание, уклонение от выполнения своих гражданско-правовых обязанностей.

Однако и в этом случае управомоченный субъект ссылается на ту или иную норму права (правомочие), либо условие договора, которые, по его мнению, не позволяют ему исполнить свою обязанность. При этом, субъект имеет фактическую возможность исполнить свое обязательство.

Изошренной формой злоупотребленного поведения являются действия с целью воспрепятствования, блокировки реализации субъективных гражданских прав кредиторов на их защиту и восстановление. Чаще всего подобная форма проявляется при предъявлении кредитором в суд требования к должнику, который в качестве «возражения» при этом выдвигает те или иные встречные требования. В большинстве случаев эта форма представляет собой субъективную сторону злоупотребления правом на защиту, но иногда представляет собой собственные злоупотребительные схемы (например, реализация имущества по мнимым сделкам с целью сокрытия его от законных требований кредиторов) [6, с. 198].

Необходимо отметить, что классификация форм злоупотребления правом может происходить не только по «вертикали», но и по «горизонтали»: а) злоупотребление нормами закона и подзаконными актами; б) злоупотребление условиями договоров; в) злоупотребление правом в обход закона, т. е. с использованием законотворческих, либо договорных пробелов и ошибок.

Классификация форм в зависимости от юридических актов, которые подвергаются правовому злоупотреблению определяется существующей иерархией юридических документов: международные акты, Конституция РФ, конституционные законы, федеральные законы (в том числе кодексы), указы Президента РФ, постановления Правительства РФ, нормативные правовые акты органов федеральной власти и органов местного самоуправления, договоры (как форма реализации гражданских прав, установленных в законе).

Практическая правоприменительная деятельность привносит свои коррективы в разрабатываемые учеными теоретические концепции, с которыми они вынуждены считаться. В ходе практической деятельности выявляются все теоретические просчеты и «перегибы» учения о злоупотреблении правом. Тем самым, практика становится таким же равноправным соучастником процесса совершенствования правового мира, как и чисто теоретическая деятельность. Практические указания на условия применения статьи 10 ГК РФ весьма немногословны и содержатся в пункте 5 постановления Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ от 01 июля 1996 г. № 6/8, где судам предписано при применении статьи 10 ГК РФ выяснять, какие

именно действия квалифицируются судом как злоупотребление правом и, в частности, действий, имеющих цель причинить вред другим лицам [7]. Это указание имеет задачу воспрепятствовать немотивированной формальной ссылке судов на статью 10 ГК РФ при рассмотрении ими конкретных споров, поскольку, как доказывалось ранее, подобной формальной ссылкой на статью 10 ГК РФ можно деактивировать любое субъективное право. Далекое не все суды выполняют это указание, с легкостью применяя статью 10 ГК РФ как удобную норму с тем, чтобы аннулировать законные требования одной из сторон в судебном процессе. Четкая мотивированная квалификация злоупотребительных действий должна стать гарантией от необоснованного применения статьи 10 ГК РФ и от нарушения, тем самым, баланса прав и законных интересов участников гражданских правоотношений.

Если обобщить случаи конкретных злоупотребительных (действий), встречающихся чаще всего в судебной практике, то можно увидеть массу примеров как обоснованного, так и неоправданного использования принципа добросовестного правоосуществления, заложенного в статьях 1 и 10 ГК РФ. Отсюда, выявление родовых признаков в злоупотребительных актах (действиях) служит основой совершенствования правоприменительной практики. Анализ судебной практики позволил выделить из ранее приведенных форм следующие виды злоупотреблений гражданскими правами: 1) злоупотребление полномочиями органов и представителей юридического лица; 2) злоупотребление правом на свободное формирование условий договора (неустойки, проценты, условия возмещения убытков, задаток, залог т. п.), в том числе, «злоупотребительное» уклонение от заключения договора; 3) злоупотребление правом с помощью заключения гражданско-правовых сделок, направленных на уклонение от уплаты налогов, либо на необоснованные возмещения из бюджета РФ; 4) злоупотребление правом при процедуре ликвидации должника (в том числе, при проведении процедуры банкротства); 5) злоупотребление правом путем заключения сделок по реализации имущества, предназначенного к удовлетворению претензий кредиторов (в том числе, сделки реорганизации юридического лица); 6) злоупотребление правом с помощью «абстрактных» гражданско-правовых обязательств — векселей; 7) злоупотребление правом на зачет встречных требований (как действие, так и бездействие); 8) злоупотребление правом с помощью исков о признании сделок, актов недействительными (или «несостоявшимися»); 9) злоупотребление правом на отказ в защите права с помощью статьи 10 ГК РФ

(злоупотребление «правом на право»); 10) злоупотребление иными способами защиты прав, предусмотренными и не предусмотренными статьей 12 ГК РФ [1, с. 280—282].

Из приведенных форм и видов необходимо отметить, что злоупотребление правом на защиту имеет устойчивую тенденцию к росту, поскольку «опирается» не только на материальное — гражданское право, но и на процессуальное (АПК РФ, ГПК РФ), которое реализует, в свою очередь, в жизнь статью 46 Конституции РФ: «Каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод» [4]. Принцип доступности судебной защиты, таким образом, вместе с гражданско-правовыми средствами защиты становится все чаще орудием для злоупотребления правом. Науке, законодательству и правоприменительной деятельности предстоит выработать собственные эффективные меры противодействия этим злоупотребительным явлениям.

Список литературы:

1. Волков А. В. Теория концепции «злоупотребление гражданскими правами». — Волгоград: Станица-2, 2007.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 30.11.2011) // СЗ РФ, 05.12.1994, № 32, ст. 3301,
3. Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / Под общ. ред. В. А. Белова. — М.: Издательство Юрист, 2009.
4. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) (с поправками) //СЗ РФ, 26.01.2009, № 4, ст. 445.
5. Малиновский А. Л. Злоупотребление правом (основы концепции). — М.: Издательство Юрист, 2008.
6. Поротикова О. А. Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом. — М.: Волтерс Клувер, 2007.
7. Постановление Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ от 01 июля 1996 г. № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» //Бюллетень Верховного Суда РФ», N 9, 1996; № 5, 1997.
8. Садиков О. Н. Злоупотребление правом в Гражданском кодексе России // Хозяйство и право. 2002. № 2.
9. Яценко Т. С. Категория шиканы в гражданском праве: история и современность. М.: «Статут», 2003.

АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ ЗАЩИТЫ КОММЕРЧЕСКОЙ ТАЙНЫ

Щербачева Любовь Владимировна

*канд. юрид. наук, доцент кафедры Гражданского права и процесса
Московский Университет МВД России, г. Москва
E-mail: dok2081@rambler.ru*

Долгое время одним из самых спорных вопросов в литературе и практике является вопрос о том, можно ли рассматривать коммерческую тайну в качестве объекта интеллектуальной собственности. Всё существующее в юридической литературе разнообразие мнений на этот счёт, можно свести к двум диаметрально противоположным точкам зрения. Представители первой считают, что коммерческая тайна может считаться объектом интеллектуальной собственности. Так, по мнению А. П. Сергеева, «коммерческая тайна обладает всеми свойствами объекта интеллектуальной собственности и является его особой разновидностью» [11, с. 621].

Институт коммерческой тайны имеет в российском праве довольно глубокие корни. Проблема защиты конфиденциальной информации, в том числе коммерческой тайны, признавалась важным аспектом российской правовой доктрины и была неплохо разработана в отечественной юриспруденции. Примером может служить Уголовное уложение 1903 года включавшее в себя целую главу, посвящённую ответственности за разглашение различного рода тайн: главу XXIX «Об оглашении тайн», предметом трёх из шести статей являлись: тайна фабричная, тайна коммерческая и тайна кредитная. Правда в действие эта глава так и не была введена.

Необходимость защиты коммерческой тайны была обоснована в вышедшей в 1910 году, во многом не утратившей своей актуальности до настоящего времени, монография В. Розенберга «промысловая тайна» [10, с. 271]. Затрагивались проблемы, связанные с коммерческой тайной и в трудах другого выдающегося цивилиста второй половины XIX — начала XX века — Г. Ф. Шершеневича. Так, Г. Ф. Шершеневич отмечал, что коммерческая тайна распространяется на купеческие книги, за которыми закон признал принцип неприкосновенности [19, с. 196].

Качественно новый этап формирования института коммерческой тайны на законодательном уровне в России начался с принятием в 1990 г. Закона СССР «О предприятиях в СССР» от 4 июня 1990 года [4], где впервые дается определение коммерческой тайны, провозглашается необходимость ее защиты. Под коммерческой тайной, не являющиеся государственными секретами сведения, связанные с производством,

технологической информацией, управлением и финансами и другой деятельностью предприятия, разглашение (передача, утечка) которых может нанести ущерб его интересам отмечалось в статье 33 Закона [4].

В соответствии со ст. 2 Закона РСФСР «О собственности в РСФСР» от 24 декабря 1990 года [5], секреты производства относились к охраняемым объектам интеллектуальной собственности. Разъяснения по этому поводу дало также принятое 5 декабря 1991 г. в целях обеспечения деятельности Государственной налоговой службы, правоохранительных, судебных и контролирующих органов Постановление Правительства РСФСР № 35 «О перечне сведений, которые не могут составлять коммерческую тайну» [9].

В российских условиях обеспечить действенную защиту информации крайне сложно, так как реальностью нашего времени стало практически свободная продажа баз данных о российских компаниях на рынке, даже тех, защиту которых обязано обеспечивать государство в лице своих уполномоченных органов. Российский бизнес по факту остается «прозрачным» для всякого рода авантюристов, хакеров, мошенников и недобросовестных сотрудников компаний.

Принятие Федерального закона «О коммерческой тайне» от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ [15] закрепил институт коммерческой тайны в юридическом обороте. Однако, некоторые, эксперты справедливо полагают, что правовой механизм реализации права на защиту ценных для хозяйствующего субъекта сведений по-прежнему затруднен, поскольку все нормативно-правовые акты, включая закон «О коммерческой тайне», в которых затрагиваются проблемы коммерческой тайны, имеют в основном декларативный либо отсылочный характер и не устанавливают эффективного механизма реализации защиты права на информацию, составляющую коммерческую тайну. Пробелом в законе «О коммерческой тайне» было отсутствие самого понятия и степеней конфиденциальности, по аналогии со степенями секретности для сведений, составляющих государственную тайну. Это затрудняет установление санкций за нарушение коммерческой тайны.

Многие исследователи неоднократно и вполне справедливо указывали на разнообразие терминов, используемых при регулировании вопросов коммерческой тайны, например: производственная тайна, деловая конфиденциальная информация, промышленная тайна, торговый секрет, секрет фирмы, ноу-хау и т. д. [7, с. 59—64] Такое разнообразие можно объяснить тем, что в большинстве стран отсутствуют нормативные акты, посвященные защите информации, а нормы о коммерческой тайне включены в самые различные акты или же существуют лишь в виде судебных прецедентов.

Легальное определение коммерческой тайны дает в настоящее время статья 139 Гражданского Кодекса РФ и Федеральный закон о

коммерческой тайне [2]. Гражданский кодекс РФ устанавливает, что коммерческая тайна — это информация, имеющая действительную или потенциальную коммерческую ценность в силу её неизвестности третьим лицам, к которой нет доступа на законном основании и обладатель которой принимает меры по охране её конфиденциальности.

В статье 3 Закона о коммерческой тайне определяется, что коммерческая тайна — конфиденциальность информации, позволяющая ее обладателю при существующих или возможных обстоятельствах увеличить доходы, избежать неоправданных расходов, сохранить положение на рынке товаров, работ, услуг или получить иную коммерческую выгоду. При этом информация, составляющая коммерческую тайну, — это научно-техническая, технологическая, производственная, финансово-экономическая или иная информация (в том числе составляющая секреты производства (ноу-хау)), которая имеет действительную или потенциальную коммерческую ценность в силу неизвестности ее третьим лицам, к которой нет свободного доступа на законном основании и в отношении которой обладателем такой информации введен режим коммерческой тайны [15]. Закон «о коммерческой тайне», раскрывает режим коммерческой тайны как правовые, организационные, технические и иные принимаемые обладателем информации, составляющей коммерческую тайну, меры по охране ее конфиденциальности.

Очевидно, что законодатель раскрывает содержание правового института посредством двух ключевых взаимосвязанных понятий: «информация» и «конфиденциальность». При этом данная информация должна иметь потенциальную коммерческую ценность. Общее количество нормативных актов в той или иной мере затрагивающих вопросы информации исчисляется десятками тысяч. В качестве узкоспециализированных, фундаментальных источников в этой группе можно выделить Федеральный закон от 20 февраля 1995 г. № 24-ФЗ «Об информации и информатизации и защите информации» [13] и Федеральный закон «Об участии в международном информационном обмене» от 4 июля 1996 г. № 85-ФЗ [14]. Прогрессивные для своего времени законы не только закрепили легальное определение базовых понятий информационного законодательства, но и установили многие принципиальные нормы, регулирующие оборот информационных ресурсов и защиты информации.

Согласно статье 2 Закона об информации, информатизации и защите информации, «информация» — сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах независимо от формы их представления [13]. Однако нельзя признать правомерным определение конфиденциальной информации, установленное той же статьей, согласно которому конфиденциальной информацией признается исключительно

документированная информация. Такое определение вступает в противоречие со многими правовыми институтами. Например, буквально следуя легальному определению нельзя признать конфиденциальными сведения, передаваемые больным лечащему врачу (врачебная тайна), прихожанином священнику во время исповеди (тайна исповеди), от обвиняемого к его адвокату (адвокатская тайна) и т. п.

С точки зрения этимологии, слово «конфиденциальный» происходит от латинского *confidentia* — доверие и в современном русском языке означает «доверительный, не подлежащий огласке, секретный» [12, с. 359]. Слово «секрет», которое также необходимо рассмотреть, заимствовано из французского *secret* — «тайна». Однако, как отмечал Ефремов А. А., понятие тайны в правовой науке не совсем совпадает с понятием конфиденциальной информации, так как тайна означает ещё и правовой режим информации [3, с. 56].

При анализе видов конфиденциальной информации возникают большие сложности, связанные с противоречивостью и недостатками отечественного законодательства. Так, согласно п. 2 ст. 10 ФЗ «Об информации...» [13], документированная информация с ограниченным доступом по условиям ее правового режима подразделяется на информацию, отнесенную к государственной тайне, и конфиденциальную. Это положение вызывает серьезную критику. Как отмечает А. И. Алексенцев, понятия «секретный», «конфиденциальный», «тайна» равнозначны, в результате получается парадокс - секретная информация (государственная тайна) исключена из сферы секретной [1, с. 5—6]. Правда, данное разделение информации оговорено фразой «по условиям ее правового режима», который действительно различается у сведений, составляющих государственную тайну, и у других сведений. Однако в данном случае эта норма закона противоречит определению конфиденциальной информации, данному в ст. 2 закона «об информации, информатизации и защите информации» [13].

А. И. Алексенцев указывает, что исключение государственной тайны из состава конфиденциальной информации не согласуется и с международными актами. В ст. 8 ФЗ «Об участии в международном информационном обмене» информация, отнесенная к государственной тайне, поставлена в один ряд с «иной конфиденциальной информацией» [14].

В свете вышесказанного представляется неправильной и попытка некоторых ученых обосновать разделение информации с ограниченным доступом на государственную тайну и конфиденциальную так как «есть сведения, защищать которые владелец или пользователь обязан, и те, защищать которые он имеет право, рассчитывая на помощь государства». В частности А. И. Алексенцев указал, что к конфиденциальной

информации должна быть отнесена вся информация с ограниченным доступом, составляющая любой вид тайны [1, с. 6—7]

В настоящее время нет четкой и единой классификации видов конфиденциальной информации, хотя действующими нормативными актами установлено свыше 30 ее разновидностей. Определенные попытки такой классификации предпринимались учеными. Не имея возможности более детально исследовать вопросы классификации, следует ограничиться выводом, что в наиболее общем виде на законодательном уровне получили закрепление две разновидности тайн: государственная и коммерческая [6, 15].

ГК РФ и Закон о коммерческой тайне [2, 15], а также ряд других федеральных законов позволяют признать информацию коммерческой тайной, если она:

1. имеет действительную или потенциальную коммерческую ценность в силу неизвестности ее третьим лицам;
2. не подпадает под перечень сведений, доступ к которым не может быть ограничен, и перечень сведений, отнесенных к государственной тайне;
3. к ней нет свободного доступа на законном основании;
4. обладатель информации принимает меры к охране ее конфиденциальности.

Вместе с тем, законодатель, употребляя подобные критерии, не дает ответа на вопрос, что вкладывается в определение действительная или потенциальная коммерческая ценность. Под коммерческой ценностью в литературе понимается способность информации быть объектом рыночного оборота [8].

ГК РФ предоставил право руководителю предприятия самостоятельно решать вопрос об объеме сведений, подлежащих засекречиванию. Таким образом, он же и будет решать вопрос о ценности той информации, которая будет защищаться в режиме коммерческой тайны. В общем, следует признать, что реальное коммерческое значение коммерческой информации законодатель всецело отдал на усмотрение здравого смысла.

Под понятие коммерческой тайны могут подпадать самые разнообразные сведения и знания, как технического характера, так и организационного или финансового. Например, коммерческой тайной может являться изобретение, на которое работодатель, умышленно сохраняющий его в тайне, принял решение не подавать заявку. В качестве коммерческой тайны не возбраняется охранять стратегию фирмы при продвижении товара на рынок, или оригинальное решение и т. п.

Однако в России, возникает ситуация, при которой происходит бесконтрольный незаконный, по сути, экономический оборот конфиденциальной коммерческой информации. Продается информация, которая находится в распоряжении налоговых, таможенных органов,

Пенсионного фонда РФ, органов валютного контроля, паспортных столов и других ведомств, призванных обеспечивать ее защиту от несанкционированного доступа. Тем самым наносится значительный ущерб не только коммерческим интересам российских компаний, но и материальным и моральным интересам физических лиц.

Таким образом, хотелось бы подчеркнуть, что коммерческая тайна, представляя собой особо ценную информацию для своих обладателей, напрямую затрагивающая интересы и собственников, и работников предприятий, несомненно, является разновидностью интеллектуальной собственности и нуждается в адекватной, а не декларативной защите.

В данной статье проанализированы лишь некоторые проблемы защиты прав на коммерческую тайну как интеллектуальную собственность в России.

Следует, также отметить, большая часть проблем на текущий период локализованы, как в сфере защиты коммерческой тайны, так и защиты авторских прав. В совокупности с низким уровнем стимулирования инновационной активности в стране, а также проблемами, связанными с реформированием науки и образования, вопросы защиты интеллектуальной собственности приобретают для России стратегический характер. Если некий автор не уверен, что его права на созданный продукт будут обеспечены адекватной системой правовой защиты, скорее всего, он с готовностью продаст плоды своего труда другому государству. Отсутствие действенных механизмов защиты интеллектуальной собственности препятствует созданию полноценного экономического оборота объектов интеллектуальной собственности, приводит к недооценке активов предприятий, из-за «утечки» информации наносится вред их деловой репутации и в ряде случаев становится причиной банкротств, «недружественных поглощений». В России действуют специальные фирмы, занимающиеся промышленным шпионажем, конкурентной разведкой и т. п.

Проанализировав проблемы, связанные с коммерческой тайной в заключении, следует отметить, что обеспечение защиты интеллектуальной собственности в целом должно быть важнейшим направлением государственной правовой и экономической политики России.

Список литературы:

1. Алексенцев А. И. О составе защищаемой информации. //Безопасность информационных технологий.— 1999. —№ 2. — с. 5—6, 6—7
2. Гражданский кодекс Российской Федерации 1—4 части (с учетом изменений, внесенных по состоянию на 05.04.2011 г.) — [Электронный ресурс] — Гарант, 2011
3. Ефремов А. А. Информация как объект гражданских прав//Студенты в правовой науке: Сб. науч. тр. Вып. 1: Проблемы и перспективы современного

- российского права (Поиск новых идей). — Воронеж: Изд-во Воронеж.ун-та, 1998. — с. 56
4. Закон СССР «О предприятиях в СССР» от 4 июня 1990 года//Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. — 1990. — № 25.
 5. Закон РСФСР от 24 декабря 1990 г. «О собственности в РСФСР»//Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. — 1990. — № 30.
 6. Закон Российской Федерации № 5485-1 от 21 июля 1993 года «О государственной тайне» (с последующими изменениями и дополнениями) // Российская газета. — 1993. — 21 сентября; Собрание законодательства Российской Федерации. — 1997. — № 41.
 7. Коломиец А. Защита информации, составляющей коммерческую тайну: Сравнительный обзор российской и зарубежной практики // Закон. — 1998. — № 2. — с. 59—64
 8. Комментарий к Гражданскому кодексу РФ. Ч. 1. /Под ред. О. Н. Садикова. М. 1998
 9. Постановление Правительства РСФСР № 35 «О перечне сведений, которые не могут составлять коммерческую тайну»//Собрание актов Президента РСФСР и Правительства РСФСР. — 1992. — № 1—2.
 10. Розенберг В. Промысловая тайна. СПб.: Типография редакции Министерства финансов, 1910 — с. 271
 11. Сергеев А. П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации. — М. 1996 — с. 621
 12. Словарь иностранных слов. — М.:ИОНВЕС,1995. — с. 359
 13. Федеральный закон от 20 февраля 1995 г. № 24-ФЗ «Об информации и информатизации и защите информации»//Собрание законодательства Российской Федерации. — 1995. — № 8.// Российская газета. 2003. 7 июля.
 14. Федеральный закон от 4 июля 1996 года № 85-ФЗ «Об участии в международном информационном обмене»//Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 28.
 15. Федеральный закон «О коммерческой тайне» от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.01.2008) — [Электронный ресурс] — Консультант плюс 2011 г.
 16. Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права в 4 томах. — СПб., 1908—1912 гг — с. 196

СЕКЦИЯ 5.

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОСЛОВНЫХ СУДОВ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1781—1874 ГОДАХ

Мхитарян Людмила Юрьевна

доцент кафедры правовых дисциплин ПИЭФ, г. Пермь

E-mail: LMhitaryan@yandex.ru

Последняя четверть XVIII века в истории России характеризовалась общей реорганизацией судебных учреждений, так как сложившаяся ранее, при Петре I, система судов не обеспечивала выполнения задач, возлагаемых на нее государством. Пришедшая к власти Екатерина II существенно изменила многое в российском обществе, в том числе и принципы судостроительства. В Указе «Учреждения для управления губернской Всероссийской империи» императрица предприняла попытку упорядочить структуру судебных учреждений, и в таком виде (с незначительными изменениями) судебная система просуществовала вплоть до реформ Александра II.

Таким образом, была создана новая система местных судов, как общесословных, так и сословных. Однако в целом организация судебной системы, взаимоотношение судебных инстанций, или, как их называли современники, «одиннадцати мытарств» [12, с. 2], была чрезвычайно сложной и запутанной.

Дореформенная судебная система в Пермской губернии, как и в целом по России, была создана в соответствии с Учреждением о губерниях по сословному принципу. Первым пермским губернатором генерал-майором И. В. Ламбом с момента основания Пермского наместничества в 1781 году были сформированы следующие судебные инстанции: низшие — в уездах, высшие — в губернском городе Перми, что по замыслу Екатерины II должно было приблизить суд к населению.

В каждом уезде губернии был учрежден нижний земский суд и сословные суды первой инстанции: уездный суд для дворян, городской магистрат (ратуша) для горожан (мещан), нижняя расправа для всех крестьян, кроме крепостных.

Нижний земский суд в соответствии со ст. 224 Учреждений о губерниях «...долженствует... иметь бдение, дабы в уезде сохранены были благочиние, добронравие и порядок... чтобы предписанное законами полезное повсюду в уезде исполняемо и сохраняемо было» [14]. В нем заседали земский исправник и два заседателя; все трое выбирались дворянством сроком на три года и утверждались губернатором.

Помимо надзора за соблюдением законов в уезде, суд исполнял распоряжения губернатора и губернских учреждений, занимался розыском и поимкой беглых крестьян, наблюдал за исправностью дорог и мостов, следил за торговлей и состоянием цен и т. п. Нижний земский суд вел предварительное расследование по значительному количеству дел, приводил в исполнение приговоры, вынесенные уездным судом и Нижней расправой. Таким образом, это было учреждение, совмещавшее в себе функции не только судебного, но и административного органа. В Пермском архиве практически не сохранилось информации о нижнем земском суде. Упоминание о нем встречается лишь в «доношении барона В. К. Строганова в Пермский нижний земский суд» [11].

Уездные суды были учреждены в 1781 г. в соответствии с указом от 7 ноября 1775 г. «Учреждения для управления губерний» [14]. Сначала они состояли в ведении Пермского верхнего земского суда, с 1797 г. — Пермской палаты суда и расправы, а с 1801 г. — в ведении Пермских палат уголовного и гражданского суда. Первоначально они являлись сословными судами первой инстанции для рассмотрения уголовных и гражданских дел только дворян, затем, на основании указа от 31 декабря 1796 г. «О штатах губерний» [15], были преобразованы в общесословные суды для всего населения уездов, кроме городского. Пределы действия уездного суда определялись его округом, который совпадал с территорией уезда. В начале XIX века уездные суды становятся общесословными, за исключением купцов и крестьян, подведомственных магистрату и ратуше.

В ведении уездных судов находились уголовные (за исключением тех, за которые назначалась смертная казнь, лишение дворянской чести или торговой казни) и гражданские дела (ценой иска до 25 рублей), они же разбирали споры о землях и регистрировали купчие по недвижимости. Кроме того, уездные суды занимались абсолютно несудебными делами, как-то: хранение межевых книг и планов, проведение ревизий уездного казначейства, выдача разрешений на провоз вина, разбор споров на изобретения; вместе с полицией суд «вводил в имение» его законного владельца.

Правосудие в уездном суде вершил судья и два заседателя, которые избирались местным дворянством и утверждались губернатором. Судьей избирался чиновник восьмого класса с жалованьем 300 руб., а заседатели получали девятый класс и жалованье 250 руб. С 1796 года в штат добавился избираемый секретарь с жалованьем 200 руб., а в 1801 году —

два заседателя из «поселян» (государственных крестьян) [6, л. 63]. Жалованье, получаемое чиновниками, было ничтожно малое, поэтому в судах повсеместно процветало взяточничество.

Уездный суд дело сам не возбуждал: возбуждение происходило либо по жалобе от частных лиц, либо по требованию стряпчих, либо по предложению губернского правления, палаты уголовного или гражданского суда, а также верхнего земского суда [14].

Формы отношений уездного суда с другими присутственными местами были следующие: суд получал от вышестоящих органов (Палат гражданского и уголовного суда, губернского правления, верхнего земского суда) указы, а к ним обращался с рапортами. В нижестоящие органы суд направлял либо указы (Нижнему земскому суду), либо сообщения (городничим) [14].

Суды вели упрощенное делопроизводство. Судебное следствие проводилось органами уездной и городской полиции. После следствия материал уголовного дела поступал в канцелярию суда, где секретарь и его помощники составляли подробную записку с содержанием «дела», с доводами сторон, справками и ссылками на законы. После составления этого документа стороны (их доверенные) удостоверяли правильность фактов своими подписями. Поскольку на территории Кунгурского и Осинского уездов проживало много представителей татаро-башкирского населения, в состав этих судебных органов полагалось по одному переводчику.

Если стороны были недовольны решением уездного суда, его можно было опротестовать в Верхнем земском суде, который являлся апелляционной инстанцией. Уездные суды находились в подчинении губернских палат уголовного и гражданского суда, а также губернатора.

В Пермской губернии были созданы следующие уездные суды: Верхотурский, Екатеринбургский, Ирбитский, Камышловский, Красноуфимский, Осинский, Оханский, Пермский, Соликамский, Чердынский, Кунгурский, Шадринский.

По документам, сохранившимся в архиве, можно получить представление о характере рассматриваемых дел. Так, Ирбитский уездный суд, документы которого датируются с 1800 по 1835 гг., рассматривал дела: о краже у тюменского мещанина Николая Иванова Вязминова денег 200 руб. в гостинице, содержимой купеческим сыном Ларионом Лапиным дамой Александрой Астафьевой Могичаровой [2]; о мертвонайденной в лесном загороде крестьянской девке Татьяне Ивановой Гашковой [3]; о рядовом пожарной команды Никите Ермолаеве Окуневе в пьянстве, в самовольном уходе с поста и в намерении удавиться [4]; об ирбитском купце Григории Григорьевиче Донове в подкупе им членов Шадринского городского магистрата [5].

Немало дел, рассматриваемых на территории Пермской губернии, было связано с борьбой светских властей против раскольников. По свидетельствам историков [1; 13], с начала XVIII века на заводах Демидовых работало немало «кержачей». Старообрядцы составляли большую часть населения на Урале вплоть до Октябрьской революции. Гражданские власти всячески содействовали православной церкви в охране «незыблемости самой веры». Необходимость посещать церковь и тем самым «засвидетельствовать политическую лояльность» провоцировала многочисленные конфликты между органами власти и старообрядцами.

Приведем лишь небольшой список дел, рассмотренных в Екатеринбургском уездном суде и связанных с раскольническим движением [7]: о непреходящем работнике Верх-Исетского завода Петре Дарынцеве и его матери Прасковье, разбираемых за препятствия жене Петра Наталье крестить младенца в православной церкви; дело по разбирательству об уклонении в раскольническую поморскую секту мастерового Сылвенского завода Михаила Усольцева и его товарищей; о крестьянах Евстафий Казарине, Федоре и Алексее Дерябиных, судимых за уклонение от заводских работ и ношение монашеского раскольнического платья; о монахинях, проживающих без письменного узаконенного вида в Шартанских раскольнических обителях.

Медлительность при рассмотрении дел была, пожалуй, одним из наиболее проблемных вопросов дореформенной судебной системы. Этому способствовали и несоблюдение сроков проведения следственных действий, и отсутствие единообразного порядка рассмотрения дел, и многие другие факторы. Вышестоящие инстанции систематически осуществляли ревизию уездных судов на предмет делопроизводства и соблюдения сроков. Так, по иску мастерового Ивана Галкина на унтер шихтмейстера Задорина «дело слушано и решительная резолюция дана октября 28-го 1797, а приговор подписан апреля 3 дня 1798, что не соответствует постановленному на сие указом 1769 ноября 13 дня». Губернскому прокурору указано: «впредь иметь наблюдение по всем делам, а в достаточном о том сведении может руководствоваться истребуемыми и впредь доставляемыми через секретарей о времени сочинения приговоров уведомлениями» [8. л. 6].

Просуществовали уездные суды до 1874 г., в связи с преобразованием судебной системы по реформе 1864 года их заменили мировые суды.

Для городских жителей низшей судебной инстанцией являлись городовые магистраты. С 1781 г. они состояли в ведении Пермского губернского магистрата, а с 1797 г. — губернского правления. Магистрат создавался в каждом городе. В Пермской губернии магистраты действовали в Екатеринбурге, Камышлове, Красноуфимске, Перми,

Соликамске, Чердыни, Ирбите, Верхотурске. В магистрат входили: 2—4 бургомистра, 2—8 ратманов. Члены магистрата избирались один раз в 3 года купечеством и мещанством и подчинялись губернскому магистрату. Магистраты могли заседать в течение всего года, за исключением «табельных дней». В порядке обжалования решений магистраты подчинялись ведению общих гражданских и уголовных палат [14].

Городовые магистраты представляли собой коллегиальные учреждения, в ведении которых было все управление городом: уголовный и гражданский суды для купцов и мещан, раскладке и сбору государственных податей, отбыванию повинностей, дополняясь культурно-просветительными и строительными задачами (школы, больницы, ратуши и т. д.). Гражданские дела, в которых цена иска была ниже 25 руб., решались магистратом окончательно, перенос дела законом был запрещен. Большинство уголовных дел решались магистратом окончательно, за исключением тех, которые подразумевали наказания в виде смертной казни, лишения чести или торговой казни. Вышестоящие инстанции систематически проверяли деятельность и порядок делопроизводства городских магистратов. Например, из должностной записки «О единообразном производстве дел от сенаторов и кавалеров Ржевского и Левашова» от 17.03.1800 г. можно узнать, что «по городу Ирбиту по городовому магистрату хотя и немного дел, но порядка в производстве не соблюдено, а по тому рекомендуем, чтоб журналы и реестры ведены были сообразно с уездным судом» [8].

Документы, сохранившиеся в архивах, могут дать представление о характере рассматриваемых магистратом дел: об уклонении от рекрутского набора, о самовольном вывозе водки, о нанесении обиды, о пьянстве, о самовольной порубке леса, об укрывательстве разбойников, о скоропостижных умерших, о кражах, о назначении опекунов, об изготовлении фальшивых ассигнаций [9]. Магистрат рассматривал многочисленные коммерческие споры: о взыскании денежных долгов, денег за нарушение контрактов, разделе имущества.

Рассмотрим одну из характерных торговых ситуаций тех лет, связанную с личностью известного пермского предпринимателя, мецената, общественного деятеля Дмитрия Смышляева. Купец 1-й гильдии Д. Смышляев в 1838 году заключил три контракта с соликамским мещанином Федором Стародумовым на поставку говяжьего топленого сала. Однако Стародумов товар привез лишь частично, убедив купца получить обратно деньги с платежами неустойки и процентов. Прошение сначала рассматривалось соликамским Городничим, который означенное дело препроводил на решение в Соликамский городской магистрат.

Нужно отметить, с каким вниманием отнеслись к этому делу в магистрате: были взяты показания с купца Смышляева, произведен точный расчет процентов и неустойки, и в результате обнаружилось, что

поверенный Смышляева Кашин в предъявленном на Стародумова иске на 8063 руб. 95 коп., не принимая во внимание ст. 1735 X тома Свода законов, насчитал больше процентов на 3908 руб., что в расчетах своих впоследствии подтвердил и сам Смышляев. Суд решил наказать «за таковое противозаконное требование» как доверителя, так и поверенного взысканию каждый по равной части всей означенной суммы 3908 руб. 60 коп. в пользу Пермского Приказа общественного призрения. Другой интересный факт, обнаруженный в этом же деле: за понесенные убытки (плохого качества сало) купец Смышляев просил взыскать 1182 руб. 40 коп., но в подкреплении своих слов ни расчета, ни доказательств не предоставил, «и напротив того, Смышляев или поверенный его Кашин после 1-го п. ст. 1619 т. 11 свода законов уставов торговых обязаны были бы своевременно предъявить о том словесному суду, но сего ими неучинено, и потому в сем иске отказать» [10, л. 53—106].

Магистраты были окончательно упразднены на основании указа от 15 апреля 1866 г. «Об упразднении Магистратов и Судебных Ратуш по городам», функции магистратов были разделены между окружным судом и городской думой [17].

Для государственных, дворцовых, экономических крестьян и однодворцев судом первой инстанции являлись нижние расправы. Они были учреждены в 1781 г. и состояли из расправного судьи, назначавшегося губернатором, и восьми заседателей из различных слоев населения: дворян, чиновников, крестьян. Заседатели выбирались «теми селениями, кои составляют подсудное ведомство расправы» [16]. Нижняя расправа имела заседания не менее трех раз в год: первое заседание — от 8 января до страстной недели, второе — после Троицына дня до 27 июня, третье — от 2 октября до 18 декабря, но «в случае нужды или по особому предписанию губернатора заседание могло иметь место и прочие времена года» [18, с. 278]. Нижние расправы состояли в ведении Пермской верхней расправы. Число расправ зависело от количества населения, из расчета один суд на 10—30 тысяч человек. В Пермской губернии нижние расправы были созданы в Чердыни, Красноуфимске, Осе, Екатеринбурге, Алапаевске, Верхотурье.

Жалобы на решения Нижней расправы подавались в Верхнюю расправу, однако обязательным условием было внесение залога в Нижнюю расправу суммой 25 руб. Если цена иска была менее 25 руб., то решение Нижней расправы объявлялось окончательным. Нижние расправы были упразднены Указом Павла Первого 1796 г. «О штатах губерний» [15].

Таким образом, в основу подсудности в Пермской губернии, как и в целом в российской судебной дореформенной системе был положен сословный признак: состав суда и компетенция решаемых дел изменялись в зависимости от принадлежности сторон к определенному сословию.

Юрисдикция всех низовых судебных органов дореформенного периода была смешанная. Следует отметить, что рассмотрение гражданских дел той или иной инстанцией зависело от цены иска.

Дореформенная судебная система в Пермской губернии, восходящая корнями к Учреждению о губерниях 1775 года, не удовлетворяла принципам рационального судоустройства. Главной причиной этого было то, что суды не были выделены в особое ведомство, а входили в состав административных органов, вследствие чего не пользовались ни самостоятельностью, ни несменяемостью.

Список литературы:

1. Гавлин М. Л. Из истории российского предпринимательства: династия Демидовых // История России. Серия аналитических обзоров и сборников, 1998. С. 1—110
2. Государственный архив Пермского края. Ф. 5. Оп. 1. Д. 11.
3. ГАПК. Ф. 5. Оп. 1. Д. 12.
4. ГАПК. Ф. 5. Оп. 1. Д. 13.
5. ГАПК. Ф. 5. Оп. 1. Д. 17.
6. ГАПК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 119.
7. ГАПК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 11, 12, 13, 14.
8. ГАПК. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3.
9. ГАПК. Ф. 20. Оп. 1.
10. ГАПК. Ф. 21. Оп. 1. Д. 267.
11. ГАПК. Ф. 176. Оп. 1. Д. 69.
12. Гессен И. В. Судебная реформа. — СПб.: Типо-литография Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1905.
13. Пихоя Р. Г. Царь и народ царская власть в общественно-политических представлениях горнозаводского населения Урала XVIII в. // Социология власти, 2005. № 4. С. 96—113.
14. ПСЗ-I. Т. XX. № 14392.
15. ПСЗ-I. Т. XXIV. № 17702.
16. ПСЗ-I. Т. XXV. № 18667.
17. ПСЗ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. 16. Ст. 43185.
18. Троцин К. История судебных учреждений в России. С.-Петербург. Типография Э. Веймара, 1851.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРЕВА ДВОРА В XV ВЕКЕ

Савинова Екатерина Анатольевна

*аспирантка Чебоксарского кооперативного института (филиала)
Российского университета кооперации, г. Чебоксары
E-mail: kathrine21@mail.ru*

В XV в. Государев двор в Русском государстве начинает выступать в качестве особой силы, как привилегированная военно-политическая корпорация, унаследовавшая свой особый статус от прежнего двора московских князей. Доказавший свою высокую боеспособность и безусловную преданность великокняжеской власти в перипетиях Феодалной войны, Государев двор неоднократно использовался в наиболее значимых походах второй половины XV в. (новгородский 1456 г. поход, казанская кампания 1467—1469 гг.; поход 1473 г. на ливонских немцев; «Новгородское взятие» 1477—1478 гг.; в 1480 г. — в войне с Ливонским Орденом, в 1491 г. — в походе на Ахматовых детей, в 1496 г. — в осаде Казани, в 1501, 1508 и 1514 гг. в походах на Великое княжество Литовское) [4, с. 21, с. 195].

Нередко в таких походах Государев двор выступал во главе с отдельными воеводами. В частности, в 1468 г. «князь велики Иван послал на Черемису князя Семена Романовича, а с ним многих детей боярских, двор свои». Аналогичная ситуация повторилась в 1469 г., когда с Государевым двором к Устюгу был отправлен князь Д. В. Ярославский. Кроме того, в новгородских походах Государев двор выступал как личный охранный полк, своеобразная гвардия, самого великого князя [7, с. 153, с. 92, с. 155, с. 77, с. 55].

Преданность Государева двора использовалась и для выполнения поручений, носивших весьма деликатный характер и имевших особый смысл для великокняжеской власти. В 1491 г. целый отряд из 300 детей боярских двора великого князя был отправлен «изымать» сыновей незадолго до того схваченного князя Андрея Углицкого [6, с. 156]. Доверенные дети боярские из двора великого князя привлекались и для ведения провокационной пограничной войны [6, с. 167, с. 170, с. 185].

Всеобщее распространение обязательной службы всех категорий светских землевладельцев оказало серьезное влияние на формирование системы взаимоотношения между великокняжеской властью и широкими слоями вотчинников различных уездов. Начавшиеся с конца 80-х гг. поместные раздачи показательны в плане произошедшей переориентации великокняжеской власти. Эти раздачи объективно проводились в интересах служилых людей, получавших возможность увеличить общее

количество находящихся в их распоряжении земель. Приобретение поместий позволяло им избежать деградации и постепенной потери своего положения.

С конца XV в., московское правительство стало осуществлять действия, направленные на поддержание служебной годности самих детей боярских. Малолетние сироты служилых людей, после смерти своих отцов, остававшиеся без родительского присмотра, поступали под опеку великокняжеских наместников и по мере взросления получали поместья для несения «государевой службы». Вдовы служилых людей сохраняли за собой «прожиточные» поместья.

Принимались также и специальные законодательные акты для удержания детей боярских на государевой службе. Судебник 1550 г., в частности, утвердил запрет похолопления детей боярских: «А детей боярских служилых, и детей которые не служивали, в холопы не приимати никому, опричь тех, которых государь от службы оставит» [5, с. 256].

Другой стороной достигнутого союза между великокняжеской властью и территориальными корпорациями служилых людей стало проведение политики включения наиболее выдающихся по своему происхождению и родственным связям местных бояр и детей боярских в состав Государева двора, и наделение их соответствующими привилегиями. Этот процесс, начавшись в первой половине XV в. к концу века достиг своего расцвета. Государев двор превратился в своеобразную «корпорацию корпораций», объединявшую в своем составе представителей основных служилых корпораций Русского государства.

Неоднородность Государева двора конца XV в. была замечена псковским летописцем, описывавшим поход 1473 г. на ливонских немцев. В помощь псковичам были посланы «воеводы и князи, дети боярские великого князя двора или из городов бояре. Бе бо множество их видети... из городов: из Ростова, из Дмитрова, из Юрьева, из Муромы, из Костромы, с Коломны, ис Переяслава и из иных городов» [8, с. 195].

Бояре и дети боярские из отдельных уездов Русского государства, взятые в состав Государева двора, должны были обеспечивать связь между московским правительством и территориальными корпорациями служилых людей. Они были наместниками и волостелями, проводили земельные описания, сажали новые слободы и вели судебные разбирательства в уездах, расположенных поблизости от их вотчин, что значительно снижало для великокняжеской власти расходы на их содержание. Во время походов они нередко вели за собой местные ополчения.

Привлечение лучших бояр и детей боярских из распущенных дворов удельных князей, некоторые из которых находились в откровенной

конфронтации с великокняжеской властью, было достаточно распространенным явлением, начиная со второй половины XV в. Во время правления Ивана III исчезли удельные княжества его братьев и его дяди. Вероятно, многие бояре и дети боярские, занимавшие видное положение на удельной службе, впоследствии нашли себе место при дворе Ивана III.

Безусловно, далеко не все служилые люди удельных князей сумели сохранить свое положение при переходе на великокняжескую службу [1, с. 149].

Наиболее видные по своему происхождению и служебным качествам бояре и дети боярские удельных князей, тем не менее, достаточно легко находили себе место в составе Государева двора.

Привлечение наиболее видных представителей местной знати в состав Государева двора способствовало преодолению обособленности каждой из отдельных территориальных корпораций служилых людей. Одновременно, этот процесс отражался на внутренней структуре самого Государева двора, приобретавшего несвойственные ему прежде черты.

Эволюция территориальной структуры Государева двора, таким образом, отражала процесс централизации Русского государства и развивалась по мере присоединения новых княжеств и земель к территории собственно Московского княжества. Эта структура Государева двора разрасталась также за счет создания новых поместных корпораций, в состав которых входили переселяемые из других уездов служилые люди.

Территориальный принцип организации службы, таким образом, стал одной из отличительных черт Государева двора в конце XV в., что не могло не отразиться на дальнейшем развитии этой привилегированной корпорации.

Действительно, постоянное расширение Государева двора за счет представителей местной знати вызывало увеличение его численности. Уже в конце XV в. численность Государева двора достигала внушительных размеров и во много раз превышала численность двора любого из удельных князей.

Одновременно с распространением громоздкой территориальной структуры и увеличением общей численности Государева двора внутри этой корпорации в конце XV в. была сформирована чиновно-иерархическая структура, наполнившая новым содержанием традиционное тройственное (бояре, князья и дети боярские), деление.

Формирование чиновно-иерархической структуры Государева двора было обусловлено его новыми функциями. Одной из задач великокняжеской власти после победы в Феодалной войне стало создание единого общерусского аппарата власти. Господство традиционных форм управления и общая неразвитость

делопроизводства привели к увеличению значения Государева двора, преданность которого не вызывала никаких сомнений, как особой чиновно-административной корпорации. С конца XV в. Государев двор принимал самое деятельное участие во всех сколько-нибудь значимых мероприятиях московского правительства. Все наместники, волостели, послы и военачальники разного уровня назначались на свои должности исключительно из числа лиц, входивших в состав Государева двора. Чаще всего они же производили земельные описания отдельных уездов и вели судебные разбирательства.

Разряд новгородского похода «миром» 1495 г. выделял в составе Государева двора следующие категории: бояр, окольных, дворецкого, ясельничих, постельничих, дьяков, князей и детей боярских [9, с. 24—25].

Учитывая определенную неполноту этого разряда, как источника по структуре Государева двора, следует предположить, что уже в конце XV в. характер особых придворных должностей приобрели также конюшие, казначеи, печатники, сокольничие и ловчие. Должность конюшого впервые встречалась в разряде новгородского поезда Василия III 1510 г. Однако, вполне вероятно, что эта должность существовала в Русском государстве уже во время правления Ивана II. А. А. Зимин предположил, что эта появляется уже в 60-е гг. XV в. [2, с. 195, с. 180].

Конюшие упоминались также и в других источниках конца XV в. В частности, в 1494 г. в свите великой княжны Елены [10, с. 163, с. 19, с. 288].

По наблюдениям А. А. Зимина, развитие великокняжеской канцелярии привело к выделению во второй половине XV в. должностей казначея и печатника. В действительности, казначеи и печатники эпизодически упоминались в источниках более раннего времени, однако, с конца XV в. эти должности приобрели постоянный характер [3, с. 271—274].

Сокольничие и ловчие имели достаточно близкие функции и, вероятнее всего, их обязанности выполнялись одними и теми же лицами.

Все эти должности были представлены в разрядах поездов великого князя 1510, 1513 и 1522 гг., что свидетельствует в пользу обоснованности сделанных предположений о структуре Государева двора конца XV в. [9, с. 44, с. 48—49, с. 69].

Основные элементы структуры Государева двора, таким образом, были заложены уже в конце XV в. и в дальнейшем развивались исходя из конкретных потребностей государственного управления. Развитие этой структуры происходило за счет выделения новых придворных должностей, связанных по роду своей деятельности с Боярской Думой, Дворцом и дьяческой средой.

Список литературы:

1. Антонов А. В. Из истории великокняжеской канцелярии: кормленные грамоты XV — середины XVI века // Русские достопамятности. — М., 1998. — Вып. 3. — 149 с.
2. Зимин А. А. Княжеская знать и формирование состава Боярской Думы во второй половине XV — первой трети XVI в. // Исторические записки. — 1979. — Т. 103. — 195 с.; Зимин А. А. О составе дворцовых учреждений русского государства XV и XVI вв. // Исторические записки. — 1958. — Т. 63. — 180 с.
3. Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988. — 271—274 с.
4. Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988. — 21 с.; Псковские летописи. — М., 1955. — Вып. 2. — 195 с.
5. Памятник русского права. — М., 1956. — Вып. 4. — 256 с.
6. Полное собрание русских летописей — Т. 28. — 156, 167, 170, 185 с.
7. Полное собрание русских летописей. — СПб., 1859. — Т. 8. — 153 с.; М., 1994. — Т. 37. — 92 с.; Т. 28. — 155 с.; Псковские летописи. — М., 1941. — Вып. 1. — 77 с; Разрядная книга 1475—1605 гг. — М., 1977—1978. — Т. 1. — Ч. 1. — 55 с.
8. Псковские летописи. — Вып. 2. — 195 с.
9. Разрядная книга 1475—1605 гг. — 24—25, 44, 48—49, 69 с.
10. Сборник Русского исторического общества. — СПб., 1881. — Т. 35. — 163 с.; Новгородские писцовые книги, изданные Археографическою комиссией. — СПб., 1859—1910. — Т. 1—6. — Т. 3. — 19 с.; Алексеев Ю. Г. У кормила Российского государства. СПб., 1998. — 288 с.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РЕЖИМА СОДЕРЖАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Якушина Евгения Сергеевна

*преподаватель кафедры уголовного права и криминологии
Московского областного филиала МосУ МВД России г. Руза
E-mail: evgeniya.rybina@mail.ru*

С началом Великой Отечественной войны возникла проблема, связанная с эвакуацией заключенных из лагерей, колоний, тюрем ГУЛАГа, оказавшихся в прифронтовой полосе — около 60 тыс. заключенных передвигались пешком из Украины и Западной Белоруссии. Среди них имелось большое число осужденных по Указам Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 года «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» [1, № 20 (83)] и от 10 августа 1940 года «Об уголовной ответственности за мелкие кражи на производстве и за хулиганство» [2, № 28 (91)], в том числе несовершеннолетних преступников. Это обстоятельство побудило заместителя наркома внутренних дел СССР В. В. Чернышева и начальника ГУЛАГа В. Г. Наседкина поставить вопрос перед наркомом внутренних дел СССР Л. П. Берией о разгрузке лагерей и колоний от контингента, не представляющего угрозы для государственной безопасности и по мере необходимости освобождать от дальнейшего отбывания наказания:

- всех осужденных по Указам Верховного Совета СССР от 26 июня и 10 августа 1940 г. (кроме злостных хулиганов и рецидивистов);
- всех осужденных за маловажные бытовые преступления, имеющих остаток срока меньше года.

Предлагаемые меры были целесообразны, так как положение дел с размещением заключенных, в том числе несовершеннолетних правонарушителей, было достаточно сложным. По состоянию на март 1941 года в системе УИТК ГУЛУГа имелось 40 колоний для несовершеннолетних заключенных, общей емкостью 21400 мест. По данным главного тюремного управления НКВД СССР на 10 марта 1941 года в тюрьмах содержалось срочно осужденных несовершеннолетних заключенных 7000 человек, из которых не могли быть вывезены 4000 несовершеннолетних. Начальник ГУЛАГа ходатайствовал перед заместителем наркома внутренних дел СССР С. Н. Кругловым об увеличении емкости колоний для несовершеннолетних за счет устройства в 13 колониях двухъярусных нар вагонного типа взамен кроватей, что

позволяло увеличить емкость колоний на 2500—3000 человек [5, Л. 4—5]. Однако и эта мера полностью проблемы не решила, так как в тюрьмах еще продолжали содержать порядка 4000 несовершеннолетних.

В условиях войны возникла необходимость в пересмотре правовой базы исполнения наказаний в отношении несовершеннолетних правонарушителей применительно к сложившейся обстановке. В связи с этим, приказом НКВД СССР № 001394 от 1 июля 1942 года было объявлено «Положение о трудовых колониях для несовершеннолетних преступников» [3, Л. 14—15]. В нем детально регламентировался режим содержания несовершеннолетних и их правовое положение.

Как свидетельствуют архивные документы, в отдельных трудовых колониях в основном решалась только задача изоляции несовершеннолетних правонарушителей в условиях, не соответствующих требованию законодательных и ведомственных нормативных актов. Об этом свидетельствует события, имевшее место в 1942 году в Марыйской трудовой колонии НКВД Туркменской ССР [7, Л. 156—157].

При ликвидации массовых беспорядков среди несовершеннолетних заключенных было применено оружие и ранено 4 человека. Поводом для беспорядков послужили неумелые действия оперуполномоченного при расследовании подкопов в трудовой колонии. Однако, причина заключалась в условиях содержания несовершеннолетних. Они были размещены в 2-х тесных необорудованных комнатах без дверей и входили в помещение через окно. Вследствие тесноты и отсутствия постельных принадлежностей несовершеннолетние спали на голых нарах, под нарами и в проходах на полу. Питание готовилось недоброкачественное и низкое по калорийности. Санитарное обслуживание не было организовано. В колонии отсутствовала баня. Несовершеннолетние были грязны и оборваны. Их отдых не был организован. При наличии 207 подростков, трудом охвачено только 67. В то же время в колонии содержались 148 взрослых заключенных. Несовершеннолетние от взрослых не были отделены. Должности воспитателей не были укомплектованы. Фактически несовершеннолетние только содержались в колонии и никакой работы с ними не проводилось. Поэтому и неудивительно, что сами условия содержания подростков послужили причиной возникновения массовых беспорядков [7, Л. 156—157].

Следует отметить, что трудности военного времени, в сочетании с безответственным отношением руководителей разного уровня к условиям исполнения наказания в виде лишения свободы, в отдельных случаях приводили к чрезвычайным происшествиям. В частности, 6 декабря 1943 года в Саровской трудовой колонии для несовершеннолетних Мордовской АССР произошли массовые беспорядки, в результате которых

воспитанниками в корпусах были разбиты окна, двери, повреждена отопительная система и выведена из строя канализация [8, 3—3а].

В 1942 и первой половине 1943 года, вследствие заниженных норм питания и неудовлетворительного медицинского обеспечения, в лагерях и колониях отмечалась высокая смертность. Требовалось принимать меры для восстановления общего физического состояния контингента (в том числе несовершеннолетних осужденных), по профилактике заболеваний и усилению эффективности лечения детей, содержащихся в колониях и детских приемниках НКВД.

В ноябре 1943 года циркуляром НКВД ССР было утверждено «Положение об оздоровительных группах в трудовых воспитательных и трудовых колониях для несовершеннолетних и детских приемниках» [10, с. 100—103]. В соответствии с Положением оздоровительные группы выступали в качестве лечебно-профилактических учреждений полустационарного типа. Перед ними ставилась задача восстановления общего физического состояния, повышения общего иммунитета ослабленных и истощенных детей, предупреждения развития алиментарной дистрофии и авитаминоза.

Как об этом свидетельствуют архивные документы, тяжелые жилищно-бытовые условия, плохое питание, недостаточное снабжение вещевым довольствием, необеспеченность общежитий жестким и мягким инвентарем, низкая температура в общежитиях в сочетании с неполным охватом воспитанников школьным и производственным обучением, неудовлетворительная постановка культурно-воспитательной работы, порождали высокую побеговую активность. В частности, только за январь 1944 года из 47 колоний бежало 445 человек. Наиболее массовый характер это явление имело в Кировской, Молотовской, Новосибирской, Омской, Саратовской областях и Грузинской ССР [4, 2].

В целях предотвращения побеговой активности в весенне-летний период НКВД СССР издало в марте 1944 года специальную директиву за № 100 «О предотвращении побегов воспитанников» [11, 2]. Она потребовала от руководителей принять меры по дооборудованию и благоустройству колоний, улучшению качества питания, усилению воспитательной работы, вовлечению всех в школьное и производственное обучение.

В январе 1944 года заместитель народного комиссара внутренних дел Круглов направил в адрес начальника ГУЛАГа НКВД СССР, народным комиссарам внутренних дел союзных и автономных республик, начальникам УНКВД краев и областей, начальникам УИТЛК и ОИТК специальный циркуляр [12, 56—56 об], в котором предлагалось за счет фондов ГУЛАГа НКВД СССР и фондов отдела НКВД СССР по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью, до 15 февраля 1944 года

полностью обеспечить обувь, бельем, верхней одеждой и постельными принадлежностями весь личный состав воспитанников трудовых воспитательных колоний и к 1 марта обеспечить все колонии для несовершеннолетних обувь, бельем, верхней одеждой и постельными принадлежностями на их полную лимитную емкость

Даже в тяжелейшее для страны время — в годы Великой Отечественной войны, государство принимало меры, направленные на улучшение качества питания и снабжения продовольствием и вещевым довольствием, усиление воспитательной работы, вовлечению всех в школьное и производственное обучение.

Список литературы:

1. Ведомости Верховного Совета СССР. № 20 (83), 05.07.1940 г. // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / ЗАО «Консультант Плюс».
2. Ведомости Верховного Совета СССР. № 28 (91), 22.08.1940 г. // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / ЗАО «Консультант Плюс».
3. ГАРФ.Ф.Р-9401.Оп. 1а.Д. 113.Л. 114-117 об.
4. ГАРФ.Ф.9401.Оп. 12. Д. 210. Л. 2.
5. ГАРФ.Ф.Р-9414.Оп. 1. Д. 42. Л. 4-5.
6. ГАРФ.Ф.Р-9414.Оп. 1.Д. 432. Л. 49
7. ГАРФ.Ф.Р-9414.Оп. 1.Д. 50. Л. 156-157.
8. Приказ НКВД СССР № 016 «О беспорядках в Саровской трудовой колонии несовершеннолетних Мордовской АССР» // ГАРФ. Ф. 9401.Оп.12.Д.210.Л.3—3а.
9. Приказ МВД СССР № 0349 от 17 октября 1944 г. «Об изменении норм продовольственного снабжения воспитанников трудовых и трудовых воспитательных колоний МВД СССР» // ГАРФ.Ф.Р-9401. Оп. 1а. Д. 208. Л. 53—54.
10. Циркуляр НКВД СССР № 561 от 30 ноября 1943 г. «Об оздоровительных группах в трудовых воспитательных и трудовых колониях для несовершеннолетних и детских приемниках» // ГАРФ. Ф.Р-9401.Оп.1а. Д. 155.Лл. 100—103.
11. Циркуляр НКВД СССР № 100 от 13 марта 1944 г. «О предотвращении побегов воспитанников» // ГАРФ.Ф.9401.Оп. 12. Д. 210.Л. 2.
12. Циркуляр НКВД СССР № 34 от 27 января 1944 г. «Об обеспечении обувь, бельем, верхней одеждой и постельными принадлежностями воспитанников колоний для несовершеннолетних» // ГАРФ.Ф.Р-9401.Оп. 1.а. Д. 171.Л. 56—56 об.

СЕКЦИЯ 6.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

НАЦИОНАЛЬНОЕ ДОСТОЯНИЕ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ ФОРМА ПУБЛИЧНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Захаров Александр Вячеславович

*канд. юрид. наук, доцент ТГУ им. Г. Р. Державина, г. Тамбов
E-mail: zawtmb@yandex.ru*

Бибаров-Государев Антон Петрович

*студент 5 курса ТГУ им. Г. Р. Державина, г. Тамбов
E-mail: gravbibarov@pisem.net*

Важнейшей функцией государства является обеспечение удовлетворения общественных потребностей. Данное обстоятельство осознавалось уже в самых первых государственных образованиях. Так, древнегреческий философ Сократ считал побудительной причиной создания государства именно многообразие материальных нужд человека и невозможность удовлетворять их в одиночку [1]. Однако удовлетворение общественных потребностей требует обобществления части национального богатства, в связи с чем публичная собственность является объективно необходимым элементом структуры любого общества.

В тоже время существует множество подходов к пониманию национального богатства, среди которых имеют место и категории с включением в его содержание помимо материальных благ, также и духовных ценностей. Причем критерии такого рода разделения были выработаны еще в период формирования ранних государств, в том числе и в античный период. Так еще римские юристы, разрабатывая теорию «общих для всех вещей», включали в нее воздух, Солнце, проточную воду, море. Изначально они не могли находиться в чьей-либо собственности, считались общественным достоянием [5, с. 100]. Однако следует признать, что при этом довольно сильное влияние оказывала религиозная составляющая, в рамках которой такие «общие для всех вещи», безусловно, имели божественные начала.

Как отмечал в своих исследованиях В. Д. Андрианов в мировой практике под национальным богатством обычно понимается совокупность ресурсов страны, составляющих необходимое условие производства товаров, оказания услуг и обеспечения жизни людей. Главные составные части и движущие силы национального богатства — природные ресурсы, трудовой потенциал, аккумулированный капитал и накопленное имущество, интеллектуальное могущество нации, искусство управления (человеческий капитал) и др. [2, с. 128] Включаются в эту совокупность также уникальные объекты природной среды в т. ч. особо охраняемые природные территории и интеллектуальные, художественные и духовные блага, представляющие наибольшую ценность, которые и образуют наивысшую ценность национального богатства — национальное достояние. Формируя новое понятие, наиболее приемлемым является восприятие национального достояния России как принадлежащей народу универсальной совокупности определенных неотчуждаемых материальных, духовных и интеллектуальных ресурсов и ценностей, имеющих общенациональное значение, признанных обществом уникальными.

Из этого можно сделать вывод, что национальное достояние России являясь, прежде всего, собственностью народа все же входит в понятие публичная собственность, хотя и с некоторыми исключениями. Так в исследованиях С. М. Скрыль в субъектном составе данных отношений выделяется в первоочередном порядке именно народ. Право народа на публичную собственность должно быть обеспечено в рамках конституционных категорий. Содержание этого права может выражаться, прежде всего: в обеспечении воли собственника по формированию и распоряжению публичной собственностью; формировании основных целей и задач управления публичной собственностью; установлении пределов распоряжения публичной собственностью; контроле над использованием публичной собственности (например, парламентский контроль) [6, с. 75].

Следует признать, что публичная собственность — это база формирования государственных доходов, без которых невозможно осуществление публично-правовыми образованиями их публичных функций [1]. Национальное достояние если и формирует какие-либо государственные доходы, но не в ущерб своему материальному и духовному содержанию. Эта позиция основана на представлении достояния как объектов неотчуждаемых, но влияющих на благосостояние его собственника.

Исследуя национальное достояние сквозь призму публичной собственности, можно выделить определенную взаимосвязь понятий публичной собственности и суверенитета, самостоятельности власти. При этом отметим, что суверенитет и самостоятельность являются качественными характеристиками власти. Следует признать, что влияние объектов культуры или природы оказывают на этот фактор наименьшее влияние, однако степень такого влияния начинает возрастать с повышением культуры и экономическим благополучием населения государства.

Любопытна практика прямого конституционного закрепления некоторых объектов окружающего мира в категорию публичная собственность. В зарубежных конституциях более определенно закрепляется особое положение объектов публичной собственности. Так, в пункте 2 статьи 132 Конституции Испании закрепляется, что государственной собственностью является имущество, определенное законом, и в любом случае — прибрежная зона, пляжи, территориальное море, природные ресурсы экономической зоны, и континентальный шельф. Кроме того, в пункте 2 статьи 128 Конституции Испании определяются конституционные критерии отнесения объектов имущества к государственному сектору: «Закон может резервировать за государственным сектором важнейшие ресурсы или услуги, когда этого требуют общие интересы» [4]. В параграфе 10 Конституции Венгерской Республики закрепляется положение о том, что национальные богатства являются собственностью венгерского государства, и перечень объектов государственной собственности, а также видов хозяйственной деятельности, осуществляемых исключительно государством, устанавливается законом [4]. Примечательно, что в Российской Конституции нет ясной позиции по вопросу определенных объектов собственности. В соответствии со статьей 72 Конституции РФ [3] предусмотрено разграничение государственной собственности по уровням государственной власти и порядок разграничения должен быть в соответствии со статьей 214 Гражданского кодекса Российской Федерации установлен законом, чего до сих пор не сделано.

Из этого обстоятельства возникает необходимость дополнительной правовой регламентации этих отношений. К объектам, публичной собственности федерального значения должны быть отнесены объекты, составляющие основу национального богатства страны; объекты, необходимые для обеспечения функционирования федеральных органов государственной власти; объекты оборонного комплекса и пр. Должны быть установлены

критерии разграничения объектов собственности по разным уровням публичной власти. В свою очередь порядок разграничения объектов собственности относится к предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов (статья 72 Конституции РФ) и он должен быть установлен федеральным законом [3]. Кроме того, очень важно определить основные критерии отнесения тех или иных объектов собственности к федеральной, региональной и муниципальной в соответствии с идеей обеспечения субъектов публичной власти необходимой имущественной базой. В этом процессе должен присутствовать механизм совместного принятия решений Федерацией, ее субъектами и муниципалитетами иначе субъекты публичной власти не смогут обеспечивать свои социально-экономические обязательства перед населением.

Национальное достояние с ее универсальным составляющим должно войти только в систему федеральной публичной собственности. Обеспечение его сохранности в условиях Федерации может быть возложено только на центральные органы при возможной поддержке органов власти в субъектах или муниципалитетах. Естественно передача объектов национального достояния из федеральной собственности в собственность субъектов, ведет к изменению статуса достояния. Это косвенно указывает на то обстоятельство, что национальное достояние представляет собой самостоятельную форму публичной собственности. Формирование достояния как публичной собственности возможно только после его должного законодательного закрепления, при этом такая собственность в силу своей специфики должна иметь особый правовой режим использования, предусматривающий его сохранение.

Список литературы:

1. Абрамова Е. Н., Аверченко Н. Н., Байгушева Ю. В. Гражданское право: учебник: в 3-х томах Том 1, часть 2, 2010. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://all-books.biz/pravo-grajdansкое/obschie-polojeniya-publichnoy.html>
2. Андрианов В. Д. Национальное богатство, природные и трудовые ресурсы России /В. Д. Андрианов// Общество и экономика. 2003. — № 4—5. — С. 127—196
3. Конституция Российской Федерации// Российская газета. — 1993. — 25 декабря. — № 237
4. Мазаев В. Д. Публичная собственность как экономическая основа национальной власти / В. Д. Мазаев // Национальные интересы. 2002. — № 4 [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.ni-journal.ru/archive/dc347408/47943eaf/eb7c69de/fe91d907/>

5. Новицкий И. Б., проф. Римское право /Отв. ред. Е. А. Суханов; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. Центр общественных наук. — 7-е изд., стереотип. — М.: Ассоциация «Гуманитарное знание»; Теис, 2000. — 245 с.
6. Скрыль С. М. Конституционно-правовой механизм ограничения права собственности в системе согласования публичных и частных интересов / С. М. Скрыль // Вестник Челябинского государственного университета. — 2008. — № 31. — С. 74—78

ГОРИЗОНТЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ В КОНТЕКСТЕ АКСИОЛОГИЧЕСКОГО СТАТУСА ПРАВА НА БЛАГОПРИЯТНУЮ ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ

Пермиловский Михаил Сергеевич

*аспирант кафедры «конституционного и муниципального права»
Северного (Арктического) федерального университета
имени М. В. Ломоносова, г. Архангельск
E-mail: permilovsky@mail.ru*

Один из важнейших факторов развития современной экономики заключается в использовании передовых достижений науки и техники для повышения эффективности и качества производственных процессов и в конечном итоге лучшего удовлетворения потребности человека. Научно-технический прогресс предстает сегодня в качестве главного вектора экономического развития и все чаще внедрение научных достижений в экономику называют инновациями.

Под инновациями понимается нововведения в области техники, технологии, организации труда и управления, основанные на использовании достижений науки и передового опыта, а также использование этих новшеств в самых разных областях и сферах деятельности [10]. Легальное свое воплощение термин «инновация» получил в «Концепции инновационной политики Российской Федерации на 1998—2000 годы», утвержденной постановлением Правительства РФ от 24 июля 1998 г. № 832 [9]. Согласно данной Концепции инновация — это конечный результат инновационной деятельности, получивший реализацию в виде нового или усовершенствованного продукта, реализуемого на рынке, нового или усовершенствованного технологического процесса, используемого в практической деятельности. В свою очередь инновационная

деятельность в понимании Концепции представляет собой процесс, направленный на реализацию результатов законченных научных исследований и разработок либо иных научно-технических достижений в новый или усовершенствованный продукт, реализуемый на рынке, в новый или усовершенствованный технологический процесс, используемый в практической деятельности, а также связанные с этим дополнительные научные исследования и разработки. Примечательно, что термин инновация отождествляется здесь с понятием нововведение.

В «Основах политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 года и дальнейшую перспективу» [7] поставлена задача перехода страны на инновационный путь развития. Согласно пункту 18 указанных Основ формирование национальной инновационной системы является важнейшей задачей, неотъемлемой частью экономической политики государства. Национальная инновационная система должна обеспечить объединение усилий государственных органов управления всех уровней, организаций научно-технической сферы и предпринимательского сектора экономики в интересах ускоренного использования достижений науки и технологий в целях реализации стратегических национальных приоритетов страны.

Кроме того, обо всей серьезности намерений встать на инновационный путь развития свидетельствует принятие Федерального закона от 28.09.2010 № 244-ФЗ «Об инновационном центре «Сколково» [15]. В статье 2 ФЗ «Об инновационном центре «Сколково» указано, что реализация проекта создания и обеспечения функционирования инновационного центра «Сколково» осуществляется в целях развития исследований, разработок и коммерциализации их результатов. Тем самым закон устанавливает, что исследовательская деятельность там подчинена целям извлечения прибыли. Однако представляется, что научно-исследовательская деятельность не может и не должна ставиться «на конвейер», имея основную цель при этом извлечения прибыли. Тем не менее, как показывает исторический опыт финансирование государством науки приносит значительные результаты. Так, высокие достижения советской науки заставляли в 60-нач. 70-х гг. видных государственных деятелей Запада говорить о том, что рывок и результаты, достигнутые в СССР в образовательной и научных сферах, ставят капиталистическую цивилизацию под угрозу существования, и что необходимо изучение советского опыта, проведение глубоких реформ в системе образования и науки. В результате ведущие западные страны

и в первую очередь США резко увеличили капиталовложения в науку и в образование в 60—80-е гг. [2, с. 100] Это привело к высоким не только научно-техническим, но и экономическим результатам.

Стоит еще раз упомянуть, что инновации подразумевают приведение в единство передовых научных разработок и идей с экономикой. Интересны в этой связи данные американского специалиста в области инноваций Б. Твисса, который отмечает, что коммерческий успех от инноваций достигается лишь в 10 % начатых проектов, следовательно, уровень неудачи можно оценить в 90 % [14]. Кроме того, развивая инновационную политику, что является безусловным плюсом, Правительство Российской Федерации принимает распоряжение от 13.11.2009 № 1715-р «Об Энергетической стратегии России на период до 2030 года» [11], где сказано, что целью энергетической политики России является максимально эффективное использование природных энергетических ресурсов и потенциала энергетического сектора для устойчивого роста экономики, повышения качества жизни населения страны и содействия укреплению ее внешнеэкономических позиций. Представляется, что с одной стороны подобные цели оправданы, поскольку разработка научных технологий всегда сопряжена с риском, к тому же их освоение и внедрение также потребует определенных временных затрат, тем самым использование природных ресурсов с экономической точки необходимо к тому же речь идет об максимально эффективном их использовании. Однако с другой стороны надо учитывать, что использование природных ресурсов может повлечь их истощение, загрязнение окружающей среды производственными отходами и т. д. Освоение новых пространств с ресурсоемкими источниками также скрывает угрозу разрушения хрупких экосистем.

Северные территории играют ключевую роль в национальной экономике, в обеспечении безопасности и геополитических интересов России. Здесь сосредоточены основные запасы углеводородного, фосфорного и алюминий содержащего сырья, алмазов, редких, цветных и благородных металлов, добывается 93 % природного газа, 75% нефти, включая газовый конденсат, 100 % алмазов, кобальта, платиноидов, апатитового концентрата, 90 % меди, никеля, 2/3 золота, производится половина лесной и рыбной продукции [8]. По оценкам западных экспертов, общая стоимость всех полезных ископаемых России составляет более 28 трлн. долл., причем на ее Северный регион приходится 80 % этой суммы (стоимость полезных ископаемых США — 8 трлн. долл.) [12, с 172]. Большая часть из данных полезных ископаемых расположено в Арктической зоне. Между тем, Арктика

оказывает существенное влияние на формирование климата и погоды Северного полушария. Конечно, Арктические пространства скрывают крупные месторождения нефти и газа [12, с. 172]. Однако как отмечают специалисты нефтедобывающая, нефтеперерабатывающая и газовая промышленность выступают крупными загрязнителями окружающей среды и оказывают негативное химическое и физическое воздействие на все природные компоненты: земли, недра, леса, атмосферный воздух, водные объекты, животный мир, ландшафты и экологические системы в целом [4]. В. С. Комисаренко в этой связи указывает, что в тех субъектах Российской Федерации, где сосредоточены предприятия отрасли, экологическая обстановка характеризуется как неблагоприятная, а уровень загрязнения окружающей среды оценивается как высокий [4]. Нефтегазодобывающее производство связано с образованием большого количества отходов и в отрасли применяются три основных способа их размещения: хранение в специальных земляных сооружениях шламовых амбарах, захоронение путем закачки в подземные горизонты, вывоз на специальные полигоны за пределы отведенных участков [4]. Кроме того, считается, что большинство аварий при освоении углеводородного сырья происходит при его транспортировке, но это не так, и пример тому насколько опасна сама добыча нефти и газа в водной среде показала недавно произошедшая авария в Мексиканском заливе, где сотни километров океана сегодня превращены в «мертвую зону» [18, с. 6].

Таким образом, освоение природных ресурсов требует уважения, прежде всего, к самой природе, а также соблюдения и обеспечения реализации экологических прав человека.

Конституция РФ закрепляет за каждым право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением (статья 42) [5]. Права и свободы человека и гражданина являются центральным институтом конституционного права, который содержит нормы, определяющие взаимоотношения государства и личности, ее правовой статус. Соблюдение и уважение прав и свобод человека и гражданина остается лишь целью, которая направлена на естественное развитие общества, основанное на гармонии экологических, экономических, социальных и духовных интересов.

Существуют различные подходы к рассмотрению тех или иных прав человека как с точки зрения определения их места в системе конституционных прав, так и с точки зрения генерационного

основания. Однако наличие проблемных аспектов, как в теоретическом, так и в практическом отношении диктует необходимость поиска новых подходов к изучению прав и свобод человека. По мнению автора настоящей статьи, одним из них является аксиологический подход в праве.

Аксиология представляет собой философское направление, изучающее ценности. Исследователи полагают, что «истина» и «ценность» это фундаментальные, дополняющие друг друга понятия теории познания [1, с. 4, 3, с. 4]. «Ценность, как и истина, — подчеркивает В. П. Барышков, — не свойство, а отношение между мыслью и действительностью» [1, с. 4]. С последним утверждением можно согласиться лишь отчасти, поскольку категория «ценность» неразрывно связана с субъективными оценками онтологических предметов. Такие понятия как добро, зло, красота, прекрасное, безобразное нашли свое обоснование и подкрепление в ходе исторического развития морали и традиций, а также правовом регулировании. Однако не стоит исключать возможности переоценки того или иного явления как под влиянием внешних, так и внутренних причин. Это касается как отдельно взятую личность, так и общества в целом и государств. Тем самым однозначно нельзя утверждать о том, что ценность не является свойством объекта, т.к. именно посредством наделения его аксиологическим значением — свойством возможно переоценка ценностей и построение соответствующих приоритетов. По мнению Н. Неновски, ценность — это не явление, взятое само по себе, безотносительно к человеку; ценности — это вещи, обращенные к человеку, предметы, взятые с точки зрения их значимости для человека; ценности служат выражением заинтересованного отношения людей к окружающему миру [5, с. 25—26].

Окружающая среда всегда являлась условием существования человека, однако в последнее время ее состояние характеризуется как неблагоприятное. Так, по состоянию окружающей среды в Архангельской области за пятилетний период (2005—2009 гг.) выбросы загрязняющих веществ в атмосферу от промышленных источников возросли на 30 % [13, с. 16]. По данным наблюдений, проводимых в 2010 году, уровень загрязнения атмосферы в г. Архангельске оценивался, как высокий и определялся значением ИЗА=7,6 [13, с. 17]. Уровень загрязнения атмосферы на территории города в основном был сформирован средними за год концентрациями бенз(а)пирена, формальдегида и диоксида азота, в целом по городу превышающими установленный стандарт [13, с. 17].

Следует заметить, что Всемирная организация здравоохранения указывает, что при среднегодовом значении концентрации бенз(а)пирена выше 0,001 мкг/м могут наблюдаться неблагоприятные последствия для здоровья человека, в том числе образование злокачественных опухолей [13, с. 15]. При концентрациях формальдегида существенно выше ПДК формальдегид действует на центральную нервную систему, особенно на органы зрения [13, с. 15—16].

Учитывая то, что численность населения Архангельской области постоянно сокращается [13, с. 107], а по информации Министерства здравоохранения и социального развития области по итогам 2010 года Архангельская область вошла в двадцатку лучших регионов России по демографической ситуации, обеспечение реализации конституционного права человека на благоприятную окружающую среду следует считать главным смыслообразующим направлением развития правового регулирования, политики, а также научной деятельности.

Воспринимая право на благоприятную окружающую среду с позиции ценности необходимо мотивировать и направлять человеческую деятельность таким образом, чтобы она позволяла вести гармоничное существование в мире. При этом нельзя ограничивать человека в свободе — одном из главных принципов права. Именно поэтому реализация экологических прав видится не в построении репрессивно карательного регулирования и практики, а наделинии их аксиологическим (ценностным) смыслом, который охватывал бы не только соответствующее правовое регулирование, но и сферу воспитательную, религиозную и нравственную.

Что касается практики, то Конституционный суд РФ воспринял идею конституционной аксиологии и при определении баланса между различными интересами при разрешении соответствующих дел и толковании исходит из ценности того или иного предмета рассмотрения. Так, граждане России обратились в Конституционный Суд РФ с просьбой признать противоречащей статьям 42 и 55 (часть 2) Конституции РФ статью 11 Федерального закона от 23 ноября 1995 года № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе» [16], в которой содержится перечень объектов, подлежащих экологической экспертизе федерального уровня. С 1 января 2007 года, после внесения Федеральным законом от 18 декабря 2006 года № 232-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [17] изменений в Федеральный закон «Об экологической экспертизе», перечень объектов государственной экологической экспертизы федерального уровня был сокращен. Конституционный суд РФ уточнил,

что федеральный законодатель при регулировании отношений в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности обладает дискрецией, как в выборе объектов экологической экспертизы, так и форм проведения проверки соблюдения обязательных экологических требований. Вместо проведения государственной экологической экспертизы и ряда других экспертиз может проводиться единая государственная экспертиза при условии обеспечения равновесия, сбалансированности таких конституционно защищаемых ценностей, как потребность в экономическом развитии, с одной стороны, и экологическая безопасность и удовлетворение потребностей будущих поколений — с другой [6].

Вместе с тем представляется, что практику Конституционного суда РФ на сегодня необходимо выдерживать в рамках аксиологического потенциала именно экологических прав, соблюдая при этом соразмерность целей.

Таким образом, развивая инновационную деятельность государство должно исходить из приоритетного значения права на благоприятную окружающую среду и защиты отдельных объектов окружающей среды, т. е. инновации следует вводить в экономику не с целью получения максимальной прибыли, а целью нивелирования рисков негативного воздействия на окружающую среду и сокращения использования сырьевой экономики. При использовании и освоении новых природных месторождений необходимо учитывать интересы настоящего и будущего поколения и ценность природы.

Список литературы:

1. Барышков В. П. Аксиология: учебное пособие. Саратов: «Наука», 2009.
2. Голдин В. И. Наука, науковедение и высшая школа. Архангельск: Солти, 2008.
3. Ивин А. А. Аксиология. Научное издание. М.: Высш. шк. — 2006.
4. Комиссаренко В. С. Проблемы правовой охраны окружающей среды при освоении месторождений нефти и газа // Энергетическое право. — 2005. — № 2.
5. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года // Российская газета. — 1993. — № 237.
6. Неновски Н. Право и ценности. М.: Прогресс, 1987.
7. Определение Конституционного суда Российской Федерации «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Кулаковой Натальи Анатольевны и Лисицыной Наталии Александровны на нарушение их конституционных прав статьей 11 Федерального закона

- «Об экологической экспертизе» от 30 сентября 2010 года № 1421-О-О // «Вестник Конституционного Суда РФ». — 2011. — № 2.
8. Письмо Президента РФ от 30.03.2002 № Пр-576 «Основы политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 года и дальнейшую перспективу».
 9. Постановление Правительства Российской Федерации от 07.03.2000 № 198 «О Концепции государственной поддержки экономического и социального развития районов Севера» // Собрание законодательства РФ. — 2000. — № 12. — Ст. 1286.
 10. Постановление Правительства Российской Федерации от 24.07.1998 № 832 «О Концепции инновационной политики Российской Федерации на 1998—2000 годы» // Собрание законодательства РФ. — 1998. — № 32. Ст. 3886.
 11. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. «Современный экономический словарь», 5-е изд., перераб. и доп. — М.: ИНФРА-М, 2007.
 12. Распоряжение Правительства РФ от 13.11.2009 № 1715-р «Об Энергетической стратегии России на период до 2030 года» // «Собрание законодательства РФ». 2009. № 48. Ст. 5836.
 13. Синцов А. Г., Терновая Л. О. Геополитический потенциал Севера и Сибири России и проблемы его реализации. Геополитика: Учебник / Под общ. ред. В. А. Михайлова. — М.: Изд-во РАГС, 2007.
 14. Состояние и охрана окружающей среды Архангельской области за 2010 год : доклад / Агентство природ. ресурсов и экологии Арханг. обл., Гос. казен. учреждение Арх. обл. «Центр природопользования и охраны окружающей среды» ; отв. ред. А. В. Чулков. — Архангельск : КИРА, 2011.
 15. Твисс Б. Управление научно-техническими нововведениями. М.: Экономика, 1989.
 16. Федеральный закон «Об инновационном центре «Сколково» от 28.09.2010 № 244-ФЗ // Российская газета. — 2010. — № 220.
 17. Федеральный закон «Об экологической экспертизе» от 23.11.1995 № 174-ФЗ // «Собрание законодательства Российской Федерации». — 1995. — № 48. — Ст. 4556.
 18. Федеральный закон «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 18.12.2006 № 232-ФЗ // «Парламентская газета». — № 214—215. — 21.12.2006.
 19. Ханзерова И. Экология в цифрах и фактах // Нярьяна вындер. — 2010. — № 115. — С. 6.

СЕКЦИЯ 7.

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ

МЕРЫ ПРОКУРОРСКОГО РЕАГИРОВАНИЯ НАПРАВЛЕННЫЕ НА УСТРАНЕНИЕ НАРУШЕНИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГУЛИРУЮЩЕГО УПРАВЛЕНИЕ И РАСПОРЯЖЕНИЕ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТЬЮ

Маслова Светлана Васильевна

*судья Конституционного суда Республики Марий Эл, доцент МарГУ,
г. Йошкар-Ола*

E-mail: smaslova-ksrme@mail.ru

Выявив нарушения законов, установив обстоятельства, способствующие нарушениям, и виновных лиц, прокурор принимает меры к их устранению и недопущению в будущем, а также к привлечению к установленной законом ответственности виновных лиц. Для этого законодательством, регулирующим прокурорский надзор, предусматривается ряд специфических полномочий прокуроров, то есть прав и обязанностей, обеспечивающих устранение нарушений законов. Такие полномочия в теории и практике прокурорского надзора принято именовать правовыми средствами прокурорского реагирования на нарушения законов, или прокурорского надзора [6, с. 159].

Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее Закон о прокуратуре) не содержит такого понятия как «мера прокурорского реагирования», в нем определены лишь документы (акты прокурорского реагирования), являющиеся формами реагирования на нарушения действующего законодательства [7]. Таким образом, акты прокурорского реагирования — это предусмотренные Законом о прокуратуре средства реализации полномочий прокурора по выявлению, устранению и предупреждению правонарушений, привлечению к ответственности правонарушителей. Поэтому на выявленные нарушения законов прокурор должен реагировать посредством актов прокурорского реагирования, имеющих процессуальный характер, обличенных в определенной законом форме.

Целью выбора и применения конкретных актов прокурорского реагирования являются выявление и пресечение нарушений законности,

привлечение правонарушителей к ответственности, возмещение причиненного ущерба, изменение обстоятельств, способствовавших совершению правонарушения, предупреждению подобных правонарушений впрямь.

Выбирая тот или иной акт прокурорского реагирования, прокурор в должен руководствоваться положениями, содержащимися в Законе о прокуратуре и приказами Генерального прокурора Российской Федерации. Необходимо отметить, что меры ответственности за нарушения закона, наложение которых может инициировать прокурор, весьма разнообразны, и предусмотрены гражданским, административным, уголовным законодательством. Они играют важную роль в обеспечении эффективности прокурорского надзора. Применение конкретных мер прокурорского реагирования зависит от характера нарушений закона, степени распространенности нарушений, тяжести нарушений, их структуры, динамики, вида и размера ущерба, вредных последствий, вызванных нарушением законов, степени вины правонарушителей и других обстоятельств.

Меры прокурорского реагирования осуществляются в определенных правовых формах, закрепленных в Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации» (ст. 22—28) [7].

Все предложения и требования, содержащиеся в правовых актах прокуроров, должны соответствовать фактически установленным обстоятельствам и требованиям закона. Особенность правового акта прокурора заключается в том, что каждый акт индивидуален, обращен к конкретному органу или должностному лицу, содержит указания на нарушенный закон и предложения по устранению выявленных правонарушений, восстановлению нарушенных прав граждан.

В акте реагирования могут содержаться ссылки не только на законы, но также и на Указы Президента РФ, постановления Правительства РФ и правовые акты, принятые в целях реализации закона, неисполнение которых можно рассматривать как условие, способствующее нарушению закона [2, с. 244].

К прокурорскому реагированию предъявляются определенные требования. Оно должно быть своевременным и по возможности оперативным, обоснованным, упреждающим, достаточно острым, комплексным, маневренным, адекватным и законченным. Оно должно дополняться мерами предупредительно-профилактического характера. Только при этом меры прокурорского воздействия будут наиболее результативны [6, с. 161].

Выбирая конкретные меры прокурорского реагирования при выявлении нарушений исполнения законодательства в сфере управления и распоряжения федеральной собственностью, прокурор в первую очередь должен руководствоваться Законом о прокуратуре, а также

приказами Генерального прокурора Российской Федерации «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» от 07.12.2007 № 195 [4] и «Об организации проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов» от 28.12.2009 № 400 [5].

При этом прокурорам надлежит использовать все меры прокурорского реагирования, предусмотренные Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации», приказами Генерального прокурора Российской Федерации «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» от 07.12.2007 № 195 [4] и «Об организации проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов» от 28.12.2009 № 400 [5]:

- принесение протестов на противоречащие закону правовые акты, внесение требований об изменении нормативных правовых актов в связи с выявлением в них коррупциогенных факторов, внесение представлений об устранении нарушений законов, объявление предостережений о недопустимости нарушения закона, возбуждение дел об административных правонарушениях, вынесение постановлений о направлении материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных прокурором нарушений уголовного законодательства, обращение в суд в порядке, предусмотренном Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации и Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации, приказами Генерального прокурора Российской Федерации «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» от 07.12.2007 № 195 [4] и «Об организации проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов» от 28.12.2009 № 400 [5].

Одним из наиболее часто применяемых средств реагирования на нарушения исполнения законодательства в сфере управления и распоряжения федеральной собственностью являются заявления в суд, протесты и представления.

Практика прокурорского надзора свидетельствует, что на эффективность реагирования существенно влияет качество вносимых документов. Кроме того, при выборе мер прокурорского реагирования, важно ориентироваться на усиление воздействия на должностных лиц, не выполняющих законные требования прокурора. В случае выявления грубых нарушений привлекать к установленной законом ответственности и должностных лиц, и юридических лиц. Немаловажно, чтобы прокурорское реагирование было оперативным.

Такой подход особенно необходим при выявлении нарушений в сфере управления и распоряжения федеральной собственностью,

поскольку управление и распоряжение федеральной собственностью в стратегических отраслях экономики является важнейшим элементом системы государственного регулирования, а противоправное использование федеральной собственности как опасное коррупционное проявление создает угрозу безопасности страны.

Существенная часть нарушений законов при управлении и распоряжении федеральной собственностью связано с совершением не соответствующих требованиям закона сделок по распоряжению федеральной собственностью (отчуждение, предоставление в аренду, внесение в качестве вклада в уставный капитал юридического лица и др.).

В последнее время все актуальнее становится использование прокурорами предоставленного им статьей 52 Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации [1] и статей 45 Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации [3] права обращаться в суды с исками о признании таких сделок недействительными, применении последствий недействительности.

Так, например, решением Арбитражного суда Тверской области от 18.12.2009 г. удовлетворен иск прокуратуры Тверской области о признании недействительным договора купли-продажи от 29.07.2009 находящегося в федеральной собственности земельного участка сельскохозяйственного назначения общей площадью 547 926 кв.м., расположенного по адресу: Тверская область, Конаковский район, Городенское сельское поселение, а также признано недействительным зарегистрированное право собственности ООО «А» на вышеуказанный земельный участок. Помимо того, материалы данной прокурорской проверки направлены в управление по надзору за уголовно-процессуальной деятельностью и оперативно-розыскной деятельности для принятия решения в порядке ст. 37 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, после чего материалы проверки направлены в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании [8].

Необходимо отметить, что наибольшая эффективность актов прокурорского надзора во многом зависит от их комплексного использования, в частности, когда одновременно наряду с принесением протеста вносятся представления, предъявляются иски и применяются другие меры реагирования.

Список литературы:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (в ред. от 08.12.2011 г.) // Гарант Эксперт.
2. Викторов И. С., Алексеева Д. Г., Бут Н. Д., Звягинцев Д. А., Шалыгин Б. И. // Государственная собственность в Российской Федерации (правовое

- регулирование, правоприменительная и прокурорская практика). Научно-практический комментарий. М.: 2003—426 с.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ в ред. от 03.12.2011 г. // Гарант Эксперт.
 4. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» от 07.12.2007 № 195// Гарант Эксперт.
 5. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации «Об организации проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов» от 28.12.2009 № 400. // <http://genproc.gov.ru/documents/orders/document-14293/>
 6. Прокурорский надзор: Учебник / Винокуров Ю. Е. и др.; Под общ. ред. Ю. Е. Винокурова. — 6-е изд., перераб. и доп. — М.: Высшее образование, 2005. — 460 с. — (Основы наук).
 7. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (в ред. от 21.11.2011 г.)// Гарант Эксперт.
 8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 07.12.2011 г.)// Гарант Эксперт.

О МЕСТЕ ОПРОСА В СИСТЕМЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ ОСУЩЕСТВЛЯЕМЫХ ТАМОЖЕННЫМИ ОРГАНАМИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Урлис Михаил Юрьевич

*аспирант Российской таможенной академии г. Люберцы
E-mail: qwerty_7@inbox.ru*

В соответствии с ч. 1 ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [5] в Российской Федерации предусмотрено четырнадцать оперативно-розыскных мероприятий, включая опрос (наведение справок, сбор образцов для сравнительного исследования, проверочная закупка, исследование предметов и документов, наблюдение, отождествление личности, обследование помещений зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи, оперативное внедрение, контролируемая поставка и оперативный эксперимент). Ранее некоторыми авторами

освещались особенности организации проведения отдельных оперативно-розыскных мероприятий осуществляемых таможенными органами РФ [4 с. 12—14], однако опросу не была посвящена ни одна научная работа. С целью определения места опроса в системе оперативно-розыскных мероприятий, осуществляемых таможенными органами и выявления особенностей его правового регулирования, определяющих его распространенность, автором в феврале 2011 года рамках диссертационного исследования были проведено анкетирование и интервьюирование руководителей оперативных подразделений таможенных органов Российской Федерации, проходивших обучение в Институте правоохранительной деятельности Российской таможенной академии.

Таблица 1.

Результаты анкетирования руководителей оперативных подразделений таможенных органов РФ.

Вопросы, заданные респондентам	Результаты ответов
Какое место по распространенности (от 1 до 14, где 1 — самое распространенное) Вы бы отдали «Опросу» как оперативно-розыскному мероприятию, осуществляемому таможенными органами РФ?	Около 90 % опрошенных отдали опросу от 1 до 2 место (50 % — 1 место и 40 % — 2 место)
Укажите (в процентном отношении) как часто по оперативным материалам проводится оперативно-розыскное мероприятие — «Опрос»	Более 50 % указали что опрос производится по всем оперативным материалам. 54 % — 100 % оп матер. 16 % — 90 % оп матер. 21 % — 80 % оп матер. 8 % — 70 % оп матер.
Укажите соотношение для получения, какого рода информации Вами используется оперативно-розыскное мероприятие — «Опрос»? (для получения первичной информации/для уточнения имеющейся)	60/40
Укажите соотношение какой «Опрос» Вами проводится чаще (гласный/негласный)	55/45

Таким образом, из результатов проведенного анкетирования следует, что опрос является одним из самых распространенных мероприятий, осуществляемых оперативными подразделениями таможенных органов Российской Федерации. Для установления причин и условий, обуславливающих распространенность опроса в

таможенных органах, автором будут рассмотрены признаки указанного оперативно-розыскного мероприятия указанные в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» [5]. На взгляд автора, эти признаки обуславливают распространенность опроса, как оперативно-розыскного мероприятия, одновременно являются признаками, лежащими в основе ряда классификаций оперативно-розыскных мероприятий в современной оперативно-розыскной науке.

К первому или основному признаку обуславливающему распространенность опроса, по мнению автора стоит отнести тот факт, что опрос как оперативно-розыскное мероприятие не ограничивает конституционных прав человека и гражданина (ст. 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [5]). Указанный принцип взят за основу классификации оперативно-розыскных мероприятий рядом ученых оперативно-розыскной науки. Так, А. Ю. Шумилов делит все оперативно-розыскные мероприятия на следующие виды:

- оперативно-розыскные мероприятия первой категории, или обычные (не ограничивающие конституционные права человека и гражданина). К указанной группе А. Ю. Шумилов относит следующие оперативно-розыскные мероприятия: опрос, наведение справок, сбор образцов для сравнительного исследования, проверочную закупку, исследование предметов и документов, наблюдение, отождествление личности, оперативное внедрение, контролируемая поставка;
- оперативно-розыскные мероприятия второй категории, или ограничивающие права человека и гражданина (острые оперативно-розыскные мероприятия), то есть контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, обследование жилища, а также наблюдение, сбор образцов с проникновением в жилище, снятие информации с технических каналов связи, влекущее вторжение с частную жизнь человека;
- оперативно-розыскные мероприятия третьей категории или специальные (особо острые оперативно-розыскные мероприятия). К указанной категории А. Ю. Шумилов относит оперативный эксперимент [6 с. 19—21]

Второй признак, обуславливающий распространенность опроса как оперативно-розыскного мероприятия, непосредственно связан с первым признаком — это отсутствие необходимости санкционирования опроса (статья 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [5]).

Е. С. Дубоносов делит все оперативно-розыскные мероприятия на две категории: оперативно-розыскные мероприятия не ограничивающие конституционные права граждан (куда указанный автор отнес опрос, наведение справок, сбор образцов для сравнительного исследования, проверочная закупка, исследование предметов и документов, отождествление личности, оперативное внедрение, контролируемая поставка, оперативный эксперимент) и оперативно-розыскные мероприятия ограничивающие конституционные права граждан (наблюдение, обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности, транспортных средств, контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи) [3, с. 97, 104]. В основе предложенной Е. С. Дубоносевым классификации лежит получения судебного разрешение на проведения того или иного оперативно-розыскного мероприятия.

В. Г. Бобров указывает, что в зависимости от необходимости санкционирования ОРМ могут быть:

а) не требующими какого-либо санкционирования (опрос, наведение справок, сбор образцов для сравнительного исследования, проверочная закупка и др.);

б) требующими ведомственного санкционирования (проверочная закупка и контролируемая поставка предметов, веществ и продукции, свободная реализация которых запрещена либо оборот которых ограничен; оперативное внедрение; оперативный эксперимент и др.);

с) требующими судебного решения (контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений; прослушивание телефонных переговоров; снятие информации с технических каналов связи и др.). [1, с. 4]

Распространенность опроса как оперативно-розыскного мероприятия осуществляемого таможенными органами обусловлена еще одним немаловажным фактом, это способность производить указанное оперативно-розыскное мероприятие самостоятельно не используя сил и средств других государственных органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность (ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [5,]).

В работе К. К. Горяинова, О. А. Вагина и А. П. Исиченко [2], приводится оригинальная классификация оперативно-розыскных мероприятий: авторами они рассматриваются по субъекту проведения. Оперативно-розыскные мероприятия можно классифицировать на мероприятия, проведение которых допустимо любыми органами —

субъектами оперативно-розыскной деятельности, и мероприятия, проведенные специализированными оперативными подразделениями. В частности, таможенными органами проведение оперативно-розыскных мероприятий, связанные с контролем почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, прослушиванием телефонных переговоров с подключением к станционной аппаратуре предприятий, учреждений и организаций независимо от форм собственности, физических и юридических лиц, предоставляющих услуги и средства связи, со снятием информации с технических каналов связи, возможно только с использованием оперативно-технических сил и средств органов ФСБ, органов внутренних дел и органов ФСКН России.

Форма проведения оперативно-розыскных мероприятий является следующим признаком на основании, которого проводится классификация опроса и обуславливающего его распространенность (ст. 1 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [5]). В зависимости от формы проведения оперативно-розыскные мероприятия могут быть гласными и негласными. При гласном проведении таких оперативно-розыскных мероприятий, как правило, не скрывается сам факт их осуществления. Негласное проведение оперативно-розыскных мероприятий предполагает их осуществление в тайне от других лиц, в первую очередь проверяемых, разрабатываемых, подозреваемых, их связей и т. д.

Так, В. Г. Бобров все предусмотренные в ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [5] оперативно-розыскные мероприятия по возможной форме их проведения условно сводит в две основные группы:

а) оперативно-розыскные мероприятия, которые могут проводиться как гласно, так и негласно: опрос; наведение справок; сбор образцов для сравнительного исследования; исследование предметов и документов; проверочная закупка; наблюдение; отождествление личности; обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств;

б) проводимые только в тайне (негласно) от проверяемых, разрабатываемых и иных лиц, в отношении которых они осуществляются: контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений; прослушивание телефонных переговоров; снятие информации с технических каналов связи; оперативное внедрение; контролируемая поставка; оперативный эксперимент [1, с. 4]

Последняя представленная автором классификация оперативно-розыскных мероприятий основывается на интенсивности

использования технических средств. Взяв за критерий указанный признак все ОРМ можно разделить на оперативно-технические и не имеющие преобладающего или исключительно технического содержания их проведения (опрос). К оперативно-техническим относятся такие ОРМ, как прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи.

Список литературы:

1. Бобров В. Г. Понятие оперативно-розыскного мероприятия. Основания и условия проведения оперативно-розыскных мероприятий: Лекция. М., 2003. С. 4.
2. Горяинов, К. К. Теория и практика применения органами внутренних дел закона об оперативно-розыскной деятельности / К. К. Горяинов, О. А. Вагин, А. П. Исиченко // Проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности: материалы науч.-практ. конф. М., 2002.
3. Дубонос Е. С. Основы оперативно-розыскной деятельности: Курс лекций/ под ред. Синилова Г. К.— М.: ЮИ МВД РФ, Книжный мир, 2002. С. 97, 104.
4. Об особенностях организации проведения оперативно-розыскного мероприятия «наблюдение» подразделений собственной безопасности таможенных органов. Симонов Н. Е. О практике осуществления таможенными органами Российской Федерации оперативно-розыскных мероприятий //Оперативник (сыщик). 2011. № 4 (29). С. 12—14.
5. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 08.12.2011) «Об оперативно-розыскной деятельности»// «Собрание законодательства РФ», 14.08.1995, № 33, ст. 3349
6. Шумилов А. Ю. Учебно-практическое пособие «оперативно-розыскная деятельность: вопросы и ответы» М., 2010. С. 19—21.

СЕКЦИЯ 8.

СРАВНИТЕЛЬНОЕ КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

ОГРАНИЧЕНИЯ ЛИЧНЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА В СТРАНАХ СНГ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Вечканова Наталья Валерьевна

*соискатель Российской Академии правосудия, ст. преподаватель
Южно-Сахалинский институт экономики, права и информатики,
г. Южно-Сахалинск*

E-mail: nosovanata@newmail.ru

Вопрос об ограничении прав и свобод человека и, особенно личных прав и свобод, а так же пределов таких ограничений является одним из сложных и дискуссионных вопросов юридической науки и правовой системы не только для Российской Федерации, стран СНГ, но и всего мирового сообщества.

Конституционный термин «ограничение» образован от общеупотребительного слова «ограничение», что означает «стеснить определенными условиями, поставить в какие-нибудь рамки, границы» [13, с. 390]. В теории права правовое ограничение определяется как правовое сдерживание противозаконного деяния, создающее условия для удовлетворения интересов контрсубъекта и общественных интересов в охране и защите; это установленные в праве границы, в пределах которых субъекты должны действовать; это исключение определенных возможностей в деятельности лиц [10, с. 59]. Конституционный Суд РФ иногда использует термин «преграда» как тождественный термину «ограничение».

В наиболее известных международно-правовых документах употребляется несколько терминов-понятий, прямо или косвенно отражающих ограничение прав и свобод. Например, во Всеобщей декларации прав человека (п. 2 ст. 29) [1, с. 7], Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах (ст. 4) [12] и др. используется термин «ограничение»; в Международном пакте о гражданских и политических правах (ст. 4) [11], где говорится об обязательствах государств перед своими гражданами, употребляется термин «отступление от своих обязательств»; в

Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод используются сразу два термина: «ограничения» (ст. 9—11, 18) и «отступление от соблюдения обязательств» (ст. 15) [2].

Для определения пределов свободы человека конституции всех стран СНГ оперирует термином «ограничение» (например, ст. 56 Конституции Российской Федерации [7], ст. 54 Конституции Республики Молдова [4]). Кроме того, в конституциях государств Содружества устанавливается принятое международно-правовыми актами по правам человека правило, в соответствии с которым осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц. По аналогии с международными правовыми актами отдельными нормами конституций стран — участниц СНГ сделаны оговорки о пределах осуществления некоторых конкретных прав и свобод или возможности их ограничения при определенных обстоятельствах.

Особенностью личных прав и свобод человека является то, что в их число входит так называемое «неизменное ядро» — совокупность прав и свобод, которые не должны подлежать ограничению или лишению ни при каких обстоятельствах. Однако, как нормами международного права, так и конституционными нормами государств, в том числе и стран СНГ, все же допускается некоторое ограничение личных прав и свобод.

Природа конституционных ограничений личных прав и свобод человека кроется в признании этих прав и свобод естественными, с одной стороны, и признании роли государства как основного гаранта этих прав и свобод и одновременно основной угрозой им — с другой. В процессе реализации личных прав и свобод сталкиваются различные интересы: субъекта этих прав (свобод), других лиц, общества в целом, государства. В силу этого установление ограничений личных прав и свобод — объективная потребность нормального функционирования общества, с одной стороны, и свободы личности — с другой.

Анализ содержания конституционных положений стран СНГ свидетельствует о том, что конституциями предусматривается как нормативное (правоустанавливающее), так и правоприменительное ограничение личных прав и свобод.

Цели ограничений прав и свобод человека, в том числе и личных прав и свобод, в Конституциях государств СНГ определяются по-разному. К примеру, ст. 55 Конституции Российской Федерации в качестве таких целей указывает: защиту основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечение обороны стран и безопасности государства [7]. Согласно ст. 14 Конституции Таджикистана осуществление некоторых личных прав и свобод может быть ограничено с целью обеспечения

прав и свобод других граждан, общественного порядка, защиты конституционного строя и территориальной целостности республики [5]. Текст ст. 54 Конституции Республики Молдова также указывает вышеперечисленные цели ограничений прав и свобод человека и добавляет к указанному списку интересы национальной безопасности, экономическое благосостояние страны, предотвращение разглашения информации, полученной конфиденциально, обеспечение авторитета и беспристрастности правосудия, а также предотвращение массовых беспорядков и преступлений [4].

Конституции стран Содружества демонстрируют различные подходы к закреплению перечня личных прав и свобод, не подлежащих ограничению.

Первая группа государств (Российская Федерация, Республика Беларусь, Республика Молдова, Украина, Республика Казахстан, Республика Армения, Республика Таджикистан, Кыргызстан) в конституционных текстах содержит четко определенный перечень личных прав и свобод, не подлежащих ограничению даже в условиях чрезвычайных положений. Например, в Российской Федерации в условиях чрезвычайного положения отдельные ограничения прав и свобод с указанием пределов и срока их действия могут устанавливаться федеральным конституционным законом (ст. 56) [7]. При этом Конституция РФ запрещает даже в условиях чрезвычайного положения ограничивать следующие права и свободы граждан: право на жизнь; достоинство личности; право на неприкосновенность частной жизни; личную и семейную тайну; защиту чести и доброго имени; сбор информации о частной жизни; свобода вероисповедания; права, связанные с судебной защитой. Однако среди подлежащих ограничению нет таких свобод, как тайна переписки и телефонных переговоров; нет и свободы неприкосновенности личности. Перечисленные выше личные права и свободы, дополненные правом на свободу и личную неприкосновенность закрепляются в ст. 64 Конституции Украины, как личные права и свободы, ограничение которых не допускается [9].

Например, перечень личных прав и свобод, не подлежащих ограничению, также содержится в тексте ст. 63 Конституции Республики Беларусь [3] и включает: право на жизнь, запрет подвергаться пыткам, жестокому, бесчеловечному либо унижающему достоинство человека обращению или наказанию, а также без согласия человека подвергать его медицинским или иным опытам, презумпция невиновности и свобода вероисповедания.

Конституция Республики Молдова в ст. 54 устанавливает, что не допускаются ограничению следующие личные права и свободы: право на свободный доступ к правосудию, презумпция невиновности; право

каждого человека на знание своих прав и обязанностей, право на жизнь, физическую и психическую неприкосновенность, запрет подвергаться пыткам, жестокому, бесчеловечному либо унижающему достоинство наказанию или обращению [4]. Схожие положения закрепляются в конституционных текстах и остальных государств этой группы.

Вторая группа государств СНГ, в состав которой входят, например, Республика Узбекистан, Туркменистан и Азербайджанская Республика, не содержит в текстах своих конституций отдельных статей, закрепляющих перечень личных прав и свобод с указанием на возможность или невозможность их ограничения при определенных условиях и основаниях. Конституционные тексты этих государств, закрепляя конкретное личное право или свободу, в ряде случаев, содержат оговорки допускающие возможность нарушения (ограничения) этого права по распоряжению суда или в случаях, предусмотренных законом. Например, ст. 19 Конституции Республики Узбекистан устанавливает, что «права и свободы, закрепленные в Конституции и законах являются незыблемыми, и никто не вправе без суда лишить или ограничить их» [6]. Таким образом, фактически, по решению суда может быть ограничено любое личное право или свобода. Ряд статей еще и дополнительно устанавливает возможность таких ограничений, например, ст. 29 указывает: «свобода мнений и их выражения может быть ограничена законом по мотивам государственной или иной тайны» [6]. Аналогичным образом в ст. 26 Конституции Туркменистана [8] закрепляется ограничение права на свободу передвижения.

Таким образом, проанализировав конституционные тексты стран СНГ на предмет закрепления перечня личных прав и свобод, не подлежащих ограничению, автор работы отмечает, что страны рассматриваемого региона не зависимо от способа имплементации международных стандартов прав и свобод человека во внутригосударственном праве закрепляют обязательный минимальный объем личных прав и свобод человека, не подлежащих ограничению, содержащийся в универсальных и региональных актах по правам человека. Этот перечень личных прав включает: право на жизнь, запреты подвергаться пыткам или жестокому бесчеловечному или унижающему его достоинство обращению или наказанию, содержаться в рабстве или в подневольном состоянии, право на достоинство личности. Необходимо отметить, что в целом нормы конституций большинства государств СНГ закрепляют более широкий перечень личных прав и свобод человека, не подлежащих ограничению.

Список литературы:

1. Всеобщая Декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. — М.: Приор, 2003.— 10 с.
2. Европейская конвенция о защите прав человека и основные свобод от 04 ноября 1950 года // Собр. законодательств РФ. — 2001. — № 2. — Ст. 163.
3. Конституция Республики Беларусь 1996 г. (с изменениями от 17 октября 2004 г.) // Национальный центр правовой информации Республики Беларусь [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://old.pravo.by/webnpa/text.asp?RN=V19402875> (дата обращения: 14.12.2011).
4. Конституция Республики Молдова 1994 г. (с изменениями от 12 июля 2001 г.) // Официальный сайт Президента Республики Молдова [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://www.president.md/const.php?page=8200&lang=rus#8200> (дата обращения: 14.12.2011).
5. Конституция Республики Таджикистан 1994 г. (с изменениями от 22 июня 2003 г.) // Таджикский портал развития [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://www.tajik-gateway.org/index.phtml?lang=ru&id=874> (дата обращения: 14.12.2011).
6. Конституция Республики Узбекистан 1994 г. (с изменениями 2011 г.)// Центр правовой информации при министерстве юстиции Республики Узбекистан [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: http://lex.uz/guest/irs_html.winlav?pid=35869 (дата обращения: 14.12.2011).
7. Конституция Российской Федерации (с поправками от 30.12.2008) // Собр. законодательства РФ. — 2009. — № 4. — Ст. 445.
8. Конституция Туркменистана 1992 г. (с изменениями от 26 сентября 2008 г.) // Информационный портал Туркменистана «ТУРКМЕНИнформ» [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://www.turkmeninform.com/ru/blog/2008/10/08/0000147.htm> (дата обращения: 14.12.2011).
9. Конституция Украины 1996 г. // Официальное представительство Президента Украины [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://www.president.gov.ua/ru/content/constitution.html> (дата обращения: 14.12.2011).
10. Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве. — Саратов, 1994. — 336 с.
11. Международный пакт о гражданских и политических правах от 16.12.1966 // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 1994. — № 12.
12. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16.12.1966 // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 1994. — № 12.
13. Ожегов С. И. Словарь русского языка. — М.: Оникс 21 век, 2007. — 976 с.

СЕКЦИЯ 9.

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАДАЧ ДАЛЬНЕЙШЕГО ХОДА ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ РЕФОРМ

Вологина Жанна Юрьевна

канд. биол. наук, доцент БГАУ, г. Уфа

E-mail: indigo-71@vandex.ru

Мингазов Сирил Салаватович

студент БГАУ, г. Уфа

Демократия (греч. *demokratía* — народовластие, от *demos* — народ и *krátos* — власть), форма политической организации общества, основанная на признании народа в качестве источника власти, на его праве участвовать в решении государственных дел и наделении граждан достаточно широким кругом прав и свобод. Демократия в этой связи выступает, прежде всего, как форма государства.

Для построения высокоразвитой демократии нужны разнообразные условия, которые не могут быть созданы в короткое время, следовательно, демократия может развиваться лишь постепенно, по мере развития экономики, культуры и совершенствования демократической системы. Что же касается построения высокоразвитой демократии, то эта цель может быть, в конечном счете, реализована лишь в результате постоянного обобщения практики, упорных усилий нескольких поколений людей.

В ходе реформы политической системы необходимо урегулировать связь между демократией и стабильностью, так как развитие демократии должно способствовать стабильности и сплоченности, которые, в свою очередь, являются закономерным следствием демократии и непременным условием ее развития.

Демократия должна базироваться на высокоразвитой товарной экономике, которая может, с одной стороны, путем утверждения основных принципов права заложить фундамент для равноправия в сфере политики и демократии и, с другой стороны, создать необходимые материально-технические средства и условия для участия широких народных масс в управлении государством и обществом, осуществления

их демократических прав. Однако предстоит пройти долгий путь, прежде чем будет построена высокоразвитая товарная экономика.

Положительные и отрицательные уроки прошедших лет полностью это доказывают. Поддержание и развитие стабильности и сплоченности в дальнейшем должно стать неременным условием для строительства демократии. Если граждане предполагают построить высокоразвитую демократию, совершенную политическую систему, необходимы соответствующие условия, а они не могут быть созданы за короткое время.

Дальнейшее развитие демократии тесно связано с особенностями культуры народа. Воспитание демократического сознания и традиций являются важнейшими предпосылками высокоразвитой демократии. В настоящее время предстоит поднять общий научно-культурный уровень народа.

Для формирования и совершенствования системы политической демократии нужен определенный срок. Необходимо постоянное совершенствование парламентской, избирательной, административной, правовой и других системы. Только путем непрерывного изучения практического опыта, непрерывных реформ и постоянного совершенствования Россия сможет достичь соответствия политической системы требованиям демократии.

Неудачи последних лет показали, что без учета местных условий и особенностей регионов реформировать Россию невозможно. Очевидно, что процесс стабилизации надо начинать с регионального уровня.

В каждом регионе реформаторская экономическая политика имеет разное содержание, в зависимости от местных особенностей. Еще с самого начала реформ опасность возникновения массовых протестов населения объективно вынудила региональные и муниципальные власти уделять первостепенное внимание сглаживанию негативных тенденций в социальной сфере. Это проявлялось в сдерживании роста цен на потребительские товары, услуги транспорта за счет дотаций из местных бюджетов, более высокого роста заработной платы работникам бюджетных организаций, активизации создания различного рода социально-ориентированных местных внебюджетных фондов. Помимо этого, для предотвращения безработицы региональными властями предпринимались различные меры против остановки производства [3].

Демократия, должна оцениваться в качестве завоевания человеческой цивилизации и воплощения тысячелетнего опыта использования права и государства в жизни людей. Законность и демократические формы государства являются теми началами, которые в той или иной форме и степени ограждают личность от произвола власти, общество в целом — от насилия со стороны тех, кто нарушает право.

Генезис демократических принципов правозаконности связан не только с особой формой государства, политической демократией, но и со

специфической формой нравственного сознания, которую характеризуют такие социальные ценности, как гуманизм, справедливость, уважение взаимных интересов и другие, наиболее значимые ценности человеческого общежития [2].

Упрочение режима правовой законности может происходить только на базе совершенствования всех институтов демократии. Как правовой феномен законность составляет основу государственной организации общества и служит утверждению демократии: охраняет демократические права и свободы граждан, обеспечивает правовой порядок в государстве, способствует развитию гражданского общества.

Механизм законности призван юридически, гарантировать основные права и свободы граждан, их равные права и обязанности — без этого не может развиваться творческая инициатива личности, не может существовать и действовать действительная демократия. Таким образом, демократия создает наиболее благоприятные условия для существования прочной законности, а законность, в свою очередь, обеспечивает и охраняет демократические институты политической системы общества. Необходимо иметь в виду, что политической (государственной) демократии без режима правозаконности не может быть вообще.

Упрочение законности диктуется не только дальнейшим развертыванием демократии — главного направления развития политической системы общества, но и постоянным ростом культуры населения и работой государственного аппарата.

Для обеспечения внутреннего и международного правопорядка большое значение имеет господство права во всех сферах общественной жизни, в том числе приоритет права над государством. Связанность государства правом, во-первых, предполагает защиту и реальное гарантирование прав и свобод личности; во-вторых, означает соблюдение требований международного права; в-третьих, первенство права по отношению к политике; в-четвертых, функционирование всей системы органов государственной власти и управления в рамках правового закона; в-пятых, правовую (юридическую) ответственность самого государства за свою деятельность. Законность должна служить реализации права, а это означает, что речь идет о соблюдении законов, содержащих право [4].

Основные принципы правовой системы страны должны пронизывать все законодательство и нормативные подзаконные акты. Существует немало законов, которые представляют санкционированный властью произвол той или иной правящей элиты. Исполнение подобных законов никогда не могло защищать право и обеспечивать правопорядок. Само издание таких законов является проявлением грубейшего беззакония.

Все чаще принимаются нормативные акты, не соответствующие действующей системе права, содержание которых так или иначе

расходится с основополагающими принципами права по причинам ошибок или недостатков в нормотворческой деятельности отдельных государственных органов или должностных лиц, правомочных издавать нормативные установления, а также в силу просчетов технико-юридического свойства. Следовательно, точное исполнение такого рода актов не может содействовать упрочению правопорядка.

На современном этапе демократизации России политической целью нашего государства является кардинальное изменение общественно-политической и социально-экономической ситуации в стране, восстановление верховенства закона, демократических институтов и политических прав граждан, уважение прав человека, создание гуманного и свободного общества и государства.

Грубейшие ошибки власти в области внутренней и внешней политики, допущенные в последние годы, привели к росту социального расслоения, нарастающему кризису пенсионной системы, построению неустойчивой и чреватой кризисами спекулятивной модели развития экономики, деградации армии. Никакие позитивные преобразования в России не будут возможными без проведения в стране полномасштабной политической реформы, которая позволила бы гражданам реально влиять на политику властей через принятые во всем цивилизованном мире демократические институты и механизмы, заставляя политическое руководство страны отвечать за свои ошибки, добиваться корректировки неверных шагов властей [1].

Главная задача политической реформы — формирование в России полноценной конкурентной политической системы, которая позволит гражданам самостоятельно оценивать результаты деятельности властей и принимать решение о том, какие политики достойны представлять их во власти в дальнейшем.

Чрезмерная централизация власти — главный недостаток существующей политической системы, которая неизбежно порождает бюрократизм, в виде излишнего бумаготворчества, приводит к увеличению аппарата, низкой эффективности работы и отсутствие четкого представления об обязанностях и ответственности.

Для того чтобы создать в России демократическое правовое государство, достаточно обеспечить выполнение в полном объеме действующей Конституции РФ.

В России необходимо восстановить в полном объеме верховенство закона и независимость суда, обеспечить всеобщее равенство перед законом и судом, отказ от избирательного применения закона в узких политических или коммерческих интересах, обеспечение эффективной системы защиты прав всех без исключения граждан страны.

Сильная и независимая судебная система — основа построения в России эффективного государства, гарантирующего законность и

правопорядок, соблюдение прав граждан, нормальные условия для инвестиций и развития. Однако в настоящее время существует достаточно доказательств того, что судебная власть в России не является независимой от исполнительной власти.

Повышение значимости и эффективности органов местного самоуправления — ключевой элемент политики активного вовлечения российских граждан в процесс решения важных проблем повседневной жизни, а значит — проблем страны. Федеральные власти должны не отнимать полномочия у органов местного самоуправления, а напротив, смещать центр тяжести в решении социальных, инфраструктурных проблем, политики развития малого бизнеса от властных органов непосредственно к гражданам, то есть к структурам местного самоуправления.

По мнению авторов, невнимание к человеку оказалось главной проблемой политики российского государства. Политика в области развития человека должна быть направлена на создание в России условий для того, чтобы от свободы выиграло максимально возможное число граждан. Государственная политика должна проводиться в интересах всех без исключения граждан России, стране необходимо общество равных возможностей, основанное на принципах социальной справедливости, социальной ответственности сильных и социальной солидарности слабых. Важнейшие условия, необходимые для превращения России в современную цивилизованную страну — не только экономическое развитие, но и развитая система социальной поддержки, современные системы образования и здравоохранения, обеспечение личной безопасности граждан, доступность и адекватное качество жилья, экологическое равновесие, формирование гуманной и толерантной общественной атмосферы.

Список литературы:

1. Демократ-инфо » 300 шагов к свободе [электронный ресурс] — Режим доступа — <http://democrat-info.ru/300-shagov-k-svobode/>
2. Законность и правопорядок [электронный ресурс] — Режим доступа — be5.biz/pravo/tami/19.htm
3. Марченко Г. «От кризиса к стабилизации. Дальнейшая судьба реформ в России» [электронный ресурс] — Режим доступа — erudition.ru/referat/ref/id.30437_1.html
4. Новая политическая стратегия в послании президента РФ [электронный ресурс] — Режим доступа — http://fictionbook.ru/author/litagent_evropa/novaya...read

СЕКЦИЯ 10.

ТРУДОВОЕ ПРАВО И ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛНОМОЧИЙ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ИНСПЕКЦИЕЙ ТРУДА

Карпизенкова Ольга Анатольевна

*студент-магистрант, Тульский Государственный Педагогический
Университет им. Л. Н. Толстого, г. Тула*

Подзолков Владимир Григорьевич

*канд. полит. наук, профессор, Тульский Государственный
Педагогический Университет им. Л. Н. Толстого, г. Тула*

E-mail: lele4ka.k@yandex.ru

«Федеральная инспекция труда образована в соответствии с Конвенцией МОТ № 81 «Об инспекции труда в промышленности и торговле» и Протоколом к ней 1995 г., которые Россия ратифицировала в 1998 г. Соответствуя им, Россия обязалась иметь «государственную инспекцию труда, обеспечивающую соблюдение трудового законодательства и законодательства в области охраны труда на всех производственных объектах» [2, с. 369].

По состоянию на 1 января 2011 г. в ведении Федеральной службы по труду и занятости находится 82 государственной инспекции труда [1].

Основанием для обращения в ФИТ является нарушенное право. Обратиться за помощью к данному органу может как работник, так и гражданин, которому отказали в трудоустройстве или уволили, т. е. который уже не является работником. Список полномочий, а следовательно проблем, которые может разрешить инспекция труда указан в ст. 356 Трудового кодекса РФ. Данный перечень может быть расширен в соответствии с федеральными законами и иными нормативными правовыми актами РФ.

Как видно из списка радиус действий деятельности ФИТ обширен и распространяется на все государственные организации независимо от их организационно правовых форм и форм

собственности. Однако законодатель крайне непоследователен в наделении полномочиями ФИТ. Например, полномочия по контролю и надзору за реализацией права работников на получение обеспечения по обязательному социальному страхованию то предоставляется ФИТ — (п. 293 ст. 1 Федеральный закон от 30 июня 2006 г. № 90-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации, признании не действующими на территории Российской Федерации некоторых нормативных правовых актов СССР и утратившими силу некоторых законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» [9], то изымается — Федеральный закон от 18 декабря 2006 г. № 232-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1], то вновь предоставляется — Федеральный закон от 22 июля 2008 г. № 157-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации и статью 26.3 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [11].

Другим примером является признание избыточным и в последующем исключенным из Трудового кодекса РФ функции государственной инспекции как координатора действий государственного органа надзора и контроля в части соблюдения трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы труда. Стоит согласиться с Поповой О. И., что данное решение нецелесообразно [3]. Ст. 354 Трудового кодекса РФ указывает, что ФИТ — единая централизованная система. Для обеспечения единства структурных подразделений действия между ними должны быть скоординированы и согласованы, т.к. в противном случае нормативный порядок работы каждого органа будет нарушаться, что приведет к ухудшению деятельности всей системы. Данное право должно принадлежать именно федеральной инспекции труда, как государственного органа, у которого функция контроля и надзора трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы труда являются основной. Ещё одним примером является ликвидация законодателем возможности ФИТ требовать от работодателя возмещения среднего заработка за время вынужденного прогула (теперь это может сделать только КТС и суд) привела к тому, что работник для восстановления на работе в случае незаконного увольнения и возмещения среднего заработка за время вынужденного прогула вынужден использовать несколько способов защиты одновременно: ФИТ и суд. Результатом этого явилось то, что

логического конца деятельности ФИТ по защите трудовых прав работника в данном случае не имеет.

ФИТ при осуществлении своей деятельности активно взаимодействует с другими специальными федеральными надзорными службами: государственным надзор за соблюдением требований по безопасному ведению работ на опасных производственных объектах (ст. 366 ТК РФ), Госэнергонадзор (ст. 367 ТК РФ), Госсанэпиднадзор (ст. 368 ТК РФ), Госатомнадзор (ст. 369 ТК РФ). Функция по контролю и надзору в вышеперечисленных государственных надзорах является основной, однако, распространяется лишь на предприятиях определенного профиля. Не каждый работник имеет право обратиться в данный орган.

ФИТ для более эффективной деятельности по контролю и надзору трудовых прав граждан взаимодействует с государственными органами, органами местного самоуправления и организациями.

«В 2010 г. в таком взаимодействии было проведено более 33,6 тыс. проверок:

- с прокуратурой, либо по их поручению — 19,5;
- органами исполнительной власти субъектов РФ — 7, 5;
- территориальными органами федеральных органов исполнительной власти в сфере технологического надзора и санитарно-эпидемиологического надзора — 1,1 тыс.;
- с другими органами — 5,6 тыс.» [1].

Результатом такого взаимодействия является не только восстановленные права, но и совместно принятые нормативные акты: на федеральном уровне Рострудом было заключено и действует Соглашение о взаимодействии с Федеральной службой судебных приставов при исполнении постановлений по делам об административных правонарушениях и иных исполнительных документов (№ 12/01-5 от 14.08.2008) [7]; совместным приказом Роструда № 40 и ФМС РФ № 66 от 03.04.2007 утвержден Регламент взаимодействия Федеральной службы по труду и занятости и Федеральной миграционной службы и их территориальных органов по осуществлению мероприятий по контролю (надзору) за трудовой деятельностью иностранных работников на территории Российской Федерации [6] и т. д.

В последнее время осуществление надзорной и контрольной деятельности сталкивается с рядом трудностей.

1. Численность сотрудников государственной инспекции увеличивается непропорционально численности возникновения организаций. «К концу 2010 г. численность зарегистрированных

хозяйствующих субъектов составило около 8,17 млн. = единиц, включая более 3,8 млн. лиц занимающихся индивидуальной предпринимательской деятельностью. На 31 декабря 2010 г. численность работников государственной инспекции составила 3366 человек (в 2006 г. — 3342), в том числе должностных лиц уполномоченных на осуществление государственного надзора и контроля за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права — 2852 (в 2006 г. — 2940), из которых государственных инспекторов труда по правовым вопросам — 1251 (1109), государственных инспекторов по охране труда — 1831 (1601). В результате численность проверок проводимых государственным инспектором труда с каждым годом сокращается: в 2003 г. — 264, в 2005 г. — 252, в 2006 г. — 236 тыс., 2007 г. — 238 тыс., 2008 г. — 228, 4, 2009 г. — 217, 9, 2010 г. — 182,7» [1].

2. Сокращение численности государственных инспекторов (по сравнению с началом её деятельности в 1995г. сокращение штата произошло на 31 %) [1]. Результатом этого явилось увеличение нагрузки. В среднем нагрузка на одно должностное лицо федеральной инспекции труда, уполномоченное на осуществление контроля надзора составляет 2,9 тыс. единиц. Однако, стоит отметить, что в ряде субъектов данный показатель выше: Волгоградская, Ярославская, Новосибирская, Ростовская, Ульяновская, Омская области, республика Татарстан и др.

3. Проверки государственных инспекторов в основном являются внеплановыми (из общего числа проверок 27 % плановые, а 73 % — внеплановые [1]. Минусом этого является то, что внеплановые проверки как правило проводятся на определенную тематику, что позволяет работодателю не предоставлять государственному инспектору документы, которые не относятся к предмету данной проверки. В результате инспекция труда превращается из органа по надзору и контролю за соблюдением законодательства, в орган по разрешению трудовых разногласий.

Интересный выход из этой ситуации (который по мнению авторов не лишен смысла, т. к. во-первых, это позволит сохранить за инспекцией труда её основное предназначение — орган по надзору и контролю за соблюдением законодательства, во-вторых, принципы организации и функционирования инспекции труда могут быть успешными и при разрешении индивидуальных трудовых разногласий) предлагает Сафирова А. А. о передаче полномочий по рассмотрению обращений работников за защитой своих трудовых прав в государственный трудовой арбитраж: «...трудовой арбитраж будет

рассматривать не только коллективные трудовые разногласия об интересах, но и индивидуальные трудовые разногласия о правах» [8].

4. Появляется ряд новых форм наемного труда которые на сегодняшний день российским законодательством не урегулированы.

5. Распространение неофициальных трудовых отношений между работником и работодателем. Результатом этого является невозможность должного реагирования сотрудниками ФИТ случаи возникновения разногласий в ситуациях, когда с работником не заключается трудовой договор.

Несмотря на возникающие трудности, деятельность государственной инспекции осуществляется на высоком профессиональном уровне. Консультации в офисе, горячие линии, форумы государственной инспекции не только повышают правовую культуру работников, но и позволяет разрешить значительное количество разногласий без обращения в суд.

Список литературы:

1. Доклад Федеральной службы по труду и занятости об осуществлении в 2010 году государственного контроля (надзора) за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права. о труду и занятости. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.rostrud.ru/activities/28/doklad/>
2. Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации. 7-е издание / Под ред Гусова К. Н. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2008. — 928 стр.
3. Попова О. И. Надзорная и контрольная деятельность государственной инспекции труда в российской Федерации: проблемы и практика применения отдельных положений в Трудовом кодексе // Законодательство, № 8. — август 2008 г.
4. Постановление Правительства РФ от 30.07.2004 № 401 «О Федеральной службе по экологическому, технологическому и атомному надзору» // «Российская газета», № 170, 11.08.2004.
5. Постановление Правительства РФ от 24.07.2000 № 554 «Об утверждении Положения о Государственной санитарно-эпидемиологической службе Российской Федерации и Положения о государственном санитарно-эпидемиологическом нормировании»/ «Собрание законодательства РФ», 31.07.2000, № 31, ст. 3295.
6. Приказ Федеральной службы по труду и занятости, Федеральной миграционной службы от 3 апреля 2007 г. № 40/66 г. Москва «Об утверждении Регламента взаимодействия Федеральной службы по труду и занятости и Федеральной миграционной службы и их территориальных органов по осуществлению мероприятий по контролю (надзору) за

трудовой деятельностью иностранных работников на территории Российской Федерации» // «Российская газета» № 4363, 15.05.2007.

7. «Протокол о взаимодействии Федеральной службы судебных приставов и Федеральной службы по финансовому мониторингу при исполнении постановлений по делам об административных правонарушениях и иных исполнительных документов и организации информационного обмена» (утв. ФССП РФ, Росфинмониторингом 31.01.2011 № 12/01-3/01-01-16/242) // «Бюллетень Федеральной службы судебных приставов», № 3, 2011
8. Сапфинова А. А. Федеральная инспекция труда и государственный трудовой арбитраж: соотношение компетенции // Трудовое право. — М.: Интел-Синтез, 2009, № 9 (115).
9. Федеральный закон от 30 июня 2006 г. № 90 — ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации, признании не действующими на территории Российской Федерации некоторых нормативных правовых актов СССР и утратившими силу некоторых законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» // «Российская газета» № 146, 07.07. 2006.
10. Федеральный закон от 18 декабря 2006 г. № 232-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // «Российская газета» № 290, 23.12.2006.
11. Федеральный закон от 22 июля 2008 г. № 157 — ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации и статью 26.3 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // «Российская газета» № 4717, 30.07.2008.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА НАУЧНОГО РАБОТНИКА

Ковалева Мария Александровна

*канд. филос. наук, доцент каф. юриспруденции МГТУ
им. Н. Э. Баумана, г. Москва
E-mail: maha@bmstu.ru*

В Российской Федерации усиливаются роль и значение научно-технического потенциала. Однако в настоящее время законодательная база, регулирующая правовое положение научных работников далека от совершенства.

Под статусом субъекта понимается совокупность прав и обязанностей, закрепленных в соответствующем законодательстве. Как правило, этим понятием охватывается правосубъектность лица и меры его возможного и должного поведения в регулировании правоотношений. Правовой основой для закрепления статуса научного работника в большинстве экономически развитых стран служат различные международные документы, в частности, Декларация прав научных работников (1969 г.) [2]; Декларация прав и обязанностей ученых (1990 г.) [1]; Рекомендация о статусе научных работников (1974 г.) [7]; Конвенция о формировании и статусе межгосударственных научно-технических программ (1998 г.) [3], и др. В Российской Федерации основные нормы и положения указанных международных документов нашли отражение в Декларации прав и свобод человека и гражданина (1991 г.) [5], в Конституции РФ [4], а также в Федеральном законе «О науке и государственной научно-технической политике» (далее — Закон о науке) [8]. Научная деятельность также регулируется гражданским законодательством.

В соответствии со статьей 11 Закона о науке наука признается социально значимой отраслью, определяющей уровень развития производительных сил государства; субъектам научной и научно-технической деятельности гарантируется защита от недобросовестной конкуренции, поддержка предпринимательской деятельности в области науки и техники, приоритетное развитие фундаментальных научных исследований, стимулирование научной, научно-технической и инновационной деятельности через систему экономических и иных льгот, развитие научно-технической и инновационной деятельности посредством создания системы государственных научных центров и

других структур, а также развитие международного научного и научно-технического сотрудничества Российской Федерации [8].

Следует отметить, что в качестве одного из основных принципов государственной научно-технической политики указывается интеграция научной, научно-технической и образовательной деятельности на основе различных форм участия работников, аспирантов и студентов образовательных учреждений высшего профессионального образования в научных исследованиях и экспериментальных разработках посредством создания учебно-научных комплексов, лабораторий на базе образовательных учреждений высшего профессионального образования, кафедр научных организаций государственных академий наук, а также научных организаций федеральных органов исполнительной власти.

Научная деятельность представляет собой специфическую форму деятельности, которая существенно отличается от любых иных ее видов: как деятельности в сфере материального производства, так и любой духовной деятельности. В статье 2 Закона о науке закреплены понятия научной и научно-технической деятельности [8].

Научной (научно-исследовательской) деятельностью признается деятельность, направленная на получение и применение новых знаний [8]. К данному виду деятельности законодатель относит фундаментальные и прикладные научные исследования (разделяют в зависимости от направленности деятельности и по непосредственному отношению к практике).

Научно-техническая деятельность — это деятельность, направленная на получение, применение новых знаний для решения технологических, инженерных, экономических, социальных, гуманитарных и иных проблем, обеспечения функционирования науки, техники и производства как единой системы [8].

Выделяют следующие виды научно-технической деятельности (в зависимости от способов правового регулирования):

- деятельность, направленная на создание новых научных результатов и технических новшеств, которая включает научно-исследовательские, опытно-конструкторские и проектные работы, а также самостоятельную изобретательскую деятельность;
- деятельность по внедрению (использованию) результатов новых разработок, включая организацию новых производств, технологических и производственных процессов, проведение маркетинговых исследований и организацию рынков сбыта, посредническую и иную деятельность;
- деятельность, связанная с уступкой прав либо передачей в пользование прав на результаты научно-технической деятельности:

заключение лицензионных договоров, франчайзинговая деятельность, приобретение программного продукта, заключение договоров об уступке прав и др.

Глава II Закона о науке посвящена субъектам научной и (или) научно-технической деятельности, законодательно закрепляет статус научного работника. По правовому статусу круг таких субъектов достаточно разнообразен. Научная и научно-техническая деятельность осуществляется в порядке, установленном Законом о науке, физическими лицами — гражданами РФ, а также иностранными гражданами, лицами без гражданства в пределах прав, установленных законодательством РФ и законодательством субъектов РФ [8]. В первую очередь это авторы научных и научно-технических разработок: изобретатели, научные работники, конструкторы, проектанты, технологи и другие творческие личности, силой интеллектуальных способностей которых и создаются научные открытия и научно-технические новшества (интеллектуальный продукт). Такие субъекты могут быть индивидуальными предпринимателями или выступать в качестве наемных работников, являясь членами научных (творческих) коллективов различных научно-исследовательских, проектных организаций и образовательных учреждений высшего профессионального образования.

Таким образом, указанная деятельность может осуществляться и юридическими лицами (научными организациями) при условии, если научная и (или) научно-техническая деятельность предусмотрена их учредительными документами. При этом органы государственной власти РФ гарантируют свободу творчества, предоставляя субъектам научной и (или) научно-технической деятельности право выбора направлений и методов проведения научных исследований и экспериментальных разработок, финансирование проектов, выполняемых по государственным заказам, подготовку, повышение квалификации и переподготовку научных работников и специалистов государственных научных организаций; впервые законодательно признается право на обоснованный риск в научной, научно-технической деятельности.

Научным работником (исследователем) является гражданин, обладающий необходимой квалификацией и профессионально занимающийся научной и (или) научно-технической деятельностью [8]. Правовые основы оценки квалификации научных работников и специалистов научной организации и критерии этой оценки определяются в порядке, устанавливаемом федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в

сфере научной и научно-технической деятельности, и обеспечиваются государственной системой аттестации.

Единый реестр предусмотренных государственной системой аттестации ученых степеней и ученых званий, а также порядок присуждения ученых степеней или присвоения ученых званий устанавливается Правительством РФ. Указанный реестр действует на всей территории Российской Федерации. В настоящее время действует постановление Правительства РФ «Об утверждении единого реестра ученых степеней и ученых званий и положения о порядке присуждения ученых степеней», которое утвердило и ввело в действие с 15 мая 2002 года Единый реестр ученых степеней и ученых званий, а также Положение о порядке присуждения ученых степеней, которое определяет правовые основы оценки квалификации научных и научно-педагогических работников [6].

Научные работники как субъекты научной и (или) научно-технической деятельности наделены определенными правами и обязанностями.

Научный работник имеет право на признание его автором научных и (или) научно-технических результатов и подачу заявок на изобретения и другие результаты интеллектуальной деятельности в соответствии с законодательством РФ; участие в конкурсе на финансирование научных исследований за счет средств соответствующего бюджета, фондов поддержки научной и (или) научно-технической деятельности и иных источников, не запрещенных законодательством РФ; подачу заявок на участие в международном научном и научно-техническом сотрудничестве (стажировки, командировки, публикации научных и (или) научно-технических результатов за пределами территории РФ); публикацию в открытой печати научных и (или) научно-технических результатов, если они не содержат сведений, относящихся к государственной, служебной или коммерческой тайне; повышение научной квалификации и др. Научные работники также вправе заключать договоры о совместной научной и (или) научно-технической деятельности в соответствии с законодательством РФ и создавать на добровольной основе общественные объединения (в том числе научные, научно-технические и научно-просветительские общества, общественные академии наук) в порядке, предусмотренном законодательством РФ об общественных объединениях.

Научный работник обязан осуществлять научную, научно-техническую деятельность и (или) экспериментальные разработки, не нарушая права и свободы человека, не причиняя вреда его жизни и здоровью, а также окружающей среде; объективно осуществлять

экспертизы представленных ему научных и научно-технических программ и проектов, научных и (или) научно-технических результатов и экспериментальных разработок [8].

Несмотря на возросший в последнее время интерес и внимание со стороны государства к судьбе российских ученых, правовое регулирование в данной сфере все еще находится на достаточно низком уровне. Необходимо продолжать развивать законодательство в сфере науки и научно-технической деятельности. Требуется принятие законов, развивающих положения базового Закона о науке, устанавливающих четкие правовые основы деятельности научного работника, меры государственной защиты с учетом специфики этой категории специалистов. Принятие указанных нормативных правовых актов необходимо как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов РФ, при этом в субъектах РФ возможно решение вопроса об определении статуса работников научных организаций регионального значения.

Список литературы:

1. Декларация прав и обязанностей ученых // Мир науки. 1991. № 1.
2. Декларация прав научных работников, принятая Всемирной федерацией научных работников в 1969 г.
3. Конвенция о формировании и статусе межгосударственных научно-технических программ // Бюллетень международных договоров. 2008. № 5. С. 7—11.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ и от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2009. № 4. Ст. 445.
5. Постановление Правительства РФ от 22.11.1991 г. № 1920-1 «О декларации прав и свобод человека и гражданина» // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1991. № 52. Ст. 1865.
6. Постановление Правительства РФ от 30.01.2002 г. № 74 (ред. от 20.06.2011 г.) «Об утверждении единого реестра ученых степеней и ученых званий и положения о порядке присуждения ученых степеней» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 6. Ст. 580.
7. Рекомендация о статусе научных работников // Мир науки. 1991. № 4.
8. Федеральный закон от 23.08.1996 г. № 127-ФЗ (ред. от 21.07.2011 г.) «О науке и государственной научно-технической политике» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 35. Ст. 4137.

СЕКЦИЯ 11.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Полянская Елена Петровна

следователь СО МО МВД России «Саратовский»

Саратовской области, ст. лейтенант юстиции

соискатель кафедры методологии криминалистики

Саратовской государственной юридической академии г. Саратов

E-mail: azhara87@bk.ru

Материалы исследований показывают, что криминалистика не уделяет достаточного внимания внедрению криминалистических методов и средств в реализацию исполнения лишения свободы, хотя изначально обречена на совместную работу с ИУ в части реализации целей и задач сформулированных в ст. 1 УИК РФ по исправлению и предупреждению новых преступлений, как осужденными, так и иными лицами. Уголовно-исполнительная система является составной частью системы национальной безопасности государства. В настоящее время насчитывается семь тюрем, 657 исправительных колоний, в том числе 160 колоний-поселений и 62 воспитательные колонии для малолетних преступников. Действуют 226 СИЗО и еще 164 помещения, функционирующие в режиме следственного изолятора, а также 98 лечебно-исправительных и лечебно-профилактических учреждений. Помимо названных учреждений работают около 2,5 тыс. уголовно-исполнительных инспекций. Всего в местах лишения свободы содержится 861 тыс. 687 человек. Если учесть постоянную сменяемость «контингента», то понятна та роль, которую она выполняет в деле предупреждения, выявления и расследования преступлений. [1, с. 15,75]. Само исправительное учреждение является органом дознания (ст. 40 УПК РФ), и как орган дознания возбуждает уголовное дело и проводит неотложные следственные действия [2, с. 22]. Следователь взаимодействует с исправительным учреждением не только как с органом дознания, но и его структурными подразделениями. Без этого он не сможет расследовать ни одно пенитенциарное преступление. На необходимость

взаимодействия указывается и в ст. 84 УИК РФ, где к задачам администрации ИУ, наряду с исполнением уголовных наказаний в виде лишения свободы, отнесены предупреждение и раскрытие готовящихся и совершаемых преступлений; розыск в установленном порядке осужденных, совершивших побег из исправительных учреждений, а также выявление осужденных, уклоняющихся от отбывания лишения свободы; содействие в выявлении и раскрытии преступлений, совершенных осужденными до прибытия в исправительное учреждение [3, с. 34].

Практика расследования свидетельствует, что сложившееся формы взаимодействия между предварительным расследованием и уголовно-исполнительной системой в т.ч. и уголовно-процессуальное регулирование этих вопросов неадекватны современному уровню криминализации общества, что влечет утрату, искажение розыскной и доказательственной информации, формальное увеличение сроков ее прохождения и как следствие, задействию в процессе раскрытия и расследования преступлений значительного количества людей, в том числе и «случайных». В таких условиях снижается, а порой вообще размывается персональная ответственность за конечный результат работы.

В УИС накоплен огромный массив актуально значимой криминалистической информации, имеющей потенциальное криминалистическое значение и не только сугубо справочного характера (например, об индивидуальных признаках преступника), но и о его предрасположенности к определенному поведению, связях и контактах с лицами, склонными к побегу, совершению преступлений. За время пребывания в изоляции осужденный приобретает новые особые приметы, новые преступные знания. Однако, эти важнейших данных о личности преступников, находящихся в ИУ, не получили своего четкого закрепления в системе криминалистических и оперативно-розыскных учетах. Накопились проблемы во взаимодействии органов предварительного расследования со службами исправительных учреждений, владеющими ценной информацией о рецидивистах. Известно, что наиболее эффективной формой процессуального взаимодействия при расследовании продолжает оставаться следственная группа (СГ). Однако, на первоначальном этапе расследования пенитенциарного рецидива в СГ оперативные сотрудники ИУ не привлекаются.

Роль уголовно-исполнительной системы в собирании учетных данных для криминалистической регистрации остается самой неразработанной. Перечень информации, которую органы, исполняющие лишение свободы, должны в обязательном порядке

загружать в информационно-поисковую систему, и наиболее проблемной ее части — о типах связей преступников, их намерениях, требует совершенствования. До настоящего времени единой криминалистической регистрационной системы, созданной для собирания, учета, накопления и обработки данных о пенитенциарных рецидивистах, для их использования правоохранительными органами в поисковых, в т.ч. розыскных операциях, не создано. В настоящее время этому мешает ведомственная принадлежность регистрационных массивов и ведомственная регламентация деятельности регистрационных аппаратов. В результате различные правоохранительные подразделения создают и используют замкнутые и нестыкуемые банки и базы данных.

Слабо разработаны формы взаимодействия органов предварительного расследования и отделов безопасности исправительных учреждений. Именно от их деятельности во многом зависит безопасность участников уголовного судопроизводства, без чего немислимо ни одно расследование пенитенциарного преступления. Аналогичное положение и во взаимодействии с психологическими службами исправительных колоний, а также со специалистами в области общей и судебной психиатрии. Сейчас такие службы функционируют практически во всех ИУ. Формы и методы такого взаимодействия должна разработать криминалистика, которые бы учитывали интересы всех ведомств, а сам регистрационный массив приобрел новое качество, стал надежным, не допускающим возможности его корректировки. Отсутствие этого объясняет случаи «корректировки» администраций ИУ регистрационных данных, особенно при применении досрочного освобождения, когда начальники, изымают из личных дел сведения о допущенных нарушениях, представляют необоснованные заключения о целесообразности применения УДО.

Во взаимодействии криминалистики и уголовно-исполнительной системы заинтересованы обе стороны. Это вытекает из общности задач, которые они решают. Организация налаживания взаимодействия вполне реальна, поскольку служит не только делу раскрытия и расследования, но и особенно актуальна для деятельности исправительных учреждений (ИУ). Не выявленное и нераскрытое преступление совершенное осужденным или освобожденным ведет к ухудшению криминогенной обстановки в местах лишения свободы, создает у них уверенность в безнаказанности преступного поведения, способствует распространения в местах лишения свободы уголовных традиций, неформальных норм и обусловленных ими общественно опасных деяний.

Бороться с пенитенциарными преступлениями, раскрывать и расследовать их невозможно без единого центра, в котором бы накапливалась, обобщалась информация о всех освобожденных из ИУ. Взамен устаревшей форме «извещения» на освобождаемого из исправительного учреждения как важнейшего вида взаимодействия исправительного учреждения и органов предварительного расследования необходима новая форма, адаптированная к форме «уведомлений» Интерпола, что упрощает раскрытие пенитенциарного рецидива, розыск подозреваемого и обвиняемого, способствует установлению контроля за передвижением и местонахождением освобожденного, излагается ее содержание.

В 2005 г. в России начался процесс создания служб пробации, важнейшая задача которых — работа с освобожденными из мест лишения свободы. К сожалению, ни криминалистическая теория, ни практика, судя по публикациям, пока не увидели здесь реальных форм взаимодействия

Есть основания полагать, что эти недостатки компенсируются в рамках федеральной программы «Электронная Россия», на базе которой модернизируется, а если быть точным, создается принципиально новая информационная телекоммуникационная система органов внутренних дел.

Изложенного, достаточно, чтобы ставить вопрос о комплексной разработке понятийной характеристики организации взаимодействия органов предварительного расследования со структурными подразделениями исправительного учреждения, исследования механизма влияния различных факторов на состояние и эффективность взаимодействия, разработки основных принципов построения системы взаимодействия, механизма его осуществления в исправительных учреждениях. Усиление криминалистического влияния на реализацию лишения свободы должно рассматриваться как важнейшее направление во взаимодействии с уголовно-исполнительной системой как составной частью системы национальной безопасности государства.

Список литературы:

1. Николайченко В. В. Пенитенциарные и постпенитенциарные преступления как объект криминалистического исследования. Ч. 2 / — Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2005. — с. 156.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, справочная — правовая система Консультант Плюс 1997—2011 г. / Сборка 47169.
3. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации, справочная — правовая система Консультант Плюс 1997—2011 г. / Сборка 47169.

ОСНОВНЫЕ МЕРЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОМПЬЮТЕРНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Салиева Талайгул Камчыбековна

*аспирант Кыргызско-Российского Славянского Университета,
г. Бишкек, Кыргызская Республика
E-mail: salievat@rambler.ru*

По свидетельству экспертов из правоохранительных органов, самым лакомым сектором экономики для компьютерных преступников является кредитно-банковская сфера. Анализ совершенных здесь за последнее время преступных деяний с использованием компьютерных технологий, а также неоднократные опросы представителей банковских учреждений позволяют выделить следующие наиболее типичные способы совершения компьютерных преступлений против банков и других финансовых учреждений [1, с. 171].

Во-первых, все более распространенными становятся компьютерные преступления, совершаемые путем несанкционированного доступа к банковским базам данных посредством телекоммуникационных сетей.

Во-вторых, за последнее время не отмечено практически ни одного компьютерного преступления, которое было бы совершено одиночкой. Более того, известны случаи, когда организованными преступными группировками нанимались бригады из десятков хакеров, которым предоставлялось отдельное охраняемое помещение, оборудованное по последнему слову вычислительной техники, с тем, чтобы они осуществляли хищение крупных денежных средств путем нелегального проникновения в компьютерные сети крупных коммерческих банков.

В-третьих, большинство компьютерных преступлений в банковской сфере совершается при непосредственном участии самих служащих коммерческих банков. Результаты исследований, проведенных с привлечением банковского персонала, показывают, что доля таких преступлений приближается к отметке 70 %. Например, в 1998 г. в России работники правоохранительных органов предотвратили хищение на сумму в 2 млрд. рублей из филиала одного крупного коммерческого банка. Преступники оформили проводку фиктивного платежа с помощью удаленного доступа к банковскому компьютеру через модем, введя пароль и идентификационные данные, которые им передали сообщники из состава персонала этого филиала. Далее похищенные деньги были переведены в соседний банк, где преступники попытались снять их со счета, оформив поддельное платежное поручение [1, с. 175].

В-четвертых, все большее число компьютерных преступлений совершается в России с использованием возможностей, которые предоставляет своим пользователем глобальная компьютерная сеть Internet.

Анализ материалов российских уголовных дел позволяет сделать вывод о том, что основными причинами и условиями, способствующими совершению компьютерных преступлений в большинстве случаев стали [4, с. 89]:

1. неконтролируемый доступ сотрудников к пульту управления (клавиатуре) компьютера, используемого как автономно, так и в качестве рабочей станции автоматизированной сети для дистанционной передачи данных первичных бухгалтерских документов в процессе осуществления финансовых операций;

2. бесконтрольность за действиями обслуживающего персонала, что позволяет преступнику свободно использовать указанную в п. 1 ЭВМ в качестве орудия совершения преступления;

3. низкий уровень программного обеспечения, которое не имеет контрольной защиты, обеспечивающей проверку соответствия и правильности вводимой информации;

4. несовершенство парольной системы защиты от несанкционированного доступа к рабочей станции и ее программному обеспечению, которая не обеспечивает достоверную идентификацию пользователя по индивидуальным биометрическим параметрам;

5. отсутствие должностного лица, отвечающего за режим секретности и конфиденциальности коммерческой информации и ее безопасности в части защиты средств компьютерной техники от несанкционированного доступа;

6. отсутствие категоричности допуска сотрудников к документации строгой финансовой отчетности, в т.ч. находящейся в форме машинной информации;

7. отсутствие договоров (контрактов) с сотрудниками на предмет неразглашения коммерческой и служебной тайны, персональных данных и иной конфиденциальной информации [4, с. 92].

Зарубежный опыт показывает, что наиболее эффективной защитой от компьютерных правонарушений является введение в штатное расписание организаций должности специалиста по компьютерной безопасности (администратора по защите информации) либо создание специальных служб, как частных, так и централизованных, исходя из конкретной ситуации. Наличие такого отдела (службы) в организации, по оценкам зарубежных специалистов, снижает вероятность совершения компьютерных преступлений вдвое [2, с. 52].

Кроме того, в обязательном порядке должны быть реализованы следующие организационные мероприятия:

- для всех лиц, имеющих право доступа к СКТ, должны быть определены категории доступа;
- определена административная ответственность за сохранность и санкционированность доступа к информационным ресурсам;
- налажен периодический системный контроль за качеством защиты информации;
- проведена классификация информации в соответствии с ее важностью, дифференциация на основе этого мер защиты;
- организована физическая защита СКТ.

Помимо организационно-управленческих мер, существенную роль в борьбе с компьютерными преступлениями могут играть меры технического характера (аппаратные, программные и комплексные).

Аппаратные методы предназначены для защиты компьютерной техники от нежелательных физических воздействий и закрытия возможных каналов утечки конфиденциальной информации. К ним относятся источники бесперебойного питания, устройства экранирования аппаратуры, шифрозамки и устройства идентификации личности [2, с. 55].

Программные методы защиты предназначены для непосредственной защиты информации. Для защиты информации при ее передаче обычно используют различные методы шифрования данных. Как показывает практика, современные методы шифрования позволяют достаточно надежно скрыть смысл сообщения. Например, в США, в соответствии с директивой Министерства финансов, начиная с 1984 г. все общественные и частные организации были обязаны внедрить процедуру шифрования коммерческой информации по системе DES (Data Encryption Standard). Как правило, российские пользователи справедливо не доверяют зарубежным системам, взлом которых стал любимым развлечением хакеров и всяких джеймсов бондов. Однако и российские государственные системы тоже могут быть ненадежными — когда над Охотским морем советскими истребителями был сбит корейский пассажирский самолет, правительство США уже через неделю представило в ООН дешифровку переговоров советских военных летчиков со станциями слежения. Но с тех пор прошло пятнадцать лет. Разработаны, сертифицированы и активно используются десятки отечественных систем шифрования. Ряд из них имеют криптографическую защиту, то есть теоретически не могут быть взломаны за разумное время (менее десяти лет) даже сотрудниками ФАПСИ и уж тем более любопытствующими хакерами [3, с. 66].

При рассмотрении вопросов, касающихся программной защиты информационных ресурсов, особо выделяется проблема их защиты от компьютерных вирусов как способа совершения компьютерного преступления.

В настоящее время разрабатываемые отечественные и зарубежные программные антивирусные средства позволяют с определенным успехом (примерно 97 %) опознать зараженные программные средства и их компоненты. Существующие антивирусные программные пакеты (AIDSTEST, DrWeb, SHERIFF, ADinf, Norton Antivirus и др.) позволяют обнаруживать и уничтожать большинство вирусных программ.

Оценивая современное состояние уголовной и криминологической теории и учитывая потребности оперативно-следственной практики, надо признать, что в целом проблемы криминологической характеристики, совершенствования практики предупреждения компьютерных преступлений изучены явно недостаточно.

Необходимость всестороннего исследования обозначенных проблем диктуется как потребностью следственной практики, так и задачами дальнейшего совершенствования как уголовно-правовой, так и криминологической теории, усиления их влияния на результативность борьбы с компьютерной преступностью [5, с. 111].

Компьютеризация Кыргызстана неизбежна. Однако, надо помнить, что принесет она не только благо. Автор полагает, что невозможно в полной мере оценить опасность, какую несут с собой наши «электронные братья по разуму», а потому стоит прислушаться к опытному в этих делах человеку. Директор ЦРУ Джон Дейч недавно сравнил электронную угрозу с ядерной, химической и бактериологической опасностью. Соединенные в единую сеть компьютеры становятся уязвимыми для разного рода хулиганов, террористов, преступников, а кроме того, дают возможность проведения электронных диверсий и войн.

Список литературы:

1. Батурин Ю. М. Проблемы компьютерного права. М.: Юрид. лит., 1991.
2. Батурин Ю. М., Жодзишский А. М. Компьютерные преступления и компьютерная безопасность. М.: Юрид. лит., 1991.
3. Гудков П. Б. Компьютерные преступления в сфере экономики. М.: МИ МВД России, 1995.
4. Гульбин Ю. Преступления в сфере компьютерной информации. // Российская юстиция № 10, 1997.
5. Крупенина Я. Хакеру закон не писан. //Материалы Национальной службы новостей, 1997.

СЕКЦИЯ 12.

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО И ФИНАНСОВАЯ ПОЛИТИКА

ПОНЯТИЕ БЮДЖЕТНОГО КОНТРОЛЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Блиндюк Ирина Владимировна

*адъюнкт кафедры административного права
Санкт-Петербургского университета МВД России,
г. Санкт-Петербург*

E-mail: birochkamvd@mail.ru

На фоне кризисного состояния государственных финансов и затянувшегося поиска оптимальной модели межбюджетных отношений все ярче проявляется проблема организации в Российской Федерации системы финансового контроля. В науке финансового права финансовый контроль за осуществлением бюджетной деятельности получил название бюджетный контроль.

Рассмотрение бюджетного контроля как одной из важнейших функций государственного управления и необходимого условия эффективного функционирования экономической системы любого государства приобретает особое значение. Он является неотъемлемой составной частью финансовой деятельности государства.

Следует согласиться с мнением ученых, что категория бюджетного контроля для целей бюджетного законодательства является более точной, нежели категория финансового контроля, которая традиционно понимается в более широком смысле [9, с. 21]. Таким образом, бюджетный контроль представляет собой разновидность финансового контроля. Между ними существует взаимосвязь общего и особенного. Поэтому бюджетному контролю присущи те же признаки, что и финансовому контролю.

Э. А. Вознесенский, выделяя объект и цель контроля, под финансовым контролем понимает «деятельность государственных и общественных органов, состоящую в проверке обоснованности процессов формирования и использования централизованных и децентрализованных денежных фондов в целях соблюдения плановых

пропорций в расширенном социалистическом воспроизводстве» [1, с. 43].

По мнению Ю. А. Данилевского «финансовый контроль, являясь одной из важнейших функций и неотъемлемой составной частью общего механизма управления экономикой, производством, охватывает финансовые, кредитные и производственные показатели. В сферу контроля включаются производство, распределение, обращение и потребление товарно-материальных ценностей в денежном выражении» [5, с. 16]. Так же он считает, что контроль осуществляется в целях обеспечения проводимой государством финансовой политики и реализуется через систему организационных, административных, правоохранительных и других мер, соответствующих современным условиям и перспективе развития российской экономики и государства [4, с. 5].

Н. И. Химичева считает, что «финансовый контроль — это контроль за соблюдением законности и целесообразности действий в области образования, распределения и использования государственных, муниципальных и иных денежных фондов (финансовых ресурсов) публичного характера в целях эффективного социально-экономического **развития** страны в целом и ее регионов». При этом «значение финансового контроля выражается в том, что при его проведении проверяются, во-первых, соблюдение установленного в области финансовой деятельности правопорядка всеми органами государственной власти и местного самоуправления, предприятиями, учреждениями, организациями, гражданами и, во-вторых, экономическая обоснованность и эффективность осуществляемых действий, соответствие их задачам государства и муниципальных образований. Таким образом, он служит важным способом обеспечения законности и целесообразности проводимой финансовой деятельности» [10, с. 140].

А. Н. Козырина определяет финансовый контроль как «осуществляемую с использованием специфических организационных форм и методов деятельность государственных органов, в ряде случаев и негосударственных органов, наделенных законом соответствующими полномочиями в целях установления законности и достоверности финансовых операций, объективной оценки экономической эффективности финансово-хозяйственной деятельности и выявления резервов ее повышения, увеличения доходных поступлений в бюджет и сохранности государственной собственности» [7, с. 48].

По мнению Е. Ю. Грачевой «финансовый контроль необходимо рассматривать в двух аспектах: а) как строго регламентированную деятельность специально созданных контролирующих органов за соблюдением финансового законодательства и финансовой дисциплины всех экономических субъектов; б) как неотъемлемый элемент управления финансами и денежными потоками на макро- и микроуровне с целью обеспечения целесообразности и эффективности финансовых операций. Оба аспекта взаимосвязаны, но различаются целями, методами и субъектами его осуществления. Если в первом случае преобладают правовая и «количественная» характеристики, то во втором упор делается на аналитическую сторону финансового контроля» [3, с. 10].

Следует отметить, что Бюджетный кодекс Российской Федерации также не содержит определения понятия «бюджетный контроль», а устанавливает лишь отдельные правовые нормы, регулирующие отношения в сфере государственного и муниципального финансового контроля, тем самым фактически отождествляя эти понятия.

Таким образом, использование в отношении определения понятия «бюджетный контроль» категории «финансовый контроль» не позволяет законодательно отразить специфику проявления бюджетного контроля в соответствующей сфере финансового управления, а также не позволяет четко разграничить компетенцию органов власти без дублирования соответствующих полномочий.

Некоторые авторы в отличие от понятия финансовый контроль выделяют понятие «бюджетный контроль».

Так, Е. Ю. Грачева отмечает, что осуществление бюджетного контроля имеет своей основной целью соблюдение законности на всех стадиях бюджетного процесса для эффективного выполнения государством и муниципальными образованияами своих функций и задач. Названной цели соответствуют определенные задачи, стоящие перед бюджетным контролем, к которым прежде всего относится контроль за соблюдением бюджетного законодательства на следующих стадиях: составление проекта бюджета, его рассмотрение и утверждение; исполнение бюджета; составление и утверждение отчета об исполнении бюджета [2, с. 165].

Следует отметить, что государственный бюджетный контроль предполагает наличие обратных связей и является способом обеспечения законности в финансовой сфере. Это выражается в устранении препятствий в бюджетной системе Российской Федерации, через систему воздействия бюджетного контроля на финансовые отношения в целях более эффективного использования финансовых ресурсов.

Ю. А. Крохина определяет государственный и муниципальный бюджетный контроль как сферу государственно-правовой деятельности, которая включает контроль формирования и исполнения бюджетов, эффективного использования государственных и муниципальных средств, проведения экспертно-аналитических мероприятий по финансово-бюджетным вопросам [8, с. 409].

М. В. Карасева указывает, что бюджетный контроль — «подраздел финансового контроля. Он представляет собой финансовый контроль органов государственной власти и управления за соблюдением законодательства в процессе образования и расходования фонда денежных средств, предназначенных для финансового обеспечения задач и функций государства и местного самоуправления, т. е. бюджета» [6, с. 293].

Таким образом, бюджетный контроль осуществляется в целях реализации бюджетной политики и в таком качестве он имеет несколько аспектов:

1. выполняет одну из функций государственного управления, представляющей систему наблюдения и проверки функционирования управляемого объекта для оценки обоснованности и эффективности принятых финансово-управленческих решений, выявления возможных отклонений с целью принятия корректирующих мер и, таким образом, является инструментом государственного регулирования экономики;

2. обеспечивает законность и правопорядок при формировании и использовании средств бюджетов всех уровней бюджетной системы России;

3. отражает в процессе распределения, перераспределения и использования части стоимости валового внутреннего продукта движение финансовых ресурсов, которое реализуется через контрольно-ревизионную и экспертно-аналитическую деятельность субъектов бюджетного контроля;

4. является способом организации обратных связей, благодаря которым государственные органы и органы местного самоуправления получают информацию о ходе выполнения принятых ими нормативных правовых актов.

С учетом изложенного следует сформулировать определение бюджетного контроля, который выполняет одну из функций государственного контроля. Бюджетный контроль — это контроль осуществляемый компетентными органами государства и муниципальных образований, а также уполномоченными ими органами и организациями с использованием специальных форм и методов в целях обеспечения законности и правопорядка в бюджетной сфере в целях эффективного социально-экономического развития государства.

Список литературы:

1. Вознесенский Э. А. Финансовый контроль в СССР. М., 1973. — 43 с.
2. Грачева Е. Ю. Бюджетный контроль // Финансовый контроль: Учебное пособие / Грачева Е. Ю., Толстопятенко Г. П., Рыжкова Е. А. М., «Камерон», 2004. — 165 с.
3. Грачева Е. Ю., Хорина Л. Я. Государственный финансовый контроль: Курс лекций. М., 2005. — 10 с.
4. Данилевский Ю. А. Проблемы становления государственного финансового контроля // Бухгалтерский учет. 1996. № 3. — 5 с.
5. Данилевский Ю. А. Финансовый контроль в СССР и пути его совершенствования. М., 1989. — 16 с.
6. Карасева М. В. Бюджетное право: учебное пособие / под ред. М. В. Карасевой. — М.: Эксмо 2010. — 293 с.
7. Козырин А. Н. Финансовый контроль // Финансовое право / Под ред. проф. О. Н. Горбуновой. М.: Юрист, 1996. — 48 с.
8. Крохина Ю. А. Бюджетное право России: учебник / Ю. А. Крохина. — 2-е изд. перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт; ИД Юрайт, 2011. — 409 с.
9. Кучеров И. И. Бюджетное право России. Курс лекций. М., «Центр ЮрИнфоР», 2002. — 243 с., Ногина О. А. Налоговый контроль: вопросы теории. СПб: Питер, 2002. — 21 с.
10. Финансовое право: Учебник. / Отв. ред. Н. И. Химичева. — 4-е изд. перераб. и доп. М.: Норма, 2009. — 140 с.

О ПРИМЕНЕНИИ СИСТЕМЫ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ В ВИДЕ ЕНВД В ОТНОШЕНИИ РЕАЛИЗАЦИИ ТОВАРОВ БЮДЖЕТНЫМ УЧРЕЖДЕНИЯМ

Горяинова Екатерина Михайловна

*аспирант кафедры финансового и предпринимательского права
ФГБОУ ВПО «Госуниверситет-УНПК», г. Орел
E-mail: katerinagoryainova@yandex.ru*

Как у налоговых органов, так и у налогоплательщиков возникает вопрос о применении системы налогообложения в виде единого налога на вмененный доход в отношении реализации товаров бюджетным учреждениям. В связи с этим, хотелось бы остановиться на данной проблеме поподробнее.

Согласно ст. 346.26 НК РФ система налогообложения в виде ЕНВД может применяться в отношении розничной торговли, осуществляемой через магазины и павильоны с площадью торгового зала не более 150 квадратных метров по каждому объекту организации торговли, через объекты стационарной торговой сети, не имеющей торговых залов, а также объекты нестационарной торговой сети.

В соответствии со статьей 346.27 НК РФ под розничной торговлей для целей главы 26.3 НК РФ понимается предпринимательская деятельность, связанная с торговлей товарами (в том числе за наличный расчет, а также с использованием платежных карт) на основе договоров розничной купли-продажи [2].

Таким образом, одним из основных условий, позволяющих применять в отношении розничной торговли систему налогообложения в виде ЕНВД, является реализация товаров по договорам розничной купли-продажи через объекты стационарной и (или) нестационарной сети.

Статьей 492 ГК РФ установлено, что по договору розничной купли-продажи продавец, осуществляющий предпринимательскую деятельность по продаже товаров в розницу, обязуется передать покупателю товар, предназначенный для личного, семейного, домашнего или иного использования, не связанного с предпринимательской деятельностью [1]. Договор розничной купли-продажи является публичным договором.

Согласно ст. 426 ГК РФ публичным договором признается договор, заключенный коммерческой организацией и устанавливающий ее обязанности по продаже товаров, выполнению работ или оказанию услуг, которые такая организация по характеру своей деятельности должна осуществлять в отношении каждого, кто к ней обратится (розничная торговля, перевозка транспортом общего пользования, услуги связи, энергоснабжение, медицинское, гостиничное обслуживание и т. п.) [1].

Если иное не предусмотрено законом или договором, договор розничной купли-продажи считается заключенным с момента выдачи продавцом покупателю кассового или товарного чека или иного документа, подтверждающего оплату товара (ст. 493 ГК РФ).

В отличие от договора розничной купли-продажи по договору поставки поставщик-продавец, осуществляющий предпринимательскую деятельность, обязуется передать в обусловленный срок или сроки, производимые или закупаемые им товары покупателю для использования в предпринимательской деятельности или в иных целях, не связанных с личным, семейным, домашним и иным подобным использованием (ст. 506 ГК РФ).

Согласно разъяснениям Пленума ВАС РФ, изложенным в п. 5 Постановления от 22.10.1997 № 18, квалифицируя правоотношения при

реализации товаров необходимо исходить из признаков договора поставки, предусмотренных ст. 506 ГК РФ, независимо от наименования договора, названия его сторон либо обозначения способа передачи товара в тексте документа [4].

При этом под целями, не связанными с личным использованием, следует понимать, в том числе, приобретение покупателем товаров для обеспечения его деятельности в качестве организации или гражданина-предпринимателя (например, оргтехники, офисной мебели, транспортных средств, материалов для ремонтных работ и т. п.) [4].

Однако в случае, если данные товары приобретаются указанным покупателем у продавца, осуществляющего предпринимательскую деятельность по продаже товаров в розницу, отношения сторон регулируются нормами о розничной купле-продаже [4].

Из данных разъяснений следует, что особый статус покупателей по договорам — бюджетных учреждений, которые являются некоммерческими организациями, созданными согласно ст. 120 ГК РФ для определенной деятельности некоммерческого характера, не свидетельствует об осуществлении розничной торговли, поскольку в данном случае товары приобретаются для обеспечения их уставной деятельности, что исключает признак договора розничной купли-продажи — использование товара для личного, семейного, домашнего или иного использования, не связанного с предпринимательской деятельностью.

Розничная торговля характеризуется приобретением товара именно в торговой точке по розничной цене.

В этой связи к розничной торговле в целях применения системы налогообложения в виде ЕНВД относится предпринимательская деятельность, связанная с торговлей товарами как за наличный, так и безналичный расчет по договорам розничной купли-продажи физическим и юридическим лицам для личного, семейного, домашнего или иного использования, не связанного с осуществлением предпринимательской деятельности, т.е. не для последующей реализации или использования в процессе осуществления предпринимательской деятельности.

Торговля товарами и оказание услуг покупателям, осуществляемые налогоплательщиками-продавцами на основе договоров поставки (параграф 3 главы 30 ГК РФ) либо на основе иных договоров гражданско-правового характера, содержащих признаки договора поставки, относятся к предпринимательской деятельности в сфере оптовой торговли.

При этом следует иметь в виду, что НК РФ не устанавливает для организаций и индивидуальных предпринимателей, реализующих товары, обязанности осуществления контроля за последующим использованием покупателем приобретаемых товаров (для предпринимательской

деятельности или для личного, семейного, домашнего или иного использования, не связанного с предпринимательской деятельностью).

В этих условиях, например, если при реализации товаров продавец выдает покупателю кассовый и (или) товарный чек или иной документ, подтверждающий оплату товара (например, эксплуатационную или гарантийную документацию на товар, в которой сделана отметка об оплате), то такая реализация признается розничной торговлей.

Если в целях реализации товаров, например, заключаются договоры, в которых определяются ассортимент товаров, сроки их поставки, порядок и форма расчетов за поставляемые товары, а также оформляются и передаются покупателям накладные, счета-фактуры, ведутся журналы учета полученных и выставленных счетов-фактур, книги покупок и книги продаж, то такая деятельность относится к предпринимательской деятельности в сфере оптовой торговли.

Кроме того, необходимо отметить, что с 01.01.2006 г. вступил в силу Федеральный закон от 21.07.2005 № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд», который применяется в случаях размещения заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд [3].

Пунктом 1 статьи 9 Федерального закона № 94-ФЗ определено, что под государственным или муниципальным контрактом понимается договор, заключенный заказчиком от имени РФ, субъекта РФ или муниципального образования в целях обеспечения государственных или муниципальных нужд [3]. Под гражданско-правовым договором бюджетного учреждения на поставку товаров, выполнение работ, оказание услуг понимается договор, заключаемый от имени бюджетного учреждения.

Согласно п. 2 ст. 525 ГК РФ к отношениям по поставке товаров для государственных или муниципальных нужд применяются правила о договоре поставки (ст. 506-523 ГК РФ), если иное не предусмотрено правилами ГК РФ.

При этом, следует также иметь в виду, что в отличие от договора розничной купли-продажи, который является публичным договором, договор поставки по муниципальному контракту, а также по гражданско-правовому договору бюджетного учреждения не носит признаков публичности, указанных в ст. 426 ГК РФ, и согласно Федеральному закону № 94-ФЗ заключается в соответствии с результатами проведения конкурсов, аукционов, запросов котировок на поставку товаров, выполнение работ, оказание услуг конкретным потребителям [1; 2].

Учитывая изложенное, деятельность по реализации товаров, с том числе, бюджетным и некоммерческим организациям на основе договоров поставки, а также муниципальных контрактов, содержащих признаки договора поставки, относится к предпринимательской деятельности в сфере оптовой торговли, результаты от занятия которой подлежат налогообложению в общеустановленном порядке либо в порядке и на условиях, предусмотренных главой 26.2 НК РФ.

Данная позиция подтверждается Постановлением Президиума ВАС РФ от 04.10.2011 г. № 5566/11, где указывается, что реализация товаров не через объекты стационарной торговой сети, а по договору поставки путем доставки этого товара до покупателя относится к оптовой торговле, к которой система налогообложения в виде ЕНВД применению не подлежит [5]. Это мнение согласуется и с позицией Минфина РФ и Минэкономразвития России (письмо Минфина России от 16.11.2009 № 03-11-06/3/268 [6]).

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 30.11.2011) // Собрание законодательства РФ, 29.01.1996, № 5, ст. 410.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 06.12.2011, с изм. от 07.12.2011) // Собрание законодательства РФ, 07.08.2000, № 32, ст. 3340.
3. Федеральный закон от 21.07.2005 № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства РФ, 25.07.2005, № 30 (ч. 1), ст. 3105.
4. Постановление Пленума ВАС РФ от 22.10.1997 № 18 «О некоторых вопросах, связанных с применением положений Гражданского Кодекса Российской Федерации о договоре поставки» // СПС «Консультант Плюс».
5. Постановление Президиума ВАС РФ от 04.10.2011 г. № 5566/11 // [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.arbitr.ru/bras.net/f.aspx?id_casedoc=1_1_f796e537-ed14-46f1-a7cf-541c5a7170a7.
6. Письмо Минфина России от 16.11.2009 № 03-11-06/3/268 // СПС «Консультант Плюс».

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ БЮДЖЕТНОГО КОНТРОЛЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Карнов Эдуард Сергеевич

*канд. юрид. наук, старший преподаватель ВЮИ ФСИН России,
г. Владимир
E-mail: esk33@mail.ru*

Правовое регулирование бюджетного контроля в Российской Федерации осуществляется на федеральном, региональном и местном уровнях.

Основы правового регулирования бюджетного контроля заложены в Конституции РФ. Согласно ст. 71 Конституции РФ в ведении Российской Федерации находится федеральный бюджет, следовательно, бюджетный контроль за средствами федерального бюджета является прерогативой Российской Федерации [7]. Исходя из содержания ст. 73 Конституции РФ, бюджетный контроль за средствами бюджетов субъектов РФ осуществляется органами государственной власти субъектов РФ [7]. Вывод о том, что бюджетный контроль за средствами местных бюджетов осуществляется органами местного самоуправления, вытекает из ст. 132 Конституции РФ, согласно которой органы местного самоуправления самостоятельно формируют, утверждают и исполняют местный бюджет [7]. Пункт 5 ст. 101 Конституции РФ закрепляет право Совета Федерации и Государственной Думы на образование Счетной палаты Российской Федерации — органа, осуществляющего контроль за исполнением федерального бюджета [7].

Среди законодательных актов, регламентирующих организацию бюджетного контроля на федеральном уровне, в первую очередь выделяется Бюджетный кодекс Российской Федерации (далее — БК РФ) [1]. В ст. 157 БК РФ определяются бюджетные полномочия органов государственного и муниципального финансового контроля. В п. 2.1 ст. 157 БК РФ закрепляются условия, при которых Счетная палата Российской Федерации, Федеральная служба финансово-бюджетного надзора вправе проводить проверки бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов, и Контрольный орган, созданный законодательным (представительным) органом субъекта Российской Федерации, финансовый орган субъекта Российской Федерации и (или) иной орган, уполномоченный органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации, вправе проводить проверки местных бюджетов: эти бюджеты обязательно должны быть получателями межбюджетных трансфертов из

федерального бюджета или бюджета субъекта Российской Федерации. В этом проявляется принцип федерализма бюджетного контроля.

В БК РФ содержится специальный раздел IX называющийся «Государственный и муниципальный финансовый контроль», регулирующий основы государственного и муниципального финансового контроля в бюджетной сфере. Из анализа содержания IX раздела БК РФ следует, что финансовый контроль, о котором говорится в данном разделе, осуществляется в бюджетной сфере, следовательно, по своей сути этот контроль является бюджетным контролем. В связи с тем, что, понятие финансового контроля включает в себя не только бюджетный контроль, намного логичнее в Бюджетном кодексе Российской Федерации говорить именно о бюджетном контроле, а не о финансовом контроле в целом. В этой связи согласимся с мнением авторов, отмечающих необходимость переименования раздела IX БК РФ в «Государственный и муниципальный бюджетный контроль», а также главы 26 БК РФ — «Основы государственного и муниципального бюджетного контроля» [6, с. 172; 15, с. 110]. Это позволит более четко определить и закрепить в законодательстве границы бюджетного контроля, его формы и методы, разграничить виды государственного финансового контроля.

Одним из наиболее значимых нормативных правовых актов, регламентирующих организацию и осуществление бюджетного контроля на федеральном уровне, является Федеральный закон «О Счетной палате Российской Федерации» [18], в котором закрепляется статус Счетной палаты Российской Федерации, задачи ее деятельности, принципы осуществления контроля, состав и структура Счетной палаты, порядок ее деятельности и другие положения. Установление общих принципов организации, деятельности и основных полномочий контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и контрольно-счетных органов муниципальных образований осуществляется в Федеральном законе «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований» [22]. Основы организации бюджетного контроля на региональном и местном уровнях закрепляются также в Федеральном законе «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [20], в Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [21].

До настоящего времени в учебной и научной литературе в качестве одного из основных нормативных правовых актов, регламентирующих финансовый контроль, называют Указе Президента РФ от 25 июля 1996 г. № 1095 «О мерах по обеспечению государственного финансового контроля в Российской Федерации» [17]. По мнению автора,

целесообразность изучения положений этого нормативного акта под большим вопросом. Формально он не отменен, но по своему содержанию нормы этого указа были рассчитаны на достаточно краткосрочный период, в частности в п.3 его установлены главные приоритеты государственного финансового контроля на 1996 г. Основные положения, закрепленные в данном нормативном правовом акте, не отвечают современным требованиям. Например, в части перечня органов, осуществляющих финансовый контроль, анализируемый нормативный правовой акт, вступает в противоречие с Указом Президента РФ от 12 мая 2008 г. № 724 «Вопросы системы и структуры федеральных органов исполнительной власти» [16], которым закреплена действующая структура федеральных органов исполнительной власти.

Кроме этого, в правовой системе России существует проблема принятия Президентом РФ нормативных указов. Конституция РФ не содержит конкретного перечня вопросов, по которым Президент РФ мог бы принимать нормативные указы. В ней лишь записано, что Президент РФ в соответствии с Конституцией РФ и федеральными законами определяет основные направления внутренней и внешней политики. Указ Президента «О мерах по обеспечению государственного финансового контроля в Российской Федерации» формально не противоречит Конституции РФ и федеральным законам, однако его содержание касается ведения предмета законодательного органа, то есть такого вопроса, по которому должен быть принят федеральный закон, а не указ Президента РФ. Данный указ Президента РФ как бы восполняет пробелы в законодательном регулировании государственного финансового контроля, но это не соответствует положениям Конституции Российской Федерации и, по мнению автора, не является легитимной формой осуществления управленческой деятельности Президента РФ в сфере исполнительной власти. Конституция РФ устанавливает процедуру ликвидации пробелов в законодательстве: Президент РФ может внести в Государственную Думу соответствующий законопроект в порядке реализации права законодательной инициативы. Автор полагает, что Президент РФ не должен принимать акты законодательного характера, то есть фактически заменять своим указом конкретный закон.

На основании вышеизложенного, автор считает, до неизбежной юридической отмены Указа Президента РФ от 25 июля 1996 г. № 1095 «О мерах по обеспечению государственного финансового контроля в Российской Федерации» [17], в научной и учебной литературе его не следует указывать как основной нормативный правовой акт, определяющий систему государственного финансового контроля.

Среди подзаконных актов, регламентирующих бюджетный контроль на федеральном уровне, можно выделить: Постановление Правительства

РФ «Об утверждении Положения о Федеральной службе финансово-бюджетного надзора» [10]; Приказ Минфина России «Об утверждении административного регламента исполнения Федеральной службой финансово-бюджетного надзора государственной функции по осуществлению контроля и надзора за соблюдением законодательства Российской Федерации при использовании средств федерального бюджета, государственных внебюджетных фондов, а также материальных ценностей, находящихся в федеральной собственности» [12]; Приказ Минфина России «Об обеспечении деятельности по осуществлению государственного финансового контроля» [11] и др.

Этот перечень нельзя считать исчерпывающим, так как в некоторых других актах законодательства, регулирующих иные, а не бюджетные контрольные отношения, содержатся нормы, посвященные бюджетному контролю. Например, Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [19] содержит ст. 60, регламентирующую порядок осуществления контроля за целевым расходованием денежных средств, выделенных комиссиям на подготовку и проведение выборов или референдума и др.

На региональном уровне нормативные правовые акты в сфере бюджетного контроля можно систематизировать аналогично федеральному уровню.

Во-первых, это основные законы субъектов РФ — уставы и конституции субъектов РФ, в которых, как правило, содержатся общие нормы об органах, осуществляющих бюджетный контроль в субъекте РФ. Например, ст. 43 Закона Владимирской области «Устав (Основной Закон) Владимирской области» закрепляет, что для осуществления контроля и анализа исполнения областного бюджета, средств территориального государственного внебюджетного фонда, аудита эффективности использования областной собственности, соблюдения установленного порядка управления и распоряжения областной собственностью Законодательное Собрание образует Счетную палату [2].

Во-вторых, это законодательные акты общего действия, регулирующие бюджетное устройство и бюджетный процесс в субъекте РФ. В таких актах, как правило, содержатся разделы или статьи, посвященные финансовому (бюджетному) контролю в соответствующем субъекте РФ. В качестве примера можно привести Закон Владимирской области «О бюджетном процессе во Владимирской области» [3].

В-третьих, как правило, в субъектах РФ принимается закон, определяющий правовой статус и основы деятельности контрольно-счетного органа соответствующего субъекта РФ. На территории

Владимирской области действует региональный закон «О Счетной палате Владимирской области» [4].

Также в систему региональных нормативных правовых актов в сфере бюджетного контроля входят акты исполнительных органов власти субъектов РФ. Во Владимирской области в качестве примера можно привести Постановление Губернатора Владимирской области «Об утверждении Положения о контрольно-ревизионной инспекции администрации области» [9].

Следующий уровень правового регулирования отношений, складывающихся в сфере бюджетного контроля, составляют акты органов местного самоуправления. Они делятся на нормативные правовые акты, принятые представительными органами местного самоуправления, и нормативные правовые акты, принимаемые исполнительно-распорядительными органами местного самоуправления. К актам, регулирующим отношения в сфере бюджетного контроля, принятым представительными органами местного самоуправления, относятся, в-первых, уставы муниципальных образований. Например, Устав муниципального образования город Владимир, в ст. 50 которого закрепляется, что формы и порядок осуществления финансового контроля за исполнением бюджета городского округа определяются Положением о бюджетном процессе в городе Владимире [13].

Во-вторых, акты представительных органов местного самоуправления, регулирующие бюджетные отношения, в том числе в контрольной сфере. На территории муниципального образования городского округа Владимира действует решение Совета народных депутатов города Владимира «О Положении о бюджетном процессе в г. Владимире» [14].

В-третьих, акты исполнительных органов местного самоуправления, конкретизирующие порядок осуществления бюджетного контроля за средствами местных бюджетов. Во Владимире принято постановление главы города Владимира «Об утверждении Административного регламента исполнения контрольно-ревизионным отделом финансового управления администрации г. Владимира функции по осуществлению финансового контроля на территории г. Владимира организаций, финансируемых из средств бюджета города, а также муниципальных унитарных и муниципальных казенных предприятий города, при использовании средств бюджета города, средств государственных внебюджетных фондов, средств других уровней бюджета, а также имущества и материальных ценностей, находящихся в муниципальной собственности» [8].

Все нормативные правовые акты регионального и местного уровня не могут противоречить федеральному законодательству.

Список литературы:

1. Бюджетный кодекс РФ: Федеральный закон РФ от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.
2. Закон Владимирской области от 14 августа 2001 г. № 62-ОЗ «Устав (Основной Закон) Владимирской области» // Владимирские ведомости. 2001. 23 августа.
3. Закон Владимирской области от 24 ноября 2000 г. № 82-ОЗ «О бюджетном процессе во Владимирской области» // Владимирские ведомости. 2003. 18 июня.
4. Закон Владимирской области от 12 декабря 2011 г. № 110-ОЗ «О Счетной палате Владимирской области» // Владимирские ведомости. 2011. 17 декабря.
5. Закон Владимирской области от 4 декабря 1995 г. № 16-ОЗ «О Счетной палате Владимирской области» // Владимирские ведомости. 2002. 13 июня.
6. Комментарий к Бюджетному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Л. Л. Арзуманова, Н. М. Артемов, Е. М. Ашмарина и др.; под ред. Е. Ю. Грачевой. М.: Проспект, 2009.
7. Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года;
8. Постановление главы города Владимира от 14 декабря 2009 г. № 3994 «Об утверждении Административного регламента исполнения контрольно-ревизионным отделом финансового управления администрации г. Владимира функции по осуществлению финансового контроля на территории г. Владимира организаций, финансируемых из средств бюджета города, а также муниципальных унитарных и муниципальных казенных предприятий города, при использовании средств бюджета города, средств государственных внебюджетных фондов, средств других уровней бюджета, а также имущества и материальных ценностей, находящихся в муниципальной собственности» // Перископ. 2009. 22 декабря.
9. Постановление Губернатора Владимирской области от 19 сентября 2005 г. № 517 «Об утверждении Положения о контрольно-ревизионной инспекции администрации области» // Владимирские ведомости. 2005. 28 сентября.
10. Постановление Правительства РФ от 15 июня 2004 г. № 278 «Об утверждении Положения о Федеральной службе финансово-бюджетного надзора» // СЗ РФ. 2004. № 25. Ст. 2561.
11. Приказ Министерства финансов РФ от 25 декабря 2008 г. № 146н «Об обеспечении деятельности по осуществлению государственного финансового контроля» // Рос. газета. 2009. 4 марта.
12. Приказ Министерства финансов РФ от 4 сентября 2007 г. № 75н «Об утверждении административного регламента исполнения Федеральной службой финансово-бюджетного надзора государственной функции по осуществлению контроля и надзора за соблюдением законодательства Российской Федерации при использовании средств федерального бюджета,

- государственных внебюджетных фондов, а также материальных ценностей, находящихся в федеральной собственности» // БНА ФОИВ. 2007. № 49.
13. Решение Владимирского городского Совета народных депутатов от 29 июня 2005 г. № 231 «Об Уставе муниципального образования город Владимир» // Владимирские ведомости. 2005. 4 августа.
 14. Решение Совета народных депутатов города Владимира от 19 сентября 2007 г. № 223 «О Положении о бюджетном процессе в г. Владимире» // Молва. 2007. 29 сентября.
 15. Соколова Э. Д. Правовое регулирование финансовой деятельности государства и муниципальных образований. М.: Юриспруденция, 2009.
 16. Указ Президента РФ от 12 мая 2008 г. № 724 «Вопросы системы и структуры федеральных органов исполнительной власти» // Рос. газета. 2008. 13 мая.
 17. Указ Президента РФ от 25 июля 1996 г. № 1095 «О мерах по обеспечению государственного финансового контроля в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1996. № 31. Ст. 3696.
 18. Федеральный закон от 11 января 1995 г. № 4-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации» // СЗ РФ. 1995. № 3. Ст. 167.
 19. Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Рос. газета. 2002. 15 июня.
 20. Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Рос. газета. 1999. 19 октября.
 21. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Рос. газета. 2003. 8 октября.
 22. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 6-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований» // Рос. газета. 2011. 11 февраля.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

«ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ»

Материалы международной заочной научно-практической
конференции

06 февраля 2012 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 13.02.12. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 9,625. Тираж 550 экз.

Издательство «ЭКОР-книга»
630004, г. Новосибирск, ул. Вокзальная магистраль, 8б
E-mail: ecor@ecor-kniga.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Априори»
630099, г. Новосибирск, ул. Романова, 28